This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 3049.03.25

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ZVORYKIN

„KREST'IANSKOE

ZEMLEUSTROISTVO"

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО

И

НЕОТЛОЖНАЯ

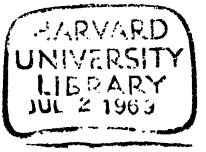
АГРАРНАЯ РЕФОРМА

ВЪ РОССІИ

Н. Н. ЗВОРЫКИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13
1905

Slav 3099.05.25



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Народъ единъ и раздѣленіе его на сословія можетъ быть допущено только при томъ условіи, чтобы оно отнюдь не нарушало народнаго единства.

Сословіе, не имѣющее опредѣленнаго назначенія въ дѣлѣ общаго народнаго движенія къ своему благосостоянію, не только теряетъ свой смыслъ, но становится лишнимъ, тяжелымъ бременемъ для остальныхъ классовъ общества.

Такое «лишнее» сословіе само по себѣ уже перестаетъ представлять собою часть единаго народа; оно отъ него отходитъ и выдѣляется въ отдѣльную касту.

Въ такомъ именно положеніи очутилось наше дворянство.

Отрицать, вообще, значеніе дворянства въ дѣлѣ народнаго развитія—значило бы отрицать исторію. Но всякому овощу свое время, и самый великій артистъ можетъ быть освистанъ, разъ онъ во время не уйдетъ со сцены.

Какое же назначеніе дворянства въ исторической жизни народовъ?

*

Первѣйшее назначеніе дворянъ было повсюду чисто боевое; дворяне выходили изъ касты воиновъ, на которыхъ лежала обязанность защиты отечества; изъ нихъ же выработался въ средніе вѣка классъ рыцарей, отличавшійся благородствомъ, мужествомъ, отвагой и самоотверженіемъ. Изъ нихъ затѣмъ образовался классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, — бароновъ и графовъ, — такъ какъ имъ, въ качествѣ за воевателей, достались завоеванныя земли.

Какъ на поприщѣ боевомъ, такъ и на поприщѣ организаторской, административной дѣятельности, дворяне оставили повсюду не мало славныхъ именъ; но въ числѣ такихъ именъ, сохранившихся въ народной памяти, находятся не только доблестные герои, отличившіеся военными подвигами, и не только даровитые администраторы, свершившіе крупныя преобразованія; въ числѣ такихъ родовитыхъ дворянъ имѣются еще немало и такихъ дѣятелей, организаторскія способности которыхъ проявились, не въ сферѣ бюрократіи и государственной службы, а въ области сельскаго хозяйства, въ плодотворныхъ трудахъ по благоустройству и поднятію экономическаго уровня ихъ владѣній и въ огромной пользѣ, которую они такою дѣятельностью принесли сельскому населенію.

Въ наши времена, когда народъ уже вышелъ изъ состоянія порабощенія, и экономическая дѣятельность перестала сосредоточиваться въ рукахъ власти, уступившей свое мѣсто свободному труду, на основаніяхъ свободной же конкурренціи, прерогативы и привилегіи дворянъ, въ глазахъ народа, уже потеряли всякое значеніе; имъ могутъ еще оказывать извѣстную дань уваженія въ память заслугъ ихъ

предковъ, но ожидать отъ народа, что онъ, изъ чувства благодарности къ прошлому, будетъ признавать за ними право вѣчной эксплоатаціи, было бы опасно для нихъ же самихъ.

И, вотъ, на такой-то опасной почвѣ и стоитъ наше дворянство.

Ни для кого не тайна, что о «барахъ» и «господахъ» крестьяне обыкновенно отзываются съ полнѣйшимъ презрѣніемъ, считая ихъ паразитами, «дармоѣдами», существующими на счетъ народа.

Но, помимо презрѣнія къ дворянамъ, въ крестьянахъ укоренилась и замѣтно развивается еще и глубокая ненависть; дворяне въ ихъ представленіи являются сословіемъ, захватившимъ въ свои руки власть, и эксплоатирующимъ народъ; въ нихъ, поэтому, они и видятъ причину всѣхъ своихъ бѣдъ и несчастій, и на нихъ-то поэтому же они и готовы обрушить свой гнѣвъ за выпавшія на ихъ долю страданія.

Дѣло не въ томъ, чтобы судить предковъ за ихъ прошлое, вознаграждая достойныхъ и карая виновныхъ: предки отошли въ вѣчность, а добрыя и худыя воспоминанія улягутся и забудутся.

Дѣло въ томъ, чтобы дворянство, желающее стоять выше остального народа, имѣло точно опредѣленныя основанія, на которыя оно могло бы опираться въ настоящемъ для того, чтобы держать въ рукахъ силу и власть и содержаться на счетъ остальныхъ классовъ общества.

Народъ обвиняетъ дворянъ въ томъ, что они представляютъ собою средостѣніе, занявшее всѣ административныя мѣста и стоящее между нимъ и верховнымъ правительствомъ.

Въ глазахъ народа, дворяне — это бюрократія,— чиновники,—всѣ, сколько ихъ есть. Чиновниками они были и до реформы 1861 года, — это была ихъ привилегія; за свою службу они вознаграждались помѣстьями, отъ которыхъ они и кормились. Но теперь, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости и дворянской монополіи на землевладѣніе, съ введеніемъ вознагражденія за царскую службу крупными, по понятіямъ народа, денежными окладами, такая привилегія дворянскаго сословія является тѣмъ болѣе опасною для него же самого, что всѣ неудачи, всѣ бѣды и погромы, обрушившіеся на страну, взваливаются народомъ на дворянъ, представляющихъ собою чиновниковъ и бюрократію.

Крестьяне въ этомъ направленіи дошли до того, что дворянъ и чиновниковъ не признаютъ настоящими русскими, т. е. входящими въ составъ Русскаго народа.

Русскій народъ, по ихъ мнѣнію,— это сами они, т. е. крестьяне и люди, пробившіе себѣ дорогу изъ крестьянъ всюду, кромѣ чиновниковъ. Даже урядникъ,—будь онъ крестьянинъ по происхожденію,—и тотъ уже въ глазахъ крестьянъ стоитъ отдѣльно отъ народа.

Чѣмъ же объясняется подобное отношеніе крестьянъ къ цѣлому классу людей, въ числѣ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть не мало такихъ, которые заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія? Не есть ли это результатъ того положенія вещей, что интеллигентные классы общества не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ крестьянами и сами отошли отъ народа, что они держать себя отъ крестьянъ, да и, вообще, отъ деревни весьма далеко,

замыкаясь въ особую касту, для нихъ чуждую и непонятную?

Освобожденіе крестьянъ должно было быть уничтоженіемъ сословныхъ привилегій.

Дворяне это сами чувствовали и понимали; поэтому-то актъ освобожденія и вышелъ такимъ урѣзаннымъ и изуродованнымъ, сравнительно съ его назначеніемъ: дворянамъ, какъ сословію служилому, самимъ пришлось составлять себѣ приговоръ, и они постарались, при невозможности спасти свою судьбу, протянуть по возможности дольше свою агонію; это имъ и удалось.

Освобожденіе крестьянъ было освобожденіемъ народа, не только потому, что численность крестьянъ, по сравненію съ дворянами, составляла подавляющее большинство, а, главнымъ образомъ, потому, что помѣщики-дворяне и тогда еще представляли собою составную часть административной организаціи правительства; по выраженію Николая I, «они были полиціймейстерами», отъ которыхъ зависѣла судьба и самая жизнь десятковъ милліоновъ душъ.

Тѣмъ-то и велико по своей идеѣ освобожденіе крестьянъ, тѣмъ-то оно и поразило весь міръ, какъ явленіе безпримѣрное, что оно представляетъ собою революціонный актъ, осуществленный движеніемъ не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Актомъ этимъ Государь впервые всталъ лицомъ къ лицу къ народу и обратился къ крестьянамъ съ своимъ царскимъ словомъ, непосредственно, помимо помѣщиковъ, какъ къ людямъ самостоятельнымъ и полноправнымъ; до тѣхъ же поръ люди эти представляли собою чужую собственность, какъ вещь, какъ ско-

тина, и говорить о нихъ приходилось только съ ихъ хозяевами.

Съ объективной точки зрѣнія, бросается въ глаза, что, возвращая крестьянамъ человѣческія права, актъ освобожденія бывшихъ рабовладѣльцевъ, не только не осуждаетъ за владѣніе стадами народа и за ихъ безчеловѣчное отношеніе къ людямъ, но признаетъ отнимаемыя у нихъ права собственности на человѣчьи души законными и соблюдаетъ по отношенію къ выкупу ихъ ту же деликатность, какъ при отчужденіяхъ земель для желѣзныхъ дорогъ: свобода безъ земли для крестьянъ была бы равносильна осужденію ихъ на голодную смерть; поэтому душу человѣческую приравняли къ душѣ земельной, для которой и былъ назначенъ «выкупъ».

Актъ освобожденія очевидно пощадилъ самолюбіе помѣщиковъ, не осудивъ ихъ за позорное владѣніе и торговлю человѣческими душами.

Жалѣя помѣщиковъ, составители реформы также постѣснились отобрать отъ нихъ въ достаточномъ количествѣ и землю для надѣленія крестьянъ, даже за деньги.

Но жалость въ дѣлахъ, вообще, а тѣмъ болѣе при рѣшеніи вопросовъ міровыхъ, неумѣстна и, вмѣсто пользы, причиняетъ огромный вредъ.

Всѣ послѣдующія мѣры, клонившіяся къ поддержанію дворянъ, также изъ жалости, за счетъ того же народа, ихъ не спасли, а народъ разорили.

Впрочемъ, льготы, которыя проявлялись по отношенію къ дворянамъ, имѣли въ своемъ основаніи не одну жалость: на дворянъ возлагались великія надежды, въ отношеніи проведенія въ жизнь предположенныхъ преобразованій. Дворяне были почти исклю-

чительными представителями интеллигенціи; они же были коренными землевладѣльцами; кому же, какъ не имъ, стоящимъ у земли и у народа, слѣдовало создать эру его возрожденія?

Однакоже, задача эта нашему дворянству оказалась не по силамъ; по сравненію съ западно-европейскими государствами, оно не выдержало своего испытанія и не выполнило своего назначенія.

Причинами такого печальнаго результата, какъ оказывается, была полнѣйшая неподготовленность помѣщиковъ къ новой, совершенно незнакомой для нихъ дѣятельности, съ одной стороны, и ненормальныя условія жизни, въ которыя были поставлены крестьяне,— съ другой.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, не всѣ же поголовно дворяне оказались людьми неспособными и безпутными? Но какимъ образомъ, и въ чемъ же именно они могли оказывать свое благотворное вліяніе на крестьянъ?

Въ дѣйствительности, надо сознаться, что въ этомъ отношеніи толку не вышло и въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, когда помѣщики, послѣ освобожденія, деревни не бросили, къ народу продолжали стоять ближе другихъ и въ глазахъ его, за свою справедливость, пользовались репутаціею «хорошихъ господъ».

Недоставало для благотворнаго вліянія интеллигентныхъ землевладѣльцевъ на крестьянъ общихъ для тѣхъ и другихъ точекъ соприкосновенія, общности ихъ интересовъ, необходимаго обмѣна между ними мыслей и взглядовъ, словомъ, недоставало единства направленій, стремленій и цѣли, связывающихъ между собою отдѣльные классы народа. Все пошло врозь, и направленія, и интересы.

Вмѣсто объединенія сословій, реформа 1861 года установила между дворянами и крестьянами такую рѣзкую грань, что они оказались навсегда другъ отъ друга отрѣзанными.

Съ уничтоженіемъ административной зависимости крестьянъ отъ дворянъ, было создано особое «Положеніе о крестьянахъ», которымъ сельское населеніе было исключено изъ сферы общихъ для другихъ сословій законовъ, суда и правопорядка; крестьяне, на основаніи этого положенія, оказались замкнутыми въ хиъ сельской общинѣ, въ ихъ особомъ «мірѣ», внѣ другихъ составныхъ слоевъ общества, живущихъ подъ покровительствомъ общихъ законовъ Имперіи. Выходъ изъ этого «міра», какъ извѣстно, сопряженъ съ величайшими затрудненіями, устранить которыя въ принципѣ, хотя и давно уже рѣшено, но на практикѣ еще не удалось.

Освободившись изъ-подъ власти помѣщиковъ, крестьяне потеряли всякую связь съ крупными землевладѣльцами; новыхъ точекъ соприкосновенія, основанныхъ на почвѣ экономической, т. е. на взаимныхъ выгодахъ сторонъ, изъ которыхъ одна нуждалась въ рабочихъ рукахъ, а другая—въ землѣ, вопреки ожиданіямъ, создано не было. Помѣщики оказались плохими организаторами и плохими сельскими хозяевами. Въ то время, какъ въ области промышленности наступила эра возрожденія, явились энергичные и талантливые люди, и создавались грандіозныя предпріятія, въ области земледѣлія наступилъ застой, и оно пришло въ упадокъ. Своимъ неудачнымъ хозяйствомъ дворяне и сами себя довели до разоренія, да и сельскому населенію не принесли пользы, такъ какъ оно не полу-

чило, ни достаточнаго заработка, ни возможности пользоваться землею на сносныхъ условіяхъ.

Въ Западной Европѣ аристократія земельная уже въ средніе вѣка стояла на одинаковой высотѣ съ аристократіею боевою. Бароны и графы еще во времена крѣпостной зависимости проявили свои организаторскія способности въ дѣлѣ сельскаго хозяйства и подъемѣ экономическаго благосостоянія своихъ владѣній. Громадныя сооруженія по канализаціи, ирригаціи, дренажу, водопроводамъ, плотинамъ, осушкѣ болотъ, и т. п. въ большинствѣ случаевъ относятся къ временамъ крѣпостного права. Трудъ въ тѣ времена, положимъ, былъ даровой, но бароны и графы сумѣли съ толкомъ имъ воспользоваться, а теперь результатами этихъ трудовъ уже пользуется самъ народъ. Цѣлыя области до сихъ поръ носятъ названіе такихъ графовъ, и народъ, на-ряду съ ужасами временъ крѣпостного права, хранитъ воспоминанія о плодотворной дѣятельности многихъ землевладѣльцевъ, сумѣвшихъ обогатить мѣстное населеніе. Такимъ образомъ, понятіе о плодотворномъ трудѣ, о соразмѣрности между результатами работы и затраченной энергіей и степени ея напряженія, а также о безвыгодности подневольнаго труда, сравнительно съ трудомъ, основаннымъ на добровольномъ соглашеніи, благодаря графамъ и баронамъ, вошло въ народное сознаніе гораздо ранѣе исчезновенія крѣпостного права. Поэтому, въ другихъ европейскихъ государствахъ крестьяне еще до своего освобожденія оказались уже подготовленными къ свободному труду и, получивъ свободу, твердыми шагами пошли впередъ, къ достиженію благосостоянія. Поэтому же тамъ и самое освобожде-

ніе крестьянъ произошло помимо всякаго принудительнаго акта свыше, а само собою, постепенно и незамѣтно, по мѣрѣ того, какъ преимущества свободнаго труда передъ подневольнымъ входили въ сознаніе, и помѣщиковъ, да и крестьянъ. Все это совершилось, благодаря трудамъ въ области сельскаго хозяйства дворянъ-землевладѣльцевъ.

Ничего подобнаго у насъ въ Россіи не было. До отмѣны крѣпостного права, помѣщики сами хозяйствомъ не занимались вовсе. Земли и рабочихъ было у нихъ много, а хозяйство велось на рутинныхъ, примитивныхъ началахъ, подъ присмотромъ бурмистровъ и старостъ изъ тѣхъ же крѣпостныхъ: ни о какихъ усовершенствованіяхъ культуры не могло быть и рѣчи. Были разныя затѣи помѣщиковъ - самодуровъ, строившихъ дворцы, оранжереи, причудливыя бесѣдки, конскіе заводы, фонтаны, Семирамидовы сады,—«монплезиры» и «санъ-суси», но памятниковъ, напримѣръ, орошенія цѣлаго края, или осушенія громадныхъ болотъ, что-то не видно.

Освобожденіе крестьянъ такимъ образомъ застало и крестьянъ и помѣщиковъ одинаково неподготовленными къ вольному труду; крестьяне знали одну барщину, а помѣщики—одну службу и раболѣпство передъ высшимъ начальствомъ.

Дворяне не сумѣли воспользоваться и льготами, данными имъ, какъ самимъ актомъ освобожденія, такъ и послѣдующими мѣрами; вмѣсто того, чтобы засѣсть въ деревнѣ и серьезно приняться за предпріятіе, въ которомъ могли быть съ выгодою использованы и силы окрестныхъ крестьянъ, помѣщики встали съ ними во враждебныя отношенія, уронили свои хозяйства, кре-

стьянамъ предоставили заработокъ самый ничтожный, и сами въ большинствѣ случаевъ разорились; въ глазахъ крестьянъ такое разореніе представляется доказательствомъ полной неспособности помѣщиковъ къ дѣлу; по понятіямъ народа, земля кормитъ человѣка, и если человѣкъ, имѣя столько земли, сколько имѣютъ помѣщики, не въ состояніи себя прокормить, то куда же онъ годенъ?

Такимъ образомъ, если крестьяне, въ глазахъ дворянъ, сами виноваты въ своемъ обнищаніи, объясняющемся обыкновенно неспособностью, лѣностью и пьянствомъ, то и дворяне, по мнѣнію крестьянъ, также сами виноваты въ своемъ разореніи и чуть ли не по тѣмъ же самымъ причинамъ.

Въ изданныхъ мною трудахъ, являющихся результатами моихъ многолѣтнихъ изслѣдованій по крестьянскимъ и земельнымъ вопросамъ, постоянно проводилась идея необходимости созданія общности интересовъ между крупными землевладѣльцами и крестьянами на почвѣ чисто экономической; безъ установленія такой общности интересовъ, по моему мнѣнію, нельзя было и разсчитывать на достиженіе благосостоянія, ни крестьянъ, ни землевладѣльцевъ.

Изученіе и переработка собраннаго покойнымъ княземъ В. Н. Тенишевымъ обильнаго этнографическаго матерьяла [1]), въ которомъ находятся весьма цѣнныя свѣдѣнія, не только въ отношеніи бытовомъ,

---

[1]) Весь этотъ матерьялъ принесенъ въ даръ супругою покойнаго князя, княгинею М. К. Тенишевою, музею Императора Александра III.

но и въ отношеніи экономическомъ, дали мнѣ возможность еще ближе и подробнѣе ознакомиться съ фактическою стороною крестьянской жизни и провѣрить выведенныя мною на основаніи личныхъ моихъ изслѣдованій и наблюденій заключенія.

Безошибочно можно сказать, что всѣ крупныя хозяйства, дающія удовлетворительные результаты, идутъ рука объ руку съ благосостояніемъ окружающихъ крестьянъ. Мнѣ извѣстенъ примѣръ помѣщика, который велъ все свое полевое и луговое хозяйство, со временъ освобожденія, съ крестьянами сообща; когда онъ не такъ давно умеръ, то оставилъ болѣе 700 десятинъ незаложенной земли, а получилъ отъ своего отца всего 150; нечего и говорить, что крестьяне отзываются о немъ съ большими похвалами.

Но такіе примѣры представляютъ собою весьма рѣдкія исключенія. На дѣлѣ мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что крупные землевладѣльцы не имѣютъ ни малѣйшаго желанія сближаться съ народомъ и заняться его культурою, хотя бы приспосабливая и пріучая его къ правильной обработкѣ земли, въ своихъ же экономіяхъ и для своей же пользы. Всѣ предлагаемыя въ этомъ смыслѣ комбинаціи не удостаиваются даже внимательнаго разсмотрѣнія, разъ дѣло идетъ о томъ, чтобы вести его сообща съ крестьянами. «Вотъ еще, станемъ мы опять съ мужиками возиться», въ большинствѣ случаевъ слышалъ я отъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ отвѣтъ на мои убѣжденія.

А возиться съ крестьянами интеллигентнымъ классамъ между тѣмъ необходимо: безъ этого не можетъ обойтись ни одно дѣло, ни одно предпріятіе, такъ

какъ крестьяне, — это народъ, а безъ народа, въ которомъ вся и сила, ничего и дѣлать нельзя.

Въ этомъ отношеніи крупные землевладѣльцы представляютъ рѣзкую разницу, въ сравненіи съ предпринимателями въ области торгово-промышленной.

Чѣмъ объяснить, напримѣръ, что по всѣмъ отраслямъ фабрично-заводскаго производства, получившаго со временъ реформы 1861 года огромное развитіе, создано было изъ тѣхъ же крестьянъ столько спеціальныхъ рабочихъ и всевозможныхъ мастеровъ?

А что же сдѣлали въ этомъ отношеніи крупные землевладѣльцы, поставившіе свои сельско-хозяйственныя предпріятія на коммерческую ногу? Ровно ничего; никакого контингента рабочихъ они не создали, а довольствуются первымъ пришлымъ неучемъ, бродящимъ съ одного мѣста на другое.

Очевидно, что никакое дѣло безъ хорошихъ рабочихъ идти не можетъ, и если дворяне «возиться» съ мужиками не могутъ, или не хотятъ, то нечего отъ нихъ и ожидать пользы, ни для сельскаго хозяйства, ни для народа.

Въ результатѣ оказалось, что дворянство отдѣлилось отъ народа окончательно и, большею частью, забросивъ деревню, переселилось въ города, на казенные хлѣба.

Едва ли однакоже монополія на казенныя мѣста можетъ еще надолго удержаться, при помощи однѣхъ только связей и протекціи.

Уже появляются зловѣщіе признаки близости роковой развязки за переживаемые Россіею, изъза ненормальности ея соціальнаго строя, позоръ и разореніе.

Искуственно поддерживать такое положеніе вещей, при которомъ большая часть русскаго народа осуждена на обособленность, выдѣлена изъ общаго правопорядка и замкнута въ сельской общинѣ, далѣе невозможно.

Истекающіе послѣ реформы освобожденія четыре съ половиною десятка лѣтъ доказали воочію, насколько полумѣры, въ отношеніи уравненія правъ отдѣльныхъ сословій, оказались пагубными въ дѣлѣ поднятія нравственнаго и экономическаго уровня сельскаго населенія. Поэтому, въ настоящее время требуются преобразованія радикальныя, и сами обстоятельства указываютъ, что откладывать ихъ долѣе невозможно.

Необходимо безотлагательно же создать такія условія жизни, при которыхъ интеллигентные классы общества вошли бы въ общеніе съ сельскою жизнью и съ простымъ народомъ, чтобы люди образованные и талантливые могли бы найти примѣненіе для своихъ силъ, не только въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, а и въ деревнѣ, гдѣ такіе люди нужны, такъ какъ деревня заброшена, и народъ живетъ особнякомъ. Тогда только, войдя другъ съ другомъ въ соприкосновеніе, интеллигентные классы и крестьяне узнаютъ другъ друга, увѣруютъ въ ту пользу, которую они могутъ взаимно приносить другъ другу, и начнутъ взаимно любить и уважать другъ друга.

Предстоящая аграрная реформа должна быть окончательнымъ завершеніемъ преобразованій, связанныхъ съ актомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и имъ обѣщанныхъ.

Дворянское землевладѣніе, на ряду съ крестьянскимъ, въ настоящее время уже звучитъ аномаліей:

будто бы одни должны работать, а другіе — барствовать?

Трудиться должны всѣ, и трудъ крестьянина отъ труда крупнаго землевладѣльца долженъ отличаться только степенью его культурности и интенсивности.

Прятаться подъ защиту отжившихъ свое время привилегій, это значитъ сознавать свою неспособность и безсиліе.

Для интеллигентныхъ классовъ на поприщѣ земледѣлія открывается громадное поле дѣятельности, такъ какъ предстоящая реформа должна вызвать возрожденіе сельскаго хозяйства.

Пусть себѣ дворяне, какъ передовое сословіе, откажутся отъ своей монополіи въ сферѣ бюрократіи; пусть они сольются съ другими образованными классами, и, вмѣсто огромныхъ уродливыхъ пустынь, какими нынѣ представляются, ихъ крупныя, но неустроенныя владѣнія, создадутъ новый типъ хозяйства въ болѣе скромныхъ и доступныхъ для нихъ же и, вообще, для лицъ средняго достатка размѣрахъ. Каждый образованный человѣкъ, независимо отъ того, какого онъ происхожденія, пусть себѣ проявляетъ свой талантъ въ дѣлѣ насажденія культуры въ деревнѣ, среди народа и на пользу народа,—вотъ истинно благородная дѣятельность, которая никакъ уже не можетъ сравниться со службою по разнымъ администраціямъ и канцеляріямъ.

Россія нуждается въ молодыхъ силахъ, въ энергичныхъ и самоотверженныхъ лицахъ; откуда они выйдутъ,—изъ дворянъ или изъ крестьянъ,—для дѣла это безразлично.

Разумное творчество особенно нужно въ деревнѣ, гдѣ крестьянинъ, вдали отъ образованныхъ классовъ и крупныхъ центровъ, лишенъ всякой возможности получать хотя бы самыя элементарныя свѣдѣнія по какой бы то ни было отрасли знаній.

Всѣ эти соображенія обязательно должны быть приняты во вниманіе составителями предстоящей аграрной реформы, которая должна поэтому имѣть въ виду слѣдующія условія:

1)—Сословныя монополіи замлевладѣнія, съ дворянскимъ и крестьянскимъ банками во главѣ, должны исчезнуть;—на мѣстѣ безграничныхъ, ненаселенныхъ и невоздѣланныхъ лятифундій, съ одной стороны, и мірскихъ, измельченныхъ, скученныхъ и истощенныхъ надѣловъ,—съ другой,—должны быть созданы точно ограниченные земельные участки разныхъ размѣровъ съ тѣмъ, чтобы они, или оставались въ рукахъ сельско-хозяйственныхъ предпринимателей, или же предоставлялись землепашцамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе;

2)—Всѣ удобныя земли, въ чьихъ бы рукахъ онѣ ни находились,—должны быть воздѣланы и эксплоатированы, а не запускаться и не забрасываться;

3)—Земля не должна быть предметомъ спекуляцій, и не можетъ сосредоточиваться въ рукахъ такихъ землевладѣльцевъ, которые ее не обрабатываютъ сами и не даютъ возможности пользоваться ею другимъ;

4)—Мобилизація земель должна быть обставлена такими условіями, при которыхъ стремленіе сельскаго населенія къ частной земельной собственности получитъ наибольшее удовлетвореніе;

5)—Должно быть создано особое учрежденіе, которое мы назвали Обще-Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ, облеченное самыми широкими правами по выдачѣ ссудъ подъ землю, постройки, скотъ и сельскохозяйственное устройство; въ рукахъ этого учрежденія должны сосредоточиться всѣ дѣла, связанныя съ мобилизаціею земель, вообще, и всѣ вопросы, касающіеся крестьянскаго землеустройства, въ особенности; ему должно быть предоставлено право скупать земли, на основаніяхъ свободнаго соглашенія, и отчуждать, на основаніи закона, тѣ изъ нихъ, которыя окажутся въ теченіе извѣстнаго срока запущенными и заброшенными, съ тѣмъ, чтобы ихъ устраивать и распредѣлять между крестьянами

Предлагаемый трудъ и посвящается изслѣдованію этихъ условій съ разныхъ сторонъ.

Не закрывая глазъ предъ сложностью и трудностями, которыми обусловлено всестороннее изученіе аграрнаго вопроса въ Россіи, я далекъ отъ мысли, что работа моя достигла желаемой полноты и совершенства.

Для моего авторскаго самолюбія было бы совершенно достаточно, если бы читатель согласился съ постановкою мною этого вопроса и съ его разрѣшеніемъ, хотя бы принципіально.

При скромности же размѣровъ предлагаемаго труда, а, главное, при скудости тѣхъ данныхъ, которыми приходилось пользоваться, на точные и окончательные цифровые выводы, конечно, невозможно было бы и разсчитывать.

Дальнѣйшая разработка и разрѣшеніе этой задачи предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ; работа эта

должна будетъ уже выйти изъ рамокъ теоріи и производиться на практикѣ.

Работа эта призываетъ къ участію лучшія силы и таланты, но мы увѣрены, что въ нихъ недостатка не будетъ, и что ожидаемое преобразованіе свершится скоро и разумно; отъ этого зависитъ счастье, и русскаго народа, и всего нашего дорогого отечества.

Авторъ.

I.

ПРИЧИНЫ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ВОЛНЕНІЙ И БЕЗПОРЯДКОВЪ.

Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, изданный по поводу разгромовъ и грабежей владѣльческихъ усадебъ, и имѣющій цѣлью принятіе строжайшихъ мѣръ къ огражденію частной собственности, наводитъ на грустныя размышленія относительно причинъ, вызвавшихъ необходимость такихъ мѣръ, и относительно той почвы, на которую мѣры эти призваны воздѣйствовать.

Въ самомъ дѣлѣ, что же это за причины, которыя довели наше сельское населеніе до разгромовъ и грабежей владѣльческихъ усадебъ? Почему это наши крестьяне, издавна считавшіеся народомъ кроткимъ и богобоязненнымъ, нынѣ превращаются въ разбойниковъ, грабителей и душегубовъ?

Нѣтъ дѣйствія безъ причины, и несомнѣнно, что грустный фактъ этотъ вытекаетъ изъ самой обстановки и жизни крестьянъ; поэтому-то и невозможно обойти молчаніемъ тѣ условія сельскаго быта, въ за-

висимости отъ которыхъ могло совершиться такое изумительное превращеніе.

Изслѣдованіе этихъ причинъ вовсе не такъ сложно и много проще, чѣмъ о немъ обыкновенно говорятъ. Стоитъ только внимательно прислушаться къ повсемѣстно раздающемуся крику народа: «земли! дайте намъ земли!»—и уже многое становится яснымъ.

Въ сущности, весь крестьянскій вопросъ въ этихъ словахъ только и заключается.

Но какъ же это могло случиться, чтобы у крестьянъ въ такой странѣ, какъ Россія, съ ея необъятными пространствами, не было земли?

Вѣдь надѣлили же ихъ при освобожденіи землею?

На это исторія отвѣчаетъ слѣдующее:

Первоначальная цѣль надѣленія крестьянъ землею при реформѣ 1861 года состояла въ томъ, чтобы предоставить крестьянамъ не только усадебную осѣдлость, во избѣжаніе бродяжничества, но и полевой надѣлъ, который обезпечивалъ бы ихъ довольство и давалъ бы имъ возможность выплатить возложенныя на нихъ обязательства по выкупу.

Но задача эта не была выполнена, въ виду разногласія, по этому вопросу, между составителями реформы и редакціонной коммиссіей, и въ концѣ концовъ размѣры надѣловъ крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ, не удержались даже и въ тѣхъ нормахъ, которыя существовали до того времени, т. е. при крѣпостной зависимости.

Изъ десяти съ половиною милліоновъ ревизскихъ душъ, составлявшихъ крестьянское населеніе центральныхъ губерній, выше нормы получили только полтора милліона душъ, т. е. немного болѣе 14%; удовлетво-

рительно было надѣлено четыре съ половиною милліона душъ, т. е. около 42,5%, а остальные 43,5% были надѣлены недостаточно.

Государственные же крестьяне были надѣлены гораздо щедрѣе: половина получила выше средней нормы, одна треть была надѣлена достаточно, и только сравнительно небольшая часть была надѣлена недостаточно.

Кромѣ того, какъ извѣстно, значительная часть бывшихъ крестьянъ перешла на такъ-называемый четвертной, или дарственный надѣлъ, который уже никоимъ образомъ не могъ обезпечить ихъ дальнѣйшаго благосостоянія; такихъ крестьянъ въ то время еще только по 37 губерніямъ насчитывалось до 600 тысячъ человѣкъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто земельной обезпеченности крестьянъ, во многихъ случаяхъ оказалось сокращеніе почти на одну пятую площади земли, которая находилась въ ихъ пользованіи до реформы.

Но за четыре съ половиною десятка лѣтъ, истекшихъ послѣ реформы, положеніе крестьянъ, въ отношеніи обезпеченности землею, значительно ухудшилось.

Промыслы и торгово-промышленныя сферы дѣятельности развивались медленнѣе, чѣмъ того требовалъ естественный приростъ населенія, а потому землепашество для русскаго народа и до сего времени остается не только главнѣйшимъ, но почти исключительнымъ источникомъ для его существованія. Силою вещей, слѣдовательно, громадная часть русскаго населенія должна заниматься земледѣліемъ. А между тѣмъ душевой надѣлъ, составлявшій въ 1861 году, въ среднемъ, 4,8 де-

сятины, а въ иныхъ мѣстахъ и свыше 5 десятинъ, въ 1880 году на наличную душу мужескаго пола уже сталъ 3,5 десятины, а къ 1900 году уменьшился до 2,6 десятины. Что же касается тѣхъ крестьянъ, которые получили надѣлъ ниже нормы, то положеніе ихъ еще хуже; крестьяне же, получившіе четвертные, дарственные надѣлы, имѣютъ въ своемъ распоряженіи, по полъ, или даже по четверти десятины на душу.

Изъ заявленій, сдѣланныхъ въ Комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности самими крестьянами, видно, что они почти повсюду испытываютъ крайнюю нужду въ землѣ и въ пользованіи своими надѣлами крайне стѣснены, вслѣдствіе черезполосицы, неправильной конфигураціи ихъ надѣловъ, а также и вслѣдствіе того, что частновладѣльческія земли глубоко врѣзываются въ ихъ поля, или же, какъ желѣзнымъ кольцомъ, окружаютъ ихъ усадьбы и надѣлы, ставя ихъ въ безвыходное положеніе, въ отношеніи къ прогону скота даже на свои же крестьянскіе выпасы.

За отсутствіемъ научныхъ и практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для достиженія усиленія продуктивныхъ способностей земли, крестьяне могли бы поддерживать свои достатки на прежнемъ уровнѣ только въ томъ случаѣ, если бы по мѣрѣ увеличенія народонаселенія расширялась бы и площадь ихъ земельнаго надѣла, или же если бы они имѣли возможность пользоваться сосѣднею землею на болѣе или менѣе подходящихъ условіяхъ.

Но надѣлъ крестьянамъ отведенъ разъ навсегда и измѣниться не можетъ, а пользованіе сосѣдней землею, принадлежащею крупнымъ землевладѣльцамъ,

въ формѣ аренды, не дало, да и не могло, въ виду бѣдности крестьянъ, дать удовлетворительныхъ результатовъ ни для землевладѣльцевъ, ни для крестьянъ.

Не могутъ же, въ самомъ дѣлѣ, крестьяне, замкнутые на отведенныхъ имъ надѣлахъ, оставаться какъ въ клѣткѣ, не имѣя возможности попрежнему разрастаться въ ширь по мѣрѣ прироста своего населенія? Не могутъ же они, будучи отрѣзанными отъ остальныхъ классовъ общества, разсчитывая только на собственныя силы, выйти изъ своего положенія бѣдности и косности, когда земля, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, все менѣе и менѣе оказывается въ состояніи удовлетворять ихъ потребностямъ и уже доведена до полнаго истощенія? И мудрено ли, при такихъ обстоятельствахъ, что въ народѣ сначала послышались жалобы на недостатокъ въ землѣ, затѣмъ жалобы эти перешли въ крики и требованія, а теперь эти крики и требованія сопровождаются волненіями, безпорядками, насиліями и грабежами?

Было бы крайне несправедливо, если бы при этомъ стали обвинять народъ въ нетерпѣніи. Напротивъ того, несмотря на свои страданія, бѣдность и лишенія, народъ ждалъ разрѣшенія земельнаго вопроса очень долго и, какъ и въ другихъ случаяхъ, обнаружилъ рѣдкій примѣръ терпѣливости и покорности.

Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ крикъ о требованіи крестьянами земли стономъ стоитъ по всей землѣ Русской. Созывъ особаго совѣщанія съ его губернскими и уѣздными комитетами былъ уже запоздавшимъ отвѣтомъ на этотъ стонъ. Но года идутъ за годами, а работы совѣщанія еще ничего по-

ложительнаго не дали. Ждали крестьяне результатовъ отъ работы особаго совѣщанія, ждали потомъ осуществленія обѣщаннаго манифестомъ свободнаго выхода изъ общины, да и вышли изъ терпѣнія.

А тутъ явились еще и новыя, тяжелыя обстоятельства, осложнившія и безъ того натянутое положеніе: несчастная война и революціонная пропаганда; при переполненной чашѣ терпѣнія, у крестьянъ разгорѣлись еще и страсти; начались волненія, разгромы и грабежи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что причины крестьянскихъ волненій и безпорядковъ, главнымъ образомъ, лежатъ въ ихъ обнищаніи и въ отсутствіи возможности выйти изъ этого положенія обнищанія, за недостаткомъ земли и работы.

Не подлежитъ сомнѣнію также, что крестьянскія волненія принимаютъ опасную, угрожающую форму, доходя до грабежей и насилій, вслѣдствіе развившейся въ ихъ средѣ ненависти къ крупнымъ землевладѣльцамъ, которыхъ они считаютъ виновниками своихъ бѣдствій, и вслѣдствіе полнѣйшаго неуваженія къ чужой собственности, укоренившагося въ средѣ сельскаго населенія, за невозможностью, при существующихъ условіяхъ и обстановкѣ крестьянской жизни, создавать каждому изъ землепашцевъ свой личный достатокъ.

Прежде, чѣмъ выяснять коренныя причины крестьянскаго обнищанія и вызванныхъ ими аграрныхъ волненій и безпорядковъ, слѣдуетъ разсмотрѣть эти два побочныя явленія, которыя характеризуютъ эти волненія и безпорядки, внося въ нихъ элементы безправія и насилія.

Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ же вызывается ненависть крестьянъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ, и чѣмъ объясняется ихъ неуваженіе къ чужой собственности?

Ненависть крестьянъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ, въ глазахъ народа, представляется явленіемъ совершенно естественнымъ, понятнымъ и имѣющимъ глубокія основанія; сложилась она издавна, подъ вліяніемъ крѣпостного права и связанныхъ съ нимъ страданій и униженія.

Скудное свое надѣленіе землею, при освобожденіи крестьяне также поставили въ вину помѣщикамъ, которые, по ихъ мнѣнію, воспользовались своимъ привилегированнымъ положеніемъ и произвели давленіе на правительство, въ свою пользу, а ихъ,—крестьянъ,—«обидѣли».

Но и въ теченіе дальнѣйшаго періода, послѣ освобожденія, ненависть крестьянъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ не ослабла, а, напротивъ, сильно окрѣпла. Помѣщики, въ глазахъ ихъ, сдѣлались еще болѣе чужими для нихъ, не подходящими къ складу ихъ понятій людьми, чѣмъ во времена крѣпостного права; въ тѣ времена они отъ помѣщика получали и землю для вновь нарождающагося мужского потомства, и хлѣбъ, если случалась голодовка, и лошадь, когда она издохнетъ,—словомъ, всякое подспорье въ трудное время; за спиной помѣщика крестьяне тогда не боялись ни пожаровъ, ни голодовокъ, ни падежей скота и лошадей,—и это считалось крестьянами вполнѣ въ порядкѣ вещей потому, что у помѣщика, по ихъ словамъ, «было все», а у нихъ—«ничего». А послѣ освобожденія, хотя помѣщики, въ глазахъ крестьянъ, и остались монополистами на земли, но

пользы отъ нихъ для крестьянъ не оказалось никакой: обидѣвши крестьянъ, при ихъ освобожденіи, и захвативши въ свои руки всю землю, помѣщики, по мнѣнію крестьянъ, стѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ и, что называется, «сжали въ кулакъ».

Въ дѣйствительности, помѣщики, послѣ освобожденія крестьянъ, сразу отъ нихъ отшатнулись и при всякомъ случаѣ стали доказывать имъ, что землевладѣльцамъ, въ новомъ положеніи, до крестьянъ «ровно никакого дѣла нѣтъ».

Землевладѣльцы, послѣ освобожденія, въ большинствѣ случаевъ, не только перестали входить въ нужды крестьянъ, но какъ бы радовались всѣмъ ихъ неудачамъ, которыя, будто бы, были ими предсказаны еще до реформы, такъ какъ помѣщики всегда считали, что крестьянъ нужно было «вести на помочахъ», и, безъ такой опеки, они «непремѣнно пропадутъ».

Крестьяне же, съ своей стороны, думаютъ, что ихъ разореніе прямо-таки входило въ расчетъ землевладѣльцевъ, нуждавшихся и продолжающихъ нуждаться въ рабочихъ рукахъ, и боявшихся, поэтому, чтобы крестьяне,—разъ они станутъ жить въ достаткѣ,—вовсе не перестали бы на нихъ работать.

Такимъ образомъ, свое стѣсненіе со стороны землевладѣльцевъ крестьяне считаютъ не случайнымъ, а систематичнымъ, и на этой-то почвѣ и обострились отношенія между сторонами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они дошли до крайнихъ предѣловъ.

Когда крестьяне на своихъ притѣснителей жаловались въ судъ и проигрывали процессъ, то и въ этомъ они обвиняли землевладѣльцевъ, считая, что

они пользуются своимъ привилегированнымъ положеніемъ и своими связями, знакомствомъ, а иногда и родствомъ съ начальствующими лицами для того, чтобы «всякое дѣло повернуть по-своему».

Предупредить такое положеніе вещей послѣ реформы 1861 г. землевладѣльцы могли только въ томъ случаѣ, если бы они сумѣли установить добрыя отношенія съ крестьянами на строго-экономической почвѣ.

Если бы землевладѣльцы сумѣли создать такую комбинацію для веденія своего хозяйства, въ которой окружающее сельское населеніе нашло бы свои выгоды, свою пользу; или, если бы землевладѣльцы, по крайней мѣрѣ, создали бы для крестьянъ такую форму землепользованія, которая обезпечивала бы ихъ существованіе,—тогда добрыя отношенія установились бы безъ всякаго сомнѣнія и тѣмъ прочнѣе, чѣмъ болѣе они были бы основаны на взаимныхъ выгодахъ сторонъ.

Но ни того, ни другого землевладѣльцы сами создать не сумѣли, или не смогли, да и правительство, на которое они постоянно разсчитывали, для нихъ ничего въ этомъ отношеніи не сдѣлало: заработокъ они даютъ крестьянамъ, сравнительно съ ихъ потребностями и свободными рабочими силами, самый ничтожный, а землепользованіе облекли въ форму погодной аренды, оказавшейся одинаково разорительной для тѣхъ и другихъ.

А между тѣмъ, казалось бы, что всѣ элементы для установленія правильныхъ экономическихъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами находились налицо: землевладѣльцы нуждались въ рабочихъ рукахъ, а крестьяне—въ землѣ. Но землевладѣльцы ни-

какой экономической комбинаціи взаимодѣйствія общихъ своихъ и крестьянскихъ силъ на поприщѣ земледѣлія не создали, а предпочли, для обезпеченія своего въ рабочихъ рукахъ, обращаться за помощью къ правительству, которое и издало цѣлый рядъ регламентацій въ ихъ пользу. Однакоже, какъ этого и слѣдовало ожидать, тамъ, гдѣ не было дѣла, основаннаго на взаимныхъ выгодахъ сторонъ, правительственныя регламентаціи помочь не могли, и такимъ образомъ земля и хозяйство послѣ реформы 1861 года продолжаютъ оставаться въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ для крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и для крестьянъ.

Неподготовленные къ своему новому положенію крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, не могли сладить съ возложенною на нихъ задачею, которая оказалась имъ далеко не по силамъ: гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, имъ было набраться разуму и опыту, чтобы сумѣть усиливать продуктивность отведенной имъ въ надѣлъ земли, по мѣрѣ возрастанія кормящагося на ней населенія? Гдѣ же имъ было еще и выкупать эту землю, когда до того времени они привыкли къ тому, что земля, находившаяся въ ихъ пользованіи, безплатно отводилась помѣщиками по душамъ, пропорціонально нарожденію новыхъ людей? Они объ интенсивномъ хозяйствѣ никогда и не слыхивали, да при заведенныхъ у нихъ общинныхъ порядкахъ это было и немыслимо. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что, потерявши возможность вдоволь пользоваться помѣщичьею землею, взамѣнъ предоставленія въ его распоряженіе части наличныхъ своихъ рабочихъ рукъ, они впали

въ бѣдность, и, несмотря на участіе и постоянную поддержку, оказываемую имъ Правительствомъ, очутились въ состояніи безъисходной нужды.

Но гдѣ же имъ было взять земли, когда они оказались окруженными межами и границами, выходъ за которыя былъ уголовнымъ преступленіемъ? Пробовали входить въ соглашеніе съ землевладѣльцами относительно арендованія ихъ полей, но и это оказалось крестьянину не по силамъ, такъ какъ для этой формы пользованія землею требуются денежныя средства, которыхъ у нихъ не было.

Крестьянамъ понять всѣ эти обстоятельства трудно: это для нихъ слишкомъ сложно и запутано; они нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду каждый день видѣли предъ собою обширныя поля землевладѣльца, которыя, по ихъ мнѣнію, могли бы составить ихъ счастье, если бы того захотѣлъ землевладѣлецъ, но которыя не давались имъ въ руки; объясняли они это обстоятельство, по своему разуму, дурною волею землевладѣльца, его безсердечностью и его алчностью; такое положеніе вещей и положило основаніе для развитія въ нихъ зависти, а затѣмъ и ненависти къ землевладѣльцамъ, которыхъ они сочли виновниками своихъ бѣдствій.

Безъисходное положеніе, возрастающая нужда и усиливающееся обнищаніе довели народъ до крайности; а такъ какъ медленность въ разрѣшеніи земельнаго вопроса, въ глазахъ крестьянъ, стояла въ зависимости отъ тѣхъ же крупныхъ землевладѣльцевъ, во многихъ случаяхъ не хотѣвшихъ уступать имъ добровольно и пяди своей земли, то на нихъ же обрушилась и народная месть во время аграрныхъ волненій.

*

Что же касается другого побочнаго явленія, разнуздавшаго народныя страсти во время аграрныхъ волненій и безпорядковъ, а именно,—полнѣйшаго неуваженія къ чужой собственности,—то и оно имѣетъ въ своемъ основаніи самыя глубокія причины.

Уважаетъ чужую собственность только тотъ, кто самъ скопилъ себѣ достатокъ и бережетъ его; а наши крестьяне живутъ нищими, на общей землѣ, никакого достатка скопить не могутъ и собственности своей поэтому беречь не умѣютъ.

Тотъ, кто самъ не посадилъ ни одного деревца, не уважаетъ и чужихъ насажденій; а наши крестьяне, если и сажаютъ березки подъ окнами, то только для виду, по приказу земскихъ начальниковъ; бывали случаи, когда березки эти оказывались не посаженными, а просто натыканными ко дню пріѣзда «земскаго», во избѣжаніе взысканій и непріятностей.

Уваженіе къ чужой собственности является чертою, характеризующею индивидуальное развитіе человѣка; а наши крестьяне до сихъ поръ живутъ на общинныхъ началахъ, не зная ни земельной собственности, ни самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ общины, хозяйства.

Все населеніе крестьянской общины рѣзко раздѣляется на двѣ категоріи: домохозяевъ, фактически распоряжающихся находящимся у нихъ во временномъ пользованіи надѣломъ, и семейной, подчиненной домохозяевамъ массы, состоящей изъ дядей, братьевъ, сыновей и внуковъ.

Домохозяева и сами-то не имѣютъ земельной собственности, а пользуются мірскою землею, въ зависимости отъ позволенія схода.

Какое ужъ тамъ хозяйство, когда земля у хозяина находится не въ вѣчномъ владѣніи, а во временномъ пользованіи? Хорошо обрабатывать и удобрять поле не стоитъ, потому что оно при слѣдующемъ передѣлѣ можетъ перейти къ сосѣду, въ обмѣнъ на истощенную, запущенную землю; а про луга и говорить нечего: за ними нѣтъ никакого уходу потому, что вмѣстѣ всѣхъ крестьянъ, на общее дѣло, не соберешь, а каждому въ отдѣльности, одному, работать на другихъ нѣтъ никакого расчета.

А развѣ такъ бываетъ, когда кто-нибудь бережетъ свою собственность?

Что же касается остальныхъ членовъ семействъ, то они никакою самостоятельностью не обладаютъ, а работаютъ на домохозяевъ и находятся въ полной отъ нихъ зависимости, такъ что, безъ ихъ согласія и безъ согласія міра, никакого отдѣльнаго дѣла они завести и не могутъ.

А если трудящійся человѣкъ не хозяинъ своимъ заработаннымъ деньгамъ, то онъ и работаетъ плохо, да и не дорожитъ и заработкомъ.

Не такъ ли у насъ и оказывается это въ дѣйствительности?

Доказано, что отпускаемые на заработки крестьяне заработанныя деньги, въ большинствѣ случаевъ, пропиваютъ, а домой ихъ высылаютъ неохотно, стараясь посылать какъ можно меньше, такъ что и сами живутъ плохо, да и въ деревнѣ семьи ихъ бѣдствуютъ.

Другое дѣло было бы, если бы лишнія рабочія силы могли устраиваться самостоятельно на сторонѣ, независимо отъ общины: тогда каждый изъ вышедшихъ изъ общины крестьянъ былъ бы хозяиномъ своихъ

денегъ, дорожилъ бы своею трудовою копѣйкою и сталъ бы сберегать себѣ достатокъ. Тогда многіе изъ такихъ крестьянъ уже устроились бы на сторонѣ и достигли-бы уже извѣстнаго экономическаго благосостоянія. Да и сами домохозяева, остающіеся на своихъ надѣлахъ, при такихъ условіяхъ, могли бы жить, во всякомъ случаѣ, не хуже, а лучше прежняго, и жаловаться имъ на недостатокъ земли не было бы причины, такъ какъ надѣлы дробить не пришлось бы.

Кто же виноватъ въ томъ, что крестьяне не дорожатъ ни своимъ заработкомъ, ни своею землею?

Зачѣмъ же было парализовать ихъ стремленія къ пріобрѣтенію личнаго достатка и къ увеличенію частной собственности?

Да и можно ли разсчитывать на то, чтобы люди, которыхъ лишаютъ возможности заводить личную земельную собственность, стали уважать чужую?

Однѣми полицейскими мѣрами и строгими наказаніями заставить уважать чужую собственность невозможно. Необходимо, чтобы все крестьянское общество было проникнуто сознаніемъ уваженія къ частной собственности, и чтобы воры и грабители между его членами представляли собою только исключенія; тогда только общество само станетъ помогать ловить и наказывать этихъ воровъ и грабителей; а если оно же само отказывается ихъ выдавать и будетъ укрывать, то однѣми полицейскими мѣрами разгромовъ и грабежей прекратить невозможно.

Итакъ, приходится признать, что оба́ побочныя явленія, разжигающія страсти при аграрныхъ волненіяхъ,—ненависть крестьянъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ и неуваженіе къ чужой собственности,—

оказываются продуктами тѣхъ самыхъ условій жизни и той обстановки, въ которую крестьяне были поставлены послѣ ихъ освобожденія.

Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію коренныхъ причинъ, доведшихъ крестьянъ до обнищанія, укажемъ изъ нихъ на нѣкоторыя главнѣйшія.

Само собою разумѣется, и какъ объ этомъ думаютъ сами крестьяне, на первомъ мѣстѣ въ числѣ причинъ, вызвавшихъ ихъ обнищаніе, должно быть поставлено малоземелье, въ связи съ отсутствіемъ возможности имѣть постоянную работу.

Малоземелье, по мѣрѣ возрастанія численности сельскаго населенія, чувствуется крестьянами вдвойнѣ: 1) вслѣдствіе невозможности расширять площадь обрабатываемой земли и 2) вслѣдствіе невозможности, при существующихъ условіяхъ жизни, соотвѣтственно поднимать продуктивность находящихся въ ихъ пользованіи надѣловъ.

Фактъ малоземелья крестьянъ можно считать доказаннымъ; дѣйствительно, сельское населеніе центральныхъ губерній съ 1861 по 1900 годъ возросло слишкомъ на 79%; въ общемъ же, по 50 губерніямъ Европейской Россіи, за этотъ періодъ оно возросло на 60%.

Изъ свѣдѣній, опубликованныхъ Коммиссіею по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 156—176), оказывается, что въ періодъ 1861—70 годовъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи насчитывалось сельскаго населенія обоего пола 54.150.000 душъ, а въ періодъ 1891—1900 годовъ въ тѣхъ же губерніяхъ оказалось 84.087.000 душъ; площадь же посѣва на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, бывшая въ пер-

вый періодъ 44.670.000 десятинъ, т. е. по 825 десятинъ на тысячу душъ, въ послѣдній періодъ оказалась въ 46.015.700 десятинъ, т. е. всего 547 десятинъ на тысячу душъ.

Болѣе подробно этотъ вопросъ будетъ освѣщенъ въ той главѣ, которая посвящена опредѣленію количества требующейся въ настоящее время для удовлетворенія крестьянъ земли.

Здѣсь же повторимъ только, что крестьяне не были удовлетворительно надѣлены при самомъ ихъ освобожденіи, и, по свидѣтельству Янсона, малоземелье почувствовалось въ первые же года послѣ реформы.

Но, независимо отъ недостаточности первоначальныхъ крестьянскихъ надѣловъ, самыя условія, на которыхъ они были предоставлены въ пользованіе крестьянамъ, неминуемо должны были привести сельское населеніе къ его настоящему бѣдственному положенію.

Въ самомъ дѣлѣ: надѣляя въ 1861 году крестьянъ землею, правительство было озабочено лишь удовлетвореніемъ ихъ, сообразно съ потребностями того времени, но позаботилось ли оно въ этомъ же отношеніи о грядущемъ потомствѣ надѣленныхъ землею крестьянъ? Ничуть не бывало.

Правительство не создало никакого плана отлива нарождающагося сельскаго населенія на новыя земли; мало того, оно выработало цѣлую систему навязанныхъ крестьянамъ условій общинной жизни, въ силу которой всѣ приписанные къ тому или другому селенію крестьяне, со всѣмъ ихъ потомствомъ, оставались прикрѣпленными къ своей землѣ и выбыть изъ состава своей общины не могли иначе, какъ съ согласія схода.

При такихъ условіяхъ, земельнаго обезпеченія не оказалось не только для грядущаго потомства, но оно было отнято и у того наличнаго числа душъ, которое послужило основаніемъ при опредѣленіи площади необходимой надѣльной земли въ 1861 году.

Сельское населеніе въ числѣ удвоилось, а надѣлы остались тѣ же: земли вдоволь и нѣтъ ни у кого.

Вотъ, если бы каждый домохозяинъ, при своемъ освобожденіи, получилъ свой отдѣльный участокъ въ собственность, или, вообще, въ вѣчно-наслѣдственное пользованіе, тогда другое дѣло: надѣльные участки могли бы остаться недѣлимыми и служить, по крайней мѣрѣ, земельнымъ обезпеченіемъ для того числа душъ, которое было принято въ расчетъ въ 1861 году.

Тогда правительство было бы право и поступило бы логично. Домохозяева оставляли бы свои надѣлы одному изъ сыновей, а остальнымъ помогали бы устраиваться на сторонѣ, обучая ли ихъ какому-нибудь ремеслу, или же снабжая ихъ скотомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ, для устройства на новыхъ мѣстахъ. Словомъ, отдѣляли бы ихъ, какъ отдѣляютъ дочерей, выдаваемыхъ замужъ, которыя съ малолѣтства начинаютъ сами на себя работать, копя приданое.

Но правительство поступило какъ разъ наоборотъ. Надѣливши крестьянъ землею, оно объявило имъ, что все ихъ потомство, сколько бы его ни народилось, будетъ приписано, или что то же, прикрѣплено къ той же землѣ, подъ власть міра и отцовъ семействъ. И вотъ, все потомство, народившееся отъ освобожденныхъ крестьянъ, и превратилось въ крѣпостныхъ, по отношенію къ домохозяевамъ и міру. Здоровые, боро-

датые сыновья, сами уже ставшіе отцами семействъ, должны оставаться дома, при домохозяевахъ, хуже, чѣмъ на правахъ простыхъ работниковъ, такъ какъ ихъ хотя и содержатъ, но денегъ имъ въ руки не даютъ; если же ихъ и отпускаютъ работать на сторону, то облагаютъ за это оброкомъ, который долженъ исправно посылаться домой, а иначе неисправнаго плательщика требуютъ въ деревню, по этапу, и заставляютъ работать дома.

А между тѣмъ, именно на этихъ стороннихъ заработкахъ многочисленныхъ членовъ семей домохозяевъ и строило правительство свои расчеты относительно исправнаго поступленія срочныхъ платежей по выкупной операціи и относительно поднятія общаго уровня благосостоянія самихъ крестьянъ.

Въ общемъ, крестьянскіе отхожіе промыслы, по своей незначительности, и не могутъ служить подспорьемъ земледѣлію, не говоря уже о томъ, что идея такого подспорья грѣшитъ въ самомъ корнѣ своего принципа.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли съ точки государственнаго хозяйства ставить въ такое соотношеніе двѣ главнѣйшихъ отрасли примѣненія народнаго труда — земледѣліе и промышленность? Во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ каждый взрослый человѣкъ, будь онъ земледѣльцемъ или фабричнымъ рабочимъ, всѣ трудовыя деньги считаетъ своимъ личнымъ достояніемъ; въ Россіи же фабрично-заводскихъ и прочихъ промысловыхъ рабочихъ полагается считать данниками общины, обязанными содержать остающихся въ деревнѣ крестьянъ, не могущихъ прокормиться отъ земли.

Такая спеціальная точка зрѣнія только и можетъ объясняться остатками крѣпостничества, отъ котораго крестьяне, какъ оказывается, далеко не освобождены: прежде старики были крѣпостными помѣщиковъ, а дѣти ихъ и внуки теперь стали крѣпостными общины, міра и домохозяевъ, которые въ свою очередь сдѣлались крѣпостными земли.

Такое взаимодѣйствіе между промысловыми рабочими и сельскимъ населеніемъ идетъ въ разрѣзъ со всѣми выработанными наукою и практикою экономическими условіями жизни и правовыми отношеніями между свободными гражданами; взаимодѣйствіе это, какъ извѣстно, поддерживается искусственно, административно-полицейскими мѣрами, въ основѣ которыхъ лежитъ единственная во всемъ мірѣ паспортная система.

Нечего и говорить о томъ, что такой порядокъ насильственной поддержки связи между земледѣльцами и городскими обывателями отжилъ свое время и далѣе держаться не можетъ: деревня не можетъ кормить городъ, да и городъ не захочетъ кормить деревню, если она того не будетъ стоить. Деревнѣ нужна земля и своя работа, а городъ за все, что получитъ изъ деревни, въ состояніи заплатить хорошую цѣну,—вотъ единственно, въ чемъ и должно заключаться взаимодѣйствіе между городами и деревнею, разъ оно основано на нормальныхъ, естественныхъ отношеніяхъ.

Потому то именно, что связь между промысловыми рабочими и деревнею установлена совершенно искусственно, надежды авторовъ реформы 1861 года на сохраненіе единства между крестьянами, бросившими деревню, и коренными землепашцами, совершенно и не оправдались.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ данныхъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 216—219) слѣдуетъ, что отхожими промыслами были заняты въ 1900 году, по 50 губерніямъ Европейской Россіи, всего 3.775,557 человѣкъ, заработавшихъ за годъ 202.345,000 рублей.

Фабрично-заводскихъ рабочихъ въ томъ же году числилось всего 1.990,305 человѣкъ, заработавшихъ 331.890,000 рублей.

Земледѣльческихъ рабочихъ, т. е. такихъ, которые батрачествуютъ у крупныхъ землевладѣльцевъ, заходя иногда весьма далеко, было въ 1900 году 3.770,576 человѣкъ, заработавшихъ 345.341,000 рублей.

Кустарей, ремесленниковъ и прочихъ рабочихъ числилось 4.618,839 человѣкъ и заработали они 203.510,000 рублей.

Всего, такимъ образомъ, въ 1900 году промысловыхъ рабочихъ числилось 14.155,277 человѣкъ и заработали они всѣ вмѣстѣ 1,083.086,000 рублей.

А такъ какъ наличное число всѣхъ работниковъ изъ крестьянъ обоего пола въ 1900 году числилось 44.642,319 человѣкъ, то изъ этого и заключается, что на каждаго рабочаго годовой заработокъ вышелъ въ 24 рубля, на каждую душу—12 рублей, а на каждый дворъ—76 рублей,—т. е. суммы, которыя на первый взглядъ представляются весьма значительными въ смыслѣ поддержанія крестьянскаго хозяйства.

Однакоже, пользуясь тѣми же цифрами, можно придти къ діаметрально противоположнымъ выводамъ.

Прежде всего бросается въ глаза, что промыслами, какъ мѣстными, такъ и отхожими, занимается всего 14.155,277 крестьянъ, что, по отношенію къ общему

числу работоспособнаго сельскаго населенія, составляющаго 44.642,319 человѣкъ, представляетъ собою менѣе одной третьей части; двѣ же трети работоспособнаго сельскаго населенія, слѣдовательно, если и заняты въ лѣтнее время, т. е. дней 100 въ году, своими земледѣльческими работами, то остальное время, т. е. около двухъ третей года, сидятъ безъ работы.

Сколько же, спрашивается, пропадаетъ въ году рабочей силы въ Россіи? Это не трудно и вывести.

Въ году принято считать 280 рабочихъ дней.

Исключая изъ нихъ 100 дней на земледѣльческія работы, свободныхъ рабочихъ дней у крестьянина получается 180.

А такъ какъ работоспособныхъ крестьянъ обоего пола въ 1900 году числилось 44 642,319 человѣкъ, а исключая изъ нихъ 14.155,277 человѣкъ занятыхъ промыслами, оставалось 30.487,042 крестьянъ обоего пола, способныхъ къ работѣ, но ничѣмъ, кромѣ хлѣбопашества, не занятыхъ, то всѣ они вмѣстѣ, не имѣя работы въ теченіе 180 дней, теряли болѣе пяти милліардовъ рабочихъ дней.

Считая, что работоспособный человѣкъ можетъ принести своимъ трудомъ пользы только на 50 копѣекъ въ день, то оказывается, что русскій народъ въ годъ теряетъ болѣе двухъ съ половиною милліардовъ рублей.

Вотъ гдѣ—причина обнищанія крестьянъ, причина ихъ косности и другихъ недостатковъ, такъ какъ праздность обходится дорого, не только въ виду теряющагося заработка и остановки въ дѣлѣ, а и тѣмъ еще, что она деморализуетъ человѣка.

Что же касается того, насколько промысловые рабочіе изъ крестьянъ оказываются въ состояніи кор-

мить своихъ односельчанъ, сидящихъ въ деревнѣ безъ работы, изъ бѣглаго обзора приведенныхъ выше цифръ дѣлается уже вполнѣ яснымъ, что заключенія Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія, относительно того подспорія, которое доставляется сторонними заработками земледѣльческому классу, совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а выводы, относительно размѣровъ такого подспорія, на каждую душу, на каждаго работоспособнаго человѣка и на каждый дворъ,—совершенно произвольны.

Здѣсь не мѣсто оспаривать эти цифры, построенныя на соображеніяхъ древне-общиннаго, патріархальнаго характера, ничего общаго съ современными потребностями жизни и съ новымъ направленіемъ сельскаго населенія не имѣющихъ; остается только удивляться, какимъ образомъ до сихъ поръ можетъ еще держаться такая система крѣпостной зависимости, въ силу которой одной части населенія предоставляется право эксплоатировать въ свою пользу другую, и домохозяева сельскихъ общинъ считаютъ себя въ правѣ присваивать себѣ деньги, зарабатываемыя односельчанами, несмотря ни на ихъ возрастъ, ни на собственныя ихъ семьи, не позволяя имъ выписаться изъ общины, дабы не лишиться крѣпостныхъ работниковъ.

Достаточно сказать, что въ дѣйствительности, хотя крестьяне и зарабатываютъ на сторонѣ массу денегъ, по всей вѣроятности, значительно болѣе даже показанныхъ суммъ, однакоже домой-то, т.-е. домохозяевамъ, попадаетъ изъ нихъ сравнительно незначительная доля: объясняется это прежде всего тѣмъ, что каждому работающему на сторонѣ крестьянину изъ заработанныхъ денегъ приходится значительную долю

тратить на проѣзды изъ деревни и обратно и на собственное пропитаніе; кромѣ того, весьма естественно, что каждый изъ работающихъ на сторонѣ крестьянъ на заработанныя деньги привыкаетъ смотрѣть, какъ на свои собственныя, и домой старается посылать въ обрѣзъ, какъ можно меньше, столько лишь, сколько могутъ изъ него выжать угрозами не высылать паспорта.

Въ общемъ, такимъ образомъ, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній, вполнѣ безошибочно можно заключить, что разстройство экономическаго положенія нашихъ крестьянъ дошло до крайнихъ предѣловъ, не только вслѣдствіе малоземелья, но и вслѣдствіе безработицы и вслѣдствіе того тяжелаго гнета, который имъ приходится выносить отъ соціальнаго строя въ образѣ общины, отъ власти міра и домохозяевъ и отъ общаго ихъ прикрѣпленія къ надѣльной землѣ.

Насколько, вообще, бѣдно живетъ сельское населеніе, можно судить уже изъ того, какъ оказывается по свѣдѣніямъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія, что годовой бюджетъ общихъ расходовъ крестьянской земледѣльческой семьи въ Европейской Россіи колеблется между 163 рублями (Тверская губ.) и 513 руб. (Воронежск. губ.), а въ среднемъ составляетъ всего 437 руб. (стр. 36—38).

Понятно, что, при такой скудости средствъ, обложенія, составляющія въ среднемъ около 25 рублей на крестьянскую семью, ложатся на нее весьма тяжкимъ бременемъ: если не хватаетъ хлѣба, и его приходится покупать, то гдѣ же земледѣльцу добыть деньги на уплату повинностей?

Другое дѣло, если бы земледѣлецъ имѣлъ избытокъ продовольствія отъ обрабатываемой имъ земли.

Тогда онъ могъ бы не покупать, а продавать излишекъ продуктовъ и обложеніе для него не было бы тягостно.

Въ общемъ, выходитъ, что крестьянину живется тяжело, не потому, что онъ платитъ большія деньги, а потому только, что и малыя суммы ему негдѣ взять: нѣтъ ни земли, ни работы.

То, что крестьяне, въ сущности, платятъ немного обложеній, но что они тѣмъ не менѣе обременены, вслѣдствіе своей слабой платежной способности, видно, напримѣръ, изъ сравненія окладныхъ платежей, падающихъ на одну десятину надѣльной земли, съ среднею подесятинною платою, которую крестьянамъ приходится платить за арендуемую ими землю.

По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ Коммиссіею по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія за 1900 г., оказывается, что по 50 губерніямъ Европейской Россіи средній выкупной платежъ съ десятины составлялъ ежегодно 86 копѣекъ, а всѣ окладные платежи (земскіе, казенные, мірскіе, страховые и выкупные) ложились ежегодно на десятину въ размѣрѣ 1 р. 65 коп. А между тѣмъ средняя арендная плата за десятину на тотъ же годъ и въ тѣхъ же губерніяхъ выразилась въ суммѣ 3 р. 50 коп., т. е. болѣе чѣмъ вдвое.

Очевидно, что крестьянинъ могъ бы справиться и съ большими платежами, если бы только онъ былъ поставленъ въ болѣе благопріятныя условія для примѣненія своихъ силъ и способностей, т. е. если бы у него было столько земли, сколько онъ можетъ обработать, и если бы онъ имѣлъ возможность постепенно увеличивать ея продуктивность.

Что всякія обложенія для крестьянъ тяжелы, понятно уже изъ того, что при ихъ малоземельѣ и низ-

комъ уровнѣ развитія, они и вообще содержаться отъ хлѣбопашества оказываются не въ состояніи; а между тѣмъ, по исчисленіямъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія, земельные окладные платежи составляютъ 15,4% съ валовой доходности земли и 36,8% съ чистой ея доходности (стр. 199).

Такое обложеніе, конечно, для крестьянъ-землепашцевъ прямо непосильно; если бы такія пропорціи стали примѣнять къ подоходному налогу, то онъ быстро привелъ бы всѣхъ къ полному разоренію. Крестьянину же приходится платить обложенія не изъ доходовъ, такъ какъ при настоящемъ его положеніи доходовъ у него нѣтъ, а нужда заставляетъ для взноса слѣдуемыхъ съ него окладовъ искать работу, гдѣ бы то ни было и какую бы то ни было. Въ этомъ и заключается весь трагизмъ его положенія.

Если крестьяне до сихъ поръ кое-какъ и перебивались въ своемъ положеніи малоземелья, то все же, благодаря арендѣ земель въ казнѣ, въ Удѣльномъ вѣдомствѣ и у частныхъ землевладѣльцевъ.

Но дѣло въ томъ, что крестьяне, опять-таки вслѣдствіе своей бѣдности, соединенной съ невѣжествомъ, оказываются не въ состояніи не только усиливать, но даже и поддерживать продуктивность арендуемыхъ земель; а кромѣ того, нѣтъ возможности усиливать продуктивность арендуемыхъ земель и въ виду неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлена у насъ крестьянская аренда, вообще.

Для того, чтобы усиливать продуктивность арендуемой земли, кромѣ знаній и средствъ, необходимо еще, чтобы снята она была на продолжительный срокъ; у насъ же, въ большинствѣ случаевъ, распро-

странена погодная аренда, такъ какъ для исправнаго выполненія долгосрочныхъ контрактовъ крестьяне, въ глазахъ землевладѣльцевъ, не представляютъ никакого обезпеченія, а другой формы землепользованія не придумано. Но погодная аренда, какъ уже сказано, привела къ самымъ плачевнымъ результатамъ: арендуемыя земли не видятъ удобренія и эксплоатируются хищнически; многія изъ нихъ истощены въ конецъ и, не оправдывая даже самой низкой арендной платы, забрасываются.

Арендная плата, при такомъ положеніи вещей, во многихъ мѣстахъ падаетъ, несмотря на быстрое повышеніе цѣнъ на земли. Насколько, вообще, низка арендная плата, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, опубликованныхъ Коммиссіею по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія.

Общее количество арендуемой крестьянами въ 1901 г. земли (стр. 148—149) по 50 губерніямъ Европейской Россіи было 19.507,300 десятинъ.

Всѣхъ казенныхъ земель только по 34 губерніямъ Европейской Россіи въ томъ же году сдавалось 3.826,631 десятина, по средней цѣнѣ въ 1 руб. 47 коп., на сумму 5.638,766 рублей (стр. 144 и 145).

Въ томъ числѣ сдавалось крестьянамъ:

	По средн. цѣнѣ.	На сумму.
1) Сельскимъ обществамъ	1.445,743 дес. 2 р. 13 к.	3.083,999 р.
2) Крестьянскимъ товариществамъ	638,981 » 1 р. 30 к.	855,385 р.
3) Отдѣльнымъ домохозяевамъ	1.349,062 » — р. 89 к.	12.094,933 р.
А лицамъ прочихъ сословій:	372,842 » 1 р. 33 к.	494,451 р

Около 23,000 десятинъ остались несданными.

Но, какъ ни низка повсюду въ Россіи показанная средняя арендная плата, слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что въ отдѣльныхъ случаяхъ она колеблется между 73 руб. 88 коп. и нѣсколькими копѣйками за десятину, и что болѣе дорогая аренда относится не до хлѣбопашества, а до другихъ доходныхъ статей.

То же можно сказать и объ Удѣльномъ вѣдомствѣ, судя о немъ по тому же источнику (стр. 146 и 147), а именно:

Въ 1901 году изъ всѣхъ арендныхъ земель Удѣльнаго вѣдомства,—1.827.063 десятинъ,—сдавалось крестьянамъ 1.637.134 десятины, т. е. 89,6%.

Средняя арендная цѣна общая была 2 р. 85 к. за десятину, а находившейся въ арендѣ у крестьянъ—2 р. 67 к.

Такимъ образомъ, отъ аренды всѣхъ земель было выручено 5.206,471 руб., въ числѣ которыхъ—отъ крестьянъ—4.378,409 руб.

Очевидно, что и въ Удѣльномъ вѣдомствѣ арендныя цѣны на земли также очень не высоки.

Что же касается арендныхъ цѣнъ на земли, снимаемыя крестьянами у частныхъ землевладѣльцевъ, то, въ среднемъ, по 50 губерніямъ Европейской Россіи (см. тамъ же, стр. 150) онѣ колеблются между 9 р. 30 к. за десятину (Курская губ.) и 80 копѣйками (Вологодск. губ.). Какъ ни низка арендная плата, уплачиваемая за наемъ земли крестьянами, однакоже, вслѣдствіе ея непродуктивности, зависящей въ свою очередь отъ плохой обработки и отъ крайне неблагопріятныхъ условій, которыми обста-

влена у насъ аренда вообще, плата эта оказывается крестьянамъ совершенно не по силамъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно аренды крестьянами надѣльныхъ земель. По свѣдѣніямъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 199), средняя арендная плата надѣльныхъ земель, по 27 губерніямъ, напримѣръ, оказывается всего 3 р. 6 к. за десятину; но по отношенію къ доходности надѣльныхъ земель она чрезвычайно высока, а именно: по отношенію къ валовой ихъ доходности она составляла 34%, а по отношенію къ чистой—81,1%.

Остается, слѣдовательно, въ вознагражденіе крестьянина, за его труды, въ среднемъ, 18,9% съ 3 р. 6 копѣекъ, что составляетъ около 58 копѣекъ съ десятины въ годъ.

Спрашивается, можетъ ли крестьянинъ кормиться отъ такихъ трудовъ, даже при среднемъ урожаѣ, и каково его положеніе въ года неурожайные, которые стали повторяться все чаще?

Вообще, истощенная крестьянская надѣльная земля во многихъ случаяхъ, какъ оказывается, не только не кормитъ крестьянина, но составляетъ для него тягость, обузу; доходъ съ нея иной разъ не покрываетъ приходящихся на нее повинностей, земскихъ и государственныхъ, не говоря уже о выкупныхъ платежахъ, такъ что за пользованіе такою землею крестьянину приходится приплачивать деньги, добываемыя изъ другихъ источниковъ.

Единственно, что удерживаетъ такихъ крестьянъ отъ рѣшенія вовсе отказаться отъ такой надѣльной земли, это желаніе спасти хоть что-нибудь за уплоченные ими выкупные платежи, которые для нихъ

пропали бы безвозвратно, если бы послѣдовала давно ожидаемая ими реформа крестьянскаго землеустройства и окончательное распредѣленіе между ними выкупленной земли въ вѣчное владѣніе.

Обѣднѣніе крестьянъ выражается особенно ярко также и въ весьма значительномъ уменьшеніи скота и лошадей.

Извѣстно, что для крестьянина земля и скотъ составляютъ все богатство, причемъ то и другое находится между собою въ тѣсной связи: нѣтъ земли—не можетъ быть и скота, и обратно,—нѣтъ скота—не можетъ быть толку и отъ земли.

Для того, чтобы держать и кормить достаточно скота, нужно имѣть достаточно покосовъ и пастбищъ; а ихъ-то у крестьянъ и нѣтъ. Въ числѣ надѣльной земли, пахотной, въ среднемъ, по 47 губерніямъ приходится 67,8%; такимъ образомъ, на пастбища, луга и другія угодія приходится всего 32,2%. Такое пропорціональное отношеніе пахотной земли къ угодіямъ, при почти повсемѣстно практикуемомъ трехпольномъ хозяйствѣ, само по себѣ уже является достаточною причиною невозможности процвѣтанія крестьянскаго хозяйства: разъ нѣтъ достаточнаго количества угодій, нѣтъ и возможности содержать достаточное количество скота, а потому земля, безъ удобренія, истощается, и урожай годъ отъ года становится хуже. Дѣйствительность это вполнѣ подтверждаетъ.

Безъ лошади крестьянинъ уже не землепашецъ; а между тѣмъ, по свѣдѣніямъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія, въ періодъ 1870—1900 годовъ, въ 50 губерніяхъ, количество крестьян-

скихъ лошадей уменьшилось на цѣлую треть, а именно, въ 1870 г. на тысячу дворовъ лошадей приходилось 1,329, а въ 1900 году оказалось уже ихъ всего 920; если же періодъ изслѣдованій обнялъ бы еще болѣе длинный срокъ, то уменьшеніе количества лошадей въ крестьянскомъ быту оказалось бы еще значительнѣе.

Интересны въ этомъ же отношеніи данныя военно-конскихъ переписей, на основаніи которыхъ видно, насколько число безлошадныхъ крестьянъ постепенно увеличивается:

Въ 1882 г. безлошадныхъ дворовъ 26,9% (по 50 губ.).
» періодъ 1888—91. . . . . 27,8%
» » 1893—96. . . . . 33,2%

Около третьей части нашихъ крестьянскихъ хозяйствъ, слѣдовательно, оказываются безъ лошадей; положеніе такихъ землепашцевъ совершенно безнадежно, и если не поставить ихъ немедленно же въ болѣе благопріятныя условія, то они неминуемо должны бросить землю и искать себѣ другой источникъ заработковъ.

Въ той же приблизительно пропорціи идетъ и убыль крестьянскаго скота, а именно: въ 1870 году, по 50 губерніямъ, на тысячу дворовъ приходилось крупнаго и мелкаго скота, всего, по 9,329 головъ,— а въ 1900 году оказалось его только 6,474 штуки.

Такая убыль представляетъ тѣмъ болѣе опасности для будущаго крестьянскаго хозяйства, что общее количество скота, по отношенію къ наличности надѣльной земли, несмотря на ея нехватку, слѣдуетъ признать совершенно недостаточнымъ.

Въ то время, какъ за границею, для успѣшнаго веденія хозяйства, считается за норму наличность одной головы крупнаго скота или лошадей на гектаръ (менѣе десятины), у нашихъ крестьянъ приходится скота крупнаго, мелкаго и лошадей на десятину только 0,6 головы; а такъ какъ мелкій скотъ слѣдуетъ считать двѣ головы за одну, то ясно, что скота и лошадей, у крестьянъ нѣтъ и половины того количества, что слѣдуетъ имѣть для нормальнаго веденія хозяйства; одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы привести крестьянское хозяйство къ полнѣйшему разоренію.

Понятно, что, разъ у землепашцевъ мало земли, мало угодій и кормовъ, мало скота и удобренія и нѣтъ почти посторонней работы, то и хозяйство ихъ не только не можетъ улучшаться и дѣлать успѣховъ, но не можетъ даже оставаться и на прежнемъ, хотя и низкомъ уровнѣ.

Истекшіе четыре съ половиною десятка лѣтъ доказываютъ съ полною ясностью, что разсчитывать на то, чтобы крестьяне могли, при настоящихъ условіяхъ жизни и обстановкѣ хозяйства, усилить продуктивность земли, рѣшительно невозможно. По свѣдѣніямъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 199), средняя доходность надѣльной земли по 27 губерніямъ исчислена слѣдующимъ образомъ:

	Валовая доходность.	Издержки.	Чистая доходность.
Съ пашни	11 р. 78 к.	7 р. 65 к.	4 р. 13 к.
Съ покосовъ . . .	12 р. 56 к.	4 р. 02 к.	8 р. 54 к.
Съ остальныхъ угод.	— р. 54 к.	— р. 15 к.	— р. 39 к.
Со всей земли вооб.	8 р. 99 к.	5 р. 22 к.	3 р. 77 к.

Принимая же во вниманіе, что окладные платежи, падающіе въ среднемъ на десятину надѣльной земли, исчислены по тѣмъ же свѣдѣніямъ въ 1 р. 39 к., а средняя аренда—въ 3 р. 6 к., оказывается, что, при настоящемъ уровнѣ земледѣльческаго развитія нашихъ крестьянъ, они должны, конечно нищенствовать. Такъ оно въ дѣйствительности и есть.

Затѣмъ, если принять во вниманіе, что рожь занимаетъ почти половину засѣяннаго пространства, а овесъ—отъ 25 до 42% всей засѣянной площади, оставляя нѣкоторое мѣсто пшеницѣ и самое незначительное мѣсто для всѣхъ остальныхъ посѣвовъ, то можно себѣ представить, насколько земледѣліе, главнѣйшая отрасль производительныхъ силъ Россіи, находится еще на низкой степени развитія и требуетъ неотложнаго возрожденія.

Что же касается степени урожайности въ Россіи, то и съ этой точки зрѣнія подтверждается страшная отсталость ея культуры. Вотъ сравнительная таблица сборовъ хлѣба, вычисленная путемъ дѣленія его на площадь посѣва въ Россіи, Америкѣ и Франціи (Д. П. Семеновъ, стр. 149).

	Россія.	Америка.	Франція.
Рожь . . .	7,9	10,4	15,8.
Пшеница .	6	10,4	16
Овесъ . . .	12,2	23,2	22,3.
Ячмень . .	9,4	1,9	18,2,
Греча . . .	6	11,1	14,9.

Образцомъ нашимъ, по этой таблицѣ, должна служить, не Америка, гдѣ запасъ дѣвственныхъ земель еще не истощенъ, и онѣ продолжаютъ еще давать значительные урожаи, а Франція, которая въ восемнад-

цатомъ столѣтіи была такъ же истощена, какъ и Россія въ настоящее время, и которая однакоже теперь достигла столь блестящихъ результатовъ, только благодаря усовершенствованіямъ культуры, развившейся на почвѣ насажденія мелкой земельной собственности и полнѣйшей самостоятельности крестьянскаго хозяйства.

Недостатокъ въ землѣ и скотѣ, также какъ и отсутствіе прилива побочныхъ доходовъ, конечно являются главнѣйшими причинами разоренія крестьянскаго хозяйства и обнищанія нашихъ землепашцевъ.

Однакоже, на ряду съ этими причинами, нельзя не указать и на еще одну, а именно, на круглое невѣжество нашихъ крестьянъ, благодаря которому они врядъ ли въ состояніи выйти изъ своего состоянія обнищанія.

Невѣжество крестьянъ стоитъ въ прямой и непосредственной зависимости отъ той обособленности, въ которую они поставлены по отношенію къ остальнымъ классамъ общества, отъ того кастоваго, замкнутаго устройства ихъ быта и распорядка, которымъ характеризуются міръ и община, стоящіе внѣ общей организаціи, существующей для остальныхъ гражданъ, внѣ общихъ законовъ и внѣ общей свободы.

Принимая же во вниманіе, что крестьяне представляютъ собою подавляющее большинство въ общей численности народонаселенія Россійской Имперіи, приходится констатировать, что въ такомъ невѣжественномъ состояніи находится чуть ли не 90% Русскаго народа.

Земледѣльческій классъ однѣми собственными силами можетъ достигнуть лишь весьма незначительной

степени экономическаго развитія и далѣе примѣненія трехпольной системы собственными средствами дойти не въ состояніи, такъ какъ для организаціи болѣе сложной системы хозяйства требуются, какъ матеріальныя затраты, такъ и болѣе совершенные, чуждые ему пріемы, основанные на недоступныхъ ему научныхъ познаніяхъ и практическихъ опытахъ: поэтому-то онъ и не умѣетъ усиливать продуктивности находящейся въ его распоряженіи ограниченной площади земли, соразмѣрно съ возрастающимъ числомъ кормящихся на ней жителей.

Въ такомъ именно печальномъ состояніи экономическаго застоя и безвыходной бѣдности находится въ настоящее время и русскій земледѣльческій классъ, замкнутый на ограниченной площади земли, которой не хватаетъ на его прокормленіе.

Наши крестьяне, какъ извѣстно, не имѣютъ необходимой подготовки и матеріальныхъ средствъ для того, чтобы постепенно двигаться впередъ и переходить къ интенсивной культурѣ, — что мы и видѣли изъ только-что приведенныхъ данныхъ о ихъ хозяйствѣ; поэтому, какъ только отведенный земельный участокъ оказывается слишкомъ малъ для кормленія народившагося вновь народа, единственнымъ понятнымъ для крестьянъ исходомъ является въ этомъ случаѣ прирѣзъ новой площади земли соотвѣтственнаго размѣра. Вотъ, почему крестьяне все время и требуютъ земли.

Но, кромѣ того, необходимо при этомъ принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что, даже при сознаніи отдѣльными крестьянами необходимости введенія усовершенствованныхъ пріемовъ культуры, при-

мѣненіе ихъ на практикѣ разомъ, цѣлою общиною, совершенно немыслимо, такъ какъ домохозяева, рѣшающіе эти вопросы на сходѣ, заинтересованы въ томъ, чтобы оставались въ силѣ старые порядки и связанная съ ними власть надъ землею и остальными членами семьи, а потому они всегда переспорятъ любителей нововведеній и поставятъ на своемъ, т.-е. по-старому.

При такомъ соціальномъ устройствѣ, когда торжествуетъ рутина и косность, а новымъ силамъ, стремящимся къ прогрессу и цивилизаціи, не дается ходу, нечего и ожидать, что земледѣльческій классъ выйдетъ изъ своего нищенскаго положенія и достигнетъ благосостоянія.

Вполнѣ преклоняясь передъ великими заслугами сельской общины въ дѣлѣ человѣческой цивилизаціи, вообще, и сознавая, что она-то именно и создала высоконравственные принципы уваженія къ семьѣ, закону и собственности, нельзя же, тѣмъ не менѣе, отрицать того, бросающагося въ глаза, факта, что въ жизни каждой сельской общины наступаетъ такой моментъ, когда дальше она своего рутиннаго строя уже удержать не можетъ, и она должна естественнымъ образомъ распадаться; моментъ этотъ наступаетъ именно тогда, когда земельныя владѣнія той или другой сельской общины становятся точно ограниченными, и жителямъ ея становится тѣсно; лишенная возможности развиваться на счетъ пространства, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, сначала такая община страдаетъ недостаткомъ въ угодьяхъ, т.-е. въ лѣсѣ и пастбищахъ, а затѣмъ и въ полевой землѣ; послѣдствія отъ такого положенія всѣмъ извѣстны:

*

уменьшеніе скота, плохое удобреніе земли и ея истощеніе, а въ концѣ концовъ—общее обнищаніе.

Въ такомъ именно положеніи находится и русская сельская община. Нищета, косность, неуваженіе чужой собственности, семейные разлады, усиливающееся стремленіе къ переселеніямъ,—всѣ эти обстоятельства вполнѣ подтверждаютъ тотъ фактъ, что русская община отжила свое время, и что долѣе держать крестьянъ въ ихъ обособленномъ, замкнутомъ положеніи невозможно.

Въ чемъ заключается сила культуры растеній и животныхъ, создающая поразительные по своимъ достоинствамъ экземпляры?

Въ подборѣ наилучшихъ производителей и въ удаленіи изъ питомника экземпляровъ больныхъ и порочныхъ.

Но наша сельская община, какъ питомникъ, тѣмъ именно и отличается, что въ ней отсутствуетъ всякая энергія въ борьбѣ за существованіе, и что естественный подборъ въ ней оказывается совершенно парализованнымъ тѣмъ, что каждый ея членъ, независимо отъ своихъ способностей и отъ степени проявляемой имъ энергіи, считаетъ себя въ правѣ на обезпеченное положеніе, даже тогда, когда на это у общины нѣтъ уже и средствъ.

Вслѣдствіе этого обстоятельства, неспособные, безнравственные и вредные члены сельской общины остаются на ней тяжелымъ бременемъ, а выдающіеся, по своимъ способностямъ, люди, не желая гнуться подъ тяжестью содержанія тунеядцевъ, стремятся вонъ изъ этой непроизводительной среды и проявляютъ свою энергію въ болѣе благопріятныхъ сферахъ.

Нынѣшняя сельская община не та, что была прежде; безъ земли и скота, она для своихъ членовъ потеряла всякое значеніе, и, вмѣсто того, чтобы служить для нихъ обезпеченіемъ, она сама требуетъ отъ нихъ подспорья.

Покуда крестьянинъ будетъ коснѣть въ общемъ стадѣ скученныхъ въ одномъ загонѣ разнохарактерныхъ и разношерстныхъ особей, личнымъ и индивидуальнымъ его порывамъ приходится глохнуть въ общей сутолокѣ; тратить свои силы и средства на улучшеніе общаго загона никому не охота, а улучшать изъ него отдѣльный кусочекъ нѣтъ расчета; позавидуютъ односельчане, да и отнимутъ.

Вотъ, почему лучшія силы сельскаго населенія и рвутся вонъ изъ деревни, оставляя ее на произволъ невѣжества и рутины. Вотъ, почему, при существующихъ условіяхъ, и не можетъ быть никакой надежды на то, чтобы наши крестьяне собственными силами и средствами вышли изъ нищеты и подняли свое благосостояніе.

Злые языки объясняютъ разореніе русскихъ крестьянъ еще и тѣмъ, что они, почти поголовно, пьяницы и лѣнтяи.

Но не такъ смотрятъ на это дѣло сами крестьяне; а ихъ собственное мнѣніе въ данномъ случаѣ особенно важно, такъ какъ, только зная, какъ они сами относятся къ своему разоренію, и можно установить тѣ мѣры, которыя прекратили бы ихъ волненія и безпорядки.

Фактъ крестьянскаго разоренія на лицо.

Да, но какъ же и выйти крестьянину изъ этого состоянія нищеты, когда ему обрѣзаны всѣ пути, чтобы под-

нять свое хозяйство путемъ труда и энергіи? Зачѣмъ ему, въ самомъ дѣлѣ, работать, когда онъ не самъ будетъ пользоваться плодами трудовъ своихъ, а всѣмъ его достояніемъ, накопленнымъ путемъ бережливости и труда, можетъ воспользоваться его же односельчанинъ, можетъ быть, дѣйствительно, негодяй, лѣнтяй и пьяница?

Напрасно говорятъ, что русскій мужикъ лѣнивъ, упрямъ, неспособенъ и пороченъ: способности и энергія русскаго мужика не могутъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ безчисленные примѣры работающихъ по всевозможнымъ отраслямъ производства фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, мастеровъ, артельщиковъ, приказчиковъ и всевозможныхъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ и другихъ мѣстахъ,—говорятъ сами за себя, доказывая на дѣлѣ удивительную понятливость, ловкость, смѣтливость, находчивость, сообразительность, терпѣніе, выносливость, энергію, настойчивость и массу другихъ достоинствъ его, а между тѣмъ, всѣ эти способные люди вышли изъ народа, изъ того самаго народа, который живетъ въ деревняхъ и считается неспособнымъ воздѣлывать землю.

Какая польза въ томъ, что подъискиваютъ причины, унижающія человѣческое достоинство, для объясненія разоренія и упадка нравственности русскаго населенія? Это дѣлу нисколько не поможетъ; нуженъ исходъ, и притомъ исходъ немедленный, безотлагательный.

Слѣдуетъ, по справедливости, сознаться въ томъ, что крестьяне до сего времени играли роль совер-

шенно пассивную, безропотно подчиняясь всѣмъ навязаннымъ имъ, съ цѣлью ихъ облагодѣтельствованія, порядкамъ. Чѣмъ же они виноваты въ томъ, что изъ этихъ порядковъ хорошаго ничего не вышло, что и разорились-то они, да и нравственно упали?

Но такъ ли, въ дѣйствительности, они нравственно упали?

Нѣтъ, утверждать это также не имѣется серьезныхъ основаній.

Вспомнимъ пролетаріевъ конца Римской Имперіи, которые кричали: «Хлѣба и зрѣлищъ!».

Вотъ, это былъ лѣнивый, испорченный народъ: имъ давали землю даромъ, но они не брали ея, такъ какъ не хотѣли уже работать.

Наши же крестьяне, при всемъ своемъ голодѣ, требуютъ не хлѣба, а земли, такъ какъ они хотятъ трудиться, и они твердо вѣрятъ тому, что, когда у нихъ будетъ земля, то будетъ и хлѣбъ.

Требованіе это, напротивъ, напоминаетъ тотъ славный періодъ древняго Рима, когда плебеи были трудолюбивы и изъ-за недостатка земли выдержали прославившую Римскій народъ борьбу съ патриціями.

Это крикъ естественный, благородный и законный, доказывающій, что народъ вовсе не лѣнивъ, а хочетъ работать, что онъ желаетъ получать хлѣбъ не даромъ, а зарабатывать его трудомъ; на обязанности государства лежитъ поэтому святой долгъ удовлетворить эти требованія народной массы, тяготѣющей къ землѣ и къ труду и взывающей о томъ, чтобы ей дали возможность примѣнять свои силы и способности на пользу свою и государственную, выполняя свое историческое назначеніе.

Тяготѣніе крестьянъ къ землѣ является въ настоящее время чуть ли не единственною національною особенностью русскаго народа, характерно выражающею его стремленія; старина отжила свой вѣкъ; традиціи пали; религія смѣшалась съ суевѣріемъ; все рушилось, все спуталось, а новаго типа русскаго крестьянина не создалось. Только этимъ тяготѣніемъ къ землѣ и работѣ и можно еще воспользоваться для того, чтобы дать толчокъ въ дѣлѣ русскаго народнаго возрожденія: въ немъ и сила, и благородство, и всѣ данныя, обезпечивающія его будущее величіе.

То, что русское сельское населеніе тяготѣетъ къ землѣ, дорожитъ ею и требуетъ ее, для труда, для работы,—это великое счастье для земли Русской и для будущности Русскаго народа. Такихъ земледѣльческихъ народовъ, въ общемъ, осталось уже немного, такъ какъ человѣкъ, бросившій соху и занявшійся какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ, къ ней болѣе не возвращается. Всѣ европейскіе экономисты смотрятъ на постоянно усиливающееся стремленіе сельскаго населенія къ переселенію въ города, какъ на великую опасность для будущности даже Западно-Европейскихъ государствъ. Но можетъ ли быть сравненіе между этими государствами,—и по своему географическому положенію, и по развитію экономическихъ условій своихъ, превратившимися въ всемірные промышленные центры, и Россійскою Имперіею, богатство которой исключительно состоитъ въ землѣ и хлѣбопашествѣ?

Россія была и должна быть житницей Европы, и если русское сельское населеніе требуетъ земли, чтобы ее обрабатывать, то оно этимъ выполняетъ свою исто-

рическую задачу: этому надо радоваться, такъ какъ въ этомъ залогъ всей будущности Россіи. Давайте же крестьянамъ землю, давайте ее скорѣе, пока не поздно, давайте ее, сколько нужно, на такихъ условіяхъ, чтобы земледѣлецъ могъ развивать свое благосостояніе, и тогда сила и благоденствіе государства Россійскаго навѣки обезпечены.

Тѣмъ, что крестьяне проявляютъ жадность къ землѣ, слѣдовало воспользоваться уже давно, чтобы дать имъ возможность выйти изъ ихъ закоснѣлаго состоянія, пробудивъ въ нихъ сознаніе необходимости наживать свое личное достояніе и устраивать, по своимъ силамъ и средствамъ, свой собственный земельный участокъ. Удачные примѣры однихъ ужъ успѣли бы послужить на пользу другимъ. А вмѣсто этого, молодыхъ крестьянъ заперли на общественной землѣ, окружили межами, запретили работать на себя и закрѣпостили домохозяину и міру.

Дайте же крестьянамъ хозяйственные земельные участки въ вѣчное и потомственное владѣніе, дайте возможность тѣмъ изъ нихъ, которые чувствуютъ силы и способности устроиться на сторонѣ, сдѣлаться самостоятельными хозяевами, трудиться лично для себя, а не на другихъ и наживать свой собственный достатокъ; тогда они и сами будутъ требовать уваженія къ своей собственности, да и будутъ уважать чужую. Покуда же вы голоднаго не накормите, не удивляйтесь тому, что онъ будетъ тащить хлѣбъ съ вашего стола.

II.

НЕДОЧЕТЫ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА И ПОСЛѢДУЮЩИХЪ МѢРЪ, ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ БЛАГОСОСТОЯНІЮ КРЕСТЬЯНЪ.

Безспорно, что реформа освобожденія 1861 г. представляетъ собою одинъ изъ величайшихъ моментовъ въ исторіи государства Россійскаго; тѣмъ не менѣе, реформа эта далеко не была полною, совершенною и законченною.

Напротивъ того, съ первыхъ же лѣтъ ея осуществленія стали чувствоваться многіе недочеты. Обнаружилось, что и во время разработки этой реформы на нее смотрѣли только, какъ на мѣру предварительную спеціально имѣвшую въ виду только освобожденіе крестьянъ, съ цѣлью подготовленія народа къ болѣе общимъ преобразованіямъ, связаннымъ съ вопросомъ объединенія сословій и касающимся области суда, земства, администраціи, а, можетъ быть, и всего государственнаго строя.

Но намѣченная программа до сихъ поръ, въ большей своей части, осталась невыполненною.

Наступили разныя событія, вызвавшія въ дѣйствіяхъ правительства сильную реакцію; земская реформа не отвѣчала требованіямъ времени и не дала жизни народной того толчка впередъ, котораго отъ нея ожидали; судебная реформа не была проведена повсемѣстно, а ограничилась лишь главными центрами Имперіи, да и то была впослѣдствіи урѣзана; рознь сословій не только не уничтожена, а, напротивъ того, возросла и обострилась; дворяне, оставшись безъ рабочихъ рукъ, оказались не въ состояніи справиться съ своими обширными помѣстьями, разоряются и болѣе прежняго стремятся устраиваться на казенныхъ хлѣбахъ; крестьяне же, выдѣленные изъ общихъ для остальныхъ сословій законовъ, сидятъ запертыми на своихъ надѣлахъ, подъ властью міра и общины, изнемогая въ безвыходной нищетѣ, созданной малоземельемъ и безработицей.

Выкупная операція также не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ и расчетовъ, ни съ точки зрѣнія финансовой, ни съ точки зрѣнія экономической, вообще; она принесла крестьянамъ, вмѣсто освобожденія, — порабощеніе, вмѣсто земельной собственности,—безземелье, и вмѣсто довольства,—обнищаніе.

Задуманъ былъ планъ выкупной операціи весьма широко, и размѣръ кредита на выкупъ крестьянскихъ земель, доходящій до огромной по тому времени суммы въ 900 милліоновъ рублей, не испугалъ правительства. Но выкупная операція все же не удалась, и только потому, что она шла въ разрѣзъ съ стремленіями крестьянъ къ земельной собственности, и выкупать имъ приходится не каждому свой надѣлъ, а общую землю, пользованіе которою для плательщика оказы-

вается временнымъ и далеко не обезпеченнымъ; сорока-девятилѣтній срокъ ея уже не за горами, а земли крестьянскія далеко еще къ этому сроку выкуплены не будутъ.

Въ общемъ, выкупные платежи поступали неисправно и съ большими понужденіями; когда же не достигали цѣли и понужденія, то недоимки слагались по Высочайшимъ манифестамъ, въ видѣ особыхъ милостей въ торжественныхъ случаяхъ.

Въ настоящее время, сложеніе недоимокъ и сбавка выкупныхъ платежей сдѣлались явленіями настолько заурядными, что крестьяне стали на нихъ смотрѣть, какъ на совершенно нормальныя, а исправные плательщики вполнѣ искренно сожалѣютъ о томъ, что они «напрасно давали деньги и не попали подъ манифестъ».

Такимъ образомъ выкупная операція цѣли своей не достигла, и только правительственныя соображенія особаго порядка заставляютъ тянуть это дѣло, прощая недоимки и сводя постепенно весь крестьянскій долгъ на смарку.

Понятно, что подобное сложеніе платежей по ипотечному долгу возможно только для казны, и ни для какого банка или кредитнаго учрежденія не могло быть допустимо.

Однакоже, позволено сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли ипотечный банкъ, или кредитное учрежденіе, на мѣстѣ казны потерпѣли бы такую же неудачу, или же неудача эта является только прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ спеціальныхъ условій, которыми казна обставила крестьянское землевладѣніе, открывая ему свой сундукъ?

Послѣднее предположеніе оказывается нынѣ совершившимся фактомъ. Обстановка, при которой крестьяне были надѣлены землею, дѣйствительно, была настолько своеобразна, что ни одно кредитное учрежденіе не согласилось бы дать имъ авансы подъ залогъ ихъ земель.

Уже одно то обстоятельство, что платежи $^0/_0$ и погашенія по ссудамъ подъ землю совершенно не были обезпечены, и что крестьянскія земли ни въ какомъ случаѣ не подлежали отчужденію, шло въ полный разрѣзъ съ уставомъ всякаго ипотечно-кредитнаго учрежденія. Полученіе $^0/_0$ и погашенія по выкупной операціи всецѣло покоились на полицейско-принудительныхъ мѣрахъ, да на продажѣ незначительной части движимости (хозяйственный инвентарь и часть скота признавались необходимыми принадлежностями хозяйства и продажѣ ни въ какомъ случаѣ не подлежали).

Но зато, для приведенія въ исполненіе своего финансоваго плана казна пустилась на такія средства, которыми ни одно кредитное учрежденіе не располагаетъ, а именно: 1) установленіе, для взысканія выкупныхъ платежей, пріемовъ, сходныхъ съ тѣми, которые примѣняются при взысканіи прямыхъ налоговъ, и притомъ, за круговою порукою всѣхъ односельчанъ другъ за друга,—и 2) прикрѣпленіе къ отведеннымъ въ 1861 г. надѣламъ всего грядущаго потомства членовъ общины съ тѣмъ, чтобы оно работало и заработало ссуду, дарованную отцамъ и дѣдамъ.

Хотя выкупные платежи и представляютъ собою уплату процентовъ и погашенія по выданной имъ казною подъ земельные надѣлы ссудѣ, но по способу

взиманія и раскладкѣ они существенно отличаются отъ ссудъ земельныхъ банковъ и имѣютъ полнѣйшее сходство съ прямыми налогами. Такъ на нихъ смотритъ и само правительство; въ докладѣ министра финансовъ, по росписи 1897 года, напримѣръ, они называются «главнѣйшею статьею прямого обложенія сельскихъ обывателей, составляющею въ среднемъ 75% и доходящею въ иныхъ губерніяхъ до 90% всѣхъ казенныхъ и земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ сельскаго населенія».

Но никакія административныя мѣры не могли спасти дѣла, которое въ самомъ своемъ основаніи грѣшило противъ самыхъ элементарныхъ экономическихъ законовъ, заставляя выкупать землю, право собственности на которую для плательщика не было обезпечено.

Въ самомъ дѣлѣ: или надѣленіе крестьянъ землею было актомъ благотворительности, и тогда государство, раздавая земли даромъ, должно было найти и соотвѣтствующія для этого средства; или же оно было основано на строгомъ финансовомъ расчетѣ, и въ такомъ случаѣ выкупная операція представляется срочною ссудою подъ крестьянскіе надѣлы, которые и должны были являться прямымъ ея обезпеченіемъ, и въ случаѣ неисправности заемщиковъ должны были продаваться съ публичныхъ торговъ.

Въ дѣйствительности обѣ эти комбинаціи оказались совершенно спутанными.

Отчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ была въ принципѣ отвергнута изъ чувства филантропіи, имѣя въ виду не пускать по міру безземельныхъ крестьянъ.

Благодѣяніе это само по себѣ только кажущееся, такъ какъ оно лишило крестьянъ самаго драгоцѣннаго права каждаго землевладѣльца, а именно возможности свободно распоряжаться своею землею, какъ собственною, и этимъ поставило ихъ въ самое затруднительное положеніе; кромѣ того, установленныя взамѣнъ этого благодѣянія мѣры обезпеченія,—круговая порука и закрѣпощеніе къ общинѣ всего грядущаго потомства,—обрекли въ будущемъ все сельское населеніе на то безъисходное положеніе косности и обнищанія, въ которомъ мы его нынѣ и застаемъ.

Путаница, происшедшая въ смѣшеніи акта благотворительности съ экономическими расчетами стоила народу гораздо дороже того, чѣмъ если бы ссуда подъ крестьянскіе надѣлы была выдана любымъ кредитнымъ учрежденіемъ, подъ самые высокіе проценты и съ самыми строгими правилами противъ неисправныхъ плательщиковъ. Весьма вѣроятно, конечно, что многіе изъ крестьянъ оказались бы неисправными, и надѣлы ихъ проданы; но на мѣстѣ ихъ, рядомъ съ большинствомъ уцѣлѣвшихъ, сидѣли бы уже другіе крестьяне, которые давно уже успѣли бы встать на ноги и окрѣпнуть,—это законъ природы; во всякомъ случаѣ, не было бы такого поголовнаго обнищанія сельскаго населенія, какъ то, о которомъ идетъ рѣчь.

Говорятъ еще, что отчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ не была допущена, не только въ видахъ обезпеченія выкупной операціи, а и съ тою цѣлью, чтобы предупредить возможность скупки земельныхъ надѣловъ въ однѣ руки. Несомнѣнно, что такая скупка шла бы совершенно въ разрѣзъ съ цѣлями выкупной операціи; но противъ этого могъ быть принятъ по

образцу другихъ странъ, цѣлый рядъ мѣръ, весьма дѣйствительныхъ; а потому соображеніе это точно также не выдерживаетъ критики, тѣмъ болѣе, что крестьянъ отъ безземелья оно и не спасло; иначе они не требовали бы такъ настоятельно земли.

Смѣшались понятія о свободѣ съ неотчуждаемостью общиной земли, и въ концѣ концовъ сельское населеніе оказалось и несвободнымъ, и безъ земли.

Государство, съ аграрной точки зрѣнія, конечно имѣетъ право издавать законы, относительно недѣлимости мелкихъ собственныхъ участковъ и воспрещенія скупки ихъ въ однѣ руки;—но этими ограниченіями и исчерпываются всѣ мѣры, клонящіяся къ огражденію мелкой земельной единицы, обрабатываемой собственноручно ея хозяиномъ-землепашцемъ.

Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ проявленія права собственности, по отношенію къ такимъ земельнымъ участкамъ, не должно стѣсняться никакими ограниченіями; поэтому такіе участки должны свободно закладываться, продаваться, передаваться по дарственнымъ и по завѣщаніямъ, и т. п.

Только при такихъ условіяхъ и возможно было ожидать скорыхъ и благотворныхъ результатовъ; только при свободномъ переходѣ изъ рукъ въ руки земельныхъ участковъ, трудолюбивые землепашцы получили бы возможность воздѣлывать землю, обращая въ свою пользу всѣ накопляемыя на ней улучшенія и хозяйственныя сбереженія, а лѣнтяй и тунеядецъ, не желающій гнуть своей спины, получилъ бы себѣ должное возмездіе, потерявъ мѣсто, которое самою природою предназначено только для почтенныхъ тружениковъ.

Уже одно то обстоятельство, что размѣры выкупныхъ платежей оказались совершенно не по средствамъ крестьянъ и привели къ накопленію недоимокъ, доходившихъ уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ до 16—17 милліоновъ рублей,—доказываетъ, насколько выкупная операція мало отвѣчала своему назначенію; обстоятельство это является тѣмъ болѣе мало извинительнымъ, что для его оправданія нельзя даже привести такихъ финансовыхъ причинъ, которыя вызывали бы неизбѣжность такого отягощенія земледѣльческаго класса въ первый же періодъ его возрожденія; напротивъ того, казна отъ этой операціи не потерпѣла никакого убытка, а въ первые же два десятка лѣтъ получила избытка не менѣе 40 милліоновъ рублей (проф. Карышевъ. Землевладѣніе Россіи).

Изъ «Матеріаловъ для Русскихъ Финансовъ» (Спб. 1899) видно, что недоимки за крестьянами, несмотря на пониженія окладовъ, постоянно возрастаютъ, и что особенно сильное вліяніе на ростъ ихъ оказалъ голодный 1891 годъ. По мнѣнію Г. Сабурова, въ этотъ годъ недоимки возросли на 60 милліоновъ рублей, которые и пали на 17 губерніяхъ, причемъ 13 между ними уже и до этого года оказывались не въ состояніи исправно оплачивать земельный выкупъ; никакія строгія мѣры впослѣдствіи не могли измѣнить этого положенія, такъ какъ пораженныя неурожаемъ губерніи уже не могли поправиться отъ постигшаго ихъ бѣдствія; неисправность платежей, въ общемъ, стала хроническою и объясняется, какъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ выкупныхъ платежей, съ одной стороны, такъ и уменьшеніемъ крестьянскихъ надѣ-

ловъ, по мѣрѣ прироста населенія, а также и повсемѣстнымъ истощеніемъ почвы, съ другой.

По свѣдѣніямъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 295—7), на 1900 годъ по 50 губерніямъ недоимка по выкупнымъ платежамъ накопилась въ размѣрѣ 123%, по отношенію къ среднему окладу ихъ въ періодъ 1891—1900 годовъ, а именно: средній окладъ выкупныхъ платежей за означенное десятилѣтіе выразился въ суммѣ 96.391,000 рублей, а недоимка въ сказанной пропорціи, равнялась суммѣ 118.560,000 рублей.

При этомъ надо замѣтить, что недоимка росла изъ года въ годъ и къ концу означеннаго десятилѣтія, сравнительно съ его началомъ, утроилась.

Итогъ разныхъ льготъ, дѣлавшихся за послѣдніе года крестьянамъ, выражается суммою болѣе 50 милліоновъ ежегодно, особенно же если при этомъ принять во вниманіе и сложеніе подушной подати, по сравненію къ приросту за это время населенія.

И все же такія мѣры облегченія ни къ чему не привели; оно и понятно: въ исторіи народовъ не найдется ни одного примѣра тому, чтобы угнетенное и разоренное положеніе низшихъ классовъ могло быть поправлено путемъ однихъ облегченій податного обложенія; а, наоборотъ,—народъ только въ тѣхъ случаяхъ и вступалъ въ новую эру экономическаго благосостоянія, когда онъ принималъ самое активное участіе въ соотвѣтственномъ ростѣ производительныхъ силъ страны; тогда народъ, вмѣстѣ съ подъемомъ его имущественнаго состоянія, оказывался способнымъ уплачивать безъ особыхъ затрудненій обло-

женія несравненно болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя ранѣе были непосильными.

Никакія льготы, отсрочки и разсрочки недоимокъ со стороны правительства уже не могли помочь, такъ какъ они не могли устранить коренныхъ причинъ неисправности поступленія платежей: несоразмѣрности выкупного долга съ мѣстными цѣнами на надѣльныя земли и съ ихъ доходностью, вслѣдствіе чего выкупные платежи уплачиваются не отъ доходовъ съ надѣльныхъ земель, а отъ постороннихъ заработковъ; обстоятельство это является тѣмъ болѣе поразительнымъ, что сама казна, послѣ сдѣланныхъ ею конверсій, значительно сократила собственные расходы на эту статью.

Сами крестьяне о своихъ личныхъ правахъ на надѣлы, послѣ окончанія ихъ выкупа, и, вообще, о томъ земельномъ обезпеченіи, которое отвѣчало бы размѣрамъ внесенныхъ каждымъ изъ нихъ выкупныхъ платежей, имѣютъ самое смутное представленіе.

Поэтому-то раздѣлы крестьянъ по дворамъ и въ настоящее время связаны съ громадными затрудненіями, а выдѣлъ изъ сельской общины оказывается прямо-таки невозможнымъ. Всѣ расчеты въ этихъ случаяхъ зависятъ отъ произвола міра, а потому между собою домохозяева иногда еще и могутъ раздѣлиться, но выходящаго изъ общества своего члена они обыкновенно отпускаютъ «ни съ чѣмъ».

Какъ извѣстно, конецъ выкупной операціи наступаетъ въ 1931 году; тогда многія надѣльныя земли будутъ выкуплены, а пользующіеся ими крестьяне освободятся отъ всякихъ обязательствъ предъ казною. Но это не избавитъ сельскаго населенія отъ ну-

таницы взаимныхъ расчетовъ односельчанъ, и если до наступленія этого срока не будетъ выработано плана для исхода изъ этого запутаннаго положенія, то едва ли вопросъ этотъ разрѣшится мирнымъ путемъ. Правительство, впрочемъ, кажется, само отлично сознаетъ, какія предстоятъ осложненія въ земельныхъ расчетахъ крестьянъ между собою, при выкупѣ надѣльныхъ земель, и этимъ отчасти и объясняются тѣ отсрочки и пересрочки окончательнаго выкупа, которыя, какъ милость, объявлялись крестьянамъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, на запросъ ихъ объ этомъ, они прямо высказывались противъ такихъ отсрочекъ.

Такимъ образомъ, реформа 1861 года не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ.

Крестьяне не получили ни свободы, ни возможности достигнуть благосостоянія; напротивъ того, народъ оказался порабощеннымъ общиною и дошелъ до нищеты.

Правительству пришлось изобрѣтать новыя мѣры для исправленія оказавшихся недочетовъ, которые привели народъ къ такимъ печальнымъ результатамъ. Нужно было принимать мѣры для поднятія экономическаго состоянія крестьянъ и первымъ дѣломъ разрѣшить вопросъ, хотя бы о малоземельи.

Но не отвѣчали своей цѣли и дальнѣйшія мѣры, принимавшіяся съ цѣлью предоставленія крестьянамъ въ пользованіе новыхъ земель. Мѣры эти не могли даже отвѣчать текущимъ требованіямъ разростающагося крестьянскаго населенія; тѣмъ болѣе нельзя на нихъ разсчитывать для устраненія переживаемаго нынѣ аграрнаго кризиса, принявшаго уже угрожающіе размѣры.

Къ этимъ мѣрамъ относятся продажа крестьянамъ земель чрезъ Крестьянскій банкъ и переселеніе ихъ въ Сибирь.

Прежде всего, по отношенію къ этимъ мѣрамъ, бросается въ глаза то, что обѣ онѣ страдаютъ отсутствіемъ строгой системы, имѣющей цѣлью правильное удовлетвореніе нужды въ землѣ нарождающагося крестьянскаго населенія, а носятъ характеръ непостоянный, чисто случайный.

Прибѣгать къ этимъ мѣрамъ предоставлено было далеко не всякому крестьянину, нуждающемуся въ землѣ, да и пользу-то онѣ приносили довольно сомнительную, что можно заключить уже изъ того, что, при волненіяхъ, вызванныхъ аграрнымъ движеніемъ, не раздается требованій объ усиленіи переселеній, или объ увеличеніи операцій крестьянскаго банка, а крестьяне просто требуютъ земли, очевидно сознавая, что ни одна изъ этихъ мѣръ не въ состояніи ихъ удовлетворить.

Особенныя неудобства и стѣсненія представляетъ собою, по мнѣнію крестьянъ, какъ переселеніе, такъ и покупка земли чрезъ крестьянскій банкъ, тѣмъ, что доступны они только для цѣлыхъ сельскихъ обществъ и для крестьянскихъ товариществъ; для отдѣльныхъ же крестьянъ, нуждающихся въ землѣ, исхода нѣтъ никакого, такъ какъ и переселиться-то изъ сельскаго общества на новое мѣсто никто изъ нихъ, безъ согласія на это мірского схода, не имѣетъ права.

То, что дѣятельность крестьянскаго банка не отвѣчала идеѣ и цѣлямъ, имѣвшимся въ виду при его основаніи, видно, напримѣръ, изъ того, что крестьянское землевладѣніе увеличилось болѣе другихъ какъ

разъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ размѣры надѣловъ и безъ того превышаютъ норму (Екатеринославская и другія южныя губерніи).

Крестьянскій банкъ, созданный съ цѣлью облегченія пріобрѣтенія крестьянами земли, до сего времени ограничивался лишь предоставленіемъ имъ земельной собственности въ неустроенномъ видѣ и притомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не отдѣльнымъ семьямъ землепашцевъ, а сельскимъ обществамъ и крестьянскимъ товариществамъ.

Такой образъ дѣйствій не удовлетворяетъ самымъ существеннымъ требованіямъ разселенія крестьянъ и надѣленія ихъ землею, страдая многими недочетами, къ числу которыхъ можно отнести слѣдующіе:

1) Общее пользованіе совладѣльцевъ купленной сельскими обществами или крестьянскими товариществами землею вызываетъ въ будущемъ тѣ же неудобства и затрудненія, которыя уже сказались и при общинномъ порядкѣ земельныхъ владѣній, а именно: неизбѣжность передѣловъ, измельчаніе полосъ, черезполосицу, истощеніе почвы и т. п.

2) Покупка земли сельскими обществами и крестьянскими товариществами создаетъ огромныя преимущества въ пользу крестьянъ зажиточныхъ, въ ущербъ крестьянамъ бѣднымъ и страдающимъ малоземельемъ; о тѣхъ изъ недостаточныхъ крестьянъ, которые не имѣютъ возможности справиться съ первыми же взносами, требующимися при такихъ покупкахъ, и говорить нечего; но не лучше положеніе и тѣхъ изъ нихъ, которые съ этой цѣлью напрягаютъ всѣ свои силы и нерѣдко для этого прибѣгаютъ къ обременительнымъ займамъ, или же продаютъ

скотъ и послѣднюю движимость; при дальнѣйшихъ взносахъ, въ случаѣ неисправности кого-либо изъ участниковъ въ такой покупкѣ, въ силу договора, обыкновенно заключаемаго крестьянами между собою, относительно круговой поруки предъ банкомъ, неисправный плательщикъ лишается своихъ правъ на землю и теряетъ всѣ деньги, какъ затраченныя имъ на это дѣло, такъ и внесенныя имъ въ банкъ. При такихъ условіяхъ, проданный сельскому обществу или крестьянскому товариществу участокъ земли, рано или поздно, долженъ оказаться въ рукахъ однихъ исправныхъ плательщиковъ, т.-е. деревенскихъ кулаковъ, а бѣдная часть крестьянскаго населенія осуждена на превращеніе въ сельскій пролетаріатъ.

3) Покупаемые сельскими обществами и крестьянскими товариществами земельные участки, въ большинствѣ случаевъ, оказываются у нихъ не подъ руками, а расположенными въ отдаленіи отъ усадебъ; удобреніе такихъ участковъ и вообще уходъ за ними оказывается поэтому весьма неудобнымъ и затруднительнымъ; хозяйственное же устройство такихъ земельныхъ участковъ, отдѣльными хуторами, почти совершенно не встрѣчается, въ виду того, что, затрачивая всѣ свои наличныя средства на покупку земли, крестьяне, безъ помощи банка, не имѣютъ возможности расходоваться еще, сверхъ того, на постройку жилого дома и холостыхъ строеній и на обзаведеніе инвентаремъ, необходимымъ для самостоятельнаго хозяйства.

4) Покупаемые сельскими обществами и крестьянскими товариществами земельные участки, оставаясь безъ ухода и безъ удобренія, мало способствуютъ

поднятію крестьянскаго хозяйства, а, кромѣ того, нерѣдко и сами теряютъ свою первоначальную цѣнность, превращаясь въ истощенныя, выбитыя, заросшія кустарникомъ и кочками неудобныя пространства; въ Сафоновской волости, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи, напримѣръ, крестьяне недавно добились того, что имъ уменьшили почти на 100 рублей земскіе сборы за пустошь, доставшуюся имъ лѣтъ 20 тому назадъ, на которой значились лѣса и луга, и которая нынѣ такъ выбита скотомъ и запущена, что почти вся превратилась въ неудобную землю.

5) Съ другой стороны, обезпеченіе Крестьянскаго банка земельными участками, покупаемыми сельскими обществами и крестьянскими товариществами въ виду плохого хозяйства крестьянъ и возможнаго превращенія удобныхъ земель въ неудобныя, оказывается далеко не прочнымъ; въ случаѣ неисправности покупателя, у него можетъ остаться на рукахъ обезцѣненный земельный участокъ, на который постороннихъ покупателей не найдется, между тѣмъ какъ долги-то на немъ будутъ не убавляться, а наростать.

Относительно второй мѣры, которая принималась, правительствомъ, въ виду облегченія крестьянскаго малоземелья, а именно,—переселенія на новыя мѣста,—скажемъ лишь нѣсколько словъ.

Едва ли стоитъ распространяться относительно тѣхъ затрудненій, которыя приходится переносить переселенцамъ, какъ въ отношеніи волокиты при исполненіи различныхъ формальностей для полученія разрѣшенія на переселеніе со стороны начальства и мірского схода, такъ и въ отношеніи разыски-

ванія на отдаленнѣйшихъ окраинахъ государства Россійскаго свободныхъ земель.

Всѣмъ извѣстно, что за бѣдствія, для крестьянской семьи, представляетъ собою переселеніе, и всякому понятно, что, стало-быть, ей уже становится не въ терпежъ жизнь дома, если она рѣшается на такой шагъ.

Если же къ этому прибавить, что значительный процентъ переселяющихся, претерпѣвъ всѣ мытарства и истративъ послѣдніе гроши, вырученные отъ продажи скота и домашняго скарба, возвращаются нищими на родину, то для всякаго будетъ понятно, что въ томъ видѣ, какъ эта мѣра примѣняется въ настоящее время, она не можетъ разсматриваться, какъ мѣра радикальная и серьезная, на которую можно было бы разсчитывать для исхода изъ переживаемаго аграрнаго кризиса.

По свѣдѣніямъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 18—26), всего по 50 губерніямъ Европейской Россіи за послѣднія 16 лѣтъ XIX столѣтія переселилось 1.207,653 души обоего пола, изъ которыхъ большая половина—за послѣднее пятилѣтіе, а именно 738,378 душъ обоего пола, составлявшихъ 116,126 дворовъ. А такъ какъ естественный приростъ въ 50 губерніяхъ за означенный 16-ти-лѣтній періодъ составлялъ 19.917,600 душъ обоего пола, за послѣднее пятилѣтіе—7.593,200 душъ, то за общій періодъ пропорція переселяющихся выражалась въ 6%, а за послѣднее пятилѣтіе—въ 9,7%, причемъ наивысшій %, по отдѣльнымъ годамъ, доходилъ до 12,8%.

Изъ означеннаго числа крестьянъ, переселившихся за послѣднее пятилѣтіе XIX столѣтія, обратно вселя-

лось въ Европейскую Россію 122,031 душъ обоего пола, составлявшихъ 20,981 дворовъ, т. е. около 17%, которыхъ слѣдуетъ признать за окончательно разорившихся.

Такимъ образомъ, переселеніе можетъ разсматриваться, какъ крайній исходъ, для бѣдствующихъ вслѣдствіе малоземелья крестьянъ, какъ временная исключительная мѣра, которая можетъ войти въ норму развѣ только въ отдаленномъ будущемъ, послѣ ближайшаго и всесторонняго изученія организаціи этого важнаго дѣла.

Изслѣдованія по этому вопросу должны быть оглашаемы во всеобщее свѣдѣніе, а канцелярская тайна, которою они до сихъ поръ остаются покрытыми, ведетъ только къ напраснымъ мученіямъ народа, къ безплоднымъ скитаніямъ въ поискахъ новыхъ мѣстъ и къ распространенію темныхъ слуховъ, вводящихъ крестьянъ въ заблужденіе.

Въ настоящее же время мы ограничиваемся изслѣдованіемъ возможности разселенія крестьянъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, и предполагаемъ, что для надѣленія крестьянъ землею ея хватитъ, не прибѣгая покуда къ такой экстраординарной во всѣхъ отношеніяхъ мѣрѣ, какъ переселеніе въ Сибирь, Закавказье и Туркестанъ.

III.

ЖЕЛАТЕЛЬНЫЯ ФОРМЫ НАДѢЛЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ЗЕМЛЕЮ.

Было бы совершенно несправедливо и противно истинѣ предполагать, что крестьяне требуютъ земли «даромъ».

Стремленіе самовольно захватить чужую землю, правда, проявляется въ крестьянской средѣ весьма нерѣдко; но это, въ глазахъ ихъ, такъ и есть,—«захватъ», т. е. удавшаяся попытка ловкаго мужика, или даже цѣлаго общества, завладѣть землею плохо берегущаго свои границы сосѣда.

Бываетъ также, что крестьянъ сбиваютъ съ толку и разные распространяющіеся слухи о томъ, что землю отъ помѣщиковъ отберутъ и отдадутъ имъ; но такія понятія бываютъ навѣяны крестьянамъ со стороны, и вѣрятъ они такимъ слухамъ съ трудомъ, только тогда, развѣ, когда ихъ увѣрятъ въ томъ, что «на это и царскій указъ вышелъ».

Подобное постороннее вліяніе играло большую роль и въ послѣднихъ аграрныхъ волненіяхъ, дошед-

шихъ до буйствъ и грабежей; поэтому-то на эти явленія и слѣдуетъ смотрѣть, какъ на исключительныя и выходящія—изъ обычныхъ крестьянскихъ нравовъ.

Въ общемъ же, большинство крестьянъ даровой раздачи земли не требуетъ, въ возможность ея не вѣритъ, а потому и не ждетъ.

Коллективизмъ и коммунизмъ къ нашему сельскому населенію покуда еще не прививается, да едва ли когда-нибудь и привьется, если наши крестьяне будутъ поставлены въ тѣ же нормальныя правовыя условія, по отношенію къ земельной и имущественной собственности, какъ это сдѣлано въ опередившихъ насъ въ отношеніи цивилизаціи государствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему во Франціи и другихъ государствахъ соціализмъ, съ такою быстротою распространяющійся среди городского и фабричнаго населенія, не имѣетъ ни малѣйшаго успѣха въ деревнѣ, среди сельскаго населенія?

Потому, что тамъ проповѣдники соціализма встрѣчаютъ дружный и сильный отпоръ въ лицѣ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которые всегда на нихъ будутъ смотрѣть, какъ на своихъ личныхъ враговъ.

Въ Россіи же, за полнымъ отсутствіемъ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, соціалистамъ для пропаганды среди сельскаго населенія представляется самый широкій просторъ; въ этомъ отношеніи нашему отечеству грозитъ величайшая опасность, которая только и можетъ быть устранена путемъ безотлагательнаго насажденія въ ней хуторнаго хозяйства и образованія частной крестьянской собственности земельной и, вообще, сельскохозяйственной.

Защитники общины, сами того не замѣчая, тянули за одну веревку съ коммунистами, которые отстаиваютъ существующую организацію уже, конечно, не въ виду сочувствія — патріархальнымъ началамъ, а единственно съ цѣлью помѣшать насажденію въ Россіи мелкой земельной собственности.

На самомъ же дѣлѣ, община для крестьянъ уже потеряла свое прежнее значеніе; она не въ состояніи прокормить въ настоящее время своихъ членовъ, а потому не можетъ долѣе, безъ поддержки со стороны, продолжать своего существованія; большинство нарождающихся членовъ ея рвется изъ нея вонъ, такъ какъ, взамѣнъ всѣхъ тягостей и обложеній, которыя имъ приходится нести по отношенію къ домохозяевамъ, заправиламъ общины, они не получаютъ никакой пользы; земельное обезпеченіе, которое имъ полагается со стороны общины, оказывается для нихъ совершенно призрачнымъ, какъ потому, что домохозяевами въ свою очередь приходится быть лишь весьма немногимъ, такъ, еще болѣе, и потому, что доля участія въ землевладѣніи каждаго изъ нихъ, по выкупѣ надѣловъ, представляется имъ чрезвычайно смутною, неуловимою.

Такимъ образомъ, слившееся въ одно общее требованіе крестьянами земли распадается на двѣ, существенно отличающіяся между собою, категоріи: а) требованіе земли домохозяевами, которые, въ качествѣ заправилъ общины, желали бы усилить ея земельный фондъ, для удержанія за собою вліянія и власти, по отношенію къ отбивающимся отъ ихъ рукъ младшимъ членамъ, и б) требованіе земли младшими членами общины, желающими выйти изъ своего подвласт-

наго домохозяевамъ положенія и сдѣлаться самимъ домохозяевами съ тѣмъ, чтобы также эксплоатировать въ свою пользу своихъ дѣтей и неотдѣленныхъ родственниковъ.

Гдѣ же тутъ стремленія къ коллективизму?

Напротивъ того, скорѣе же можно видѣть въ этомъ обстоятельствѣ стремленіе нашихъ крестьянъ къ кулачеству, которое въ дѣйствительности очень часто, и проявляется ими, какъ только для этого находится подходящій случай.

Но что же такое кулачество, какъ не стремленіе человѣка къ наживѣ, къ накопленію частной собственности во всѣхъ ея видахъ и, вообще, къ достатку и богатству.

То, что, при такомъ стремленіи крестьянъ къ накопленію личнаго достатка, они нерѣдко прибѣгаютъ къ такимъ предосудительнымъ способамъ и средствамъ, какъ вымогательство, притѣсненія и эксплоатація своихъ же нуждающихся собратьевъ, нисколько не умаляетъ значенія главнаго, интересующаго насъ факта, а именно того, что въ крестьянской средѣ, дѣйствительно, замѣчается стремленіе къ пріобрѣтенію въ вѣчное владѣніе земли и къ накопленію личнаго достатка.

Если бы такого стремленія не было, то не пришлось бы говорить и о способахъ, къ которымъ крестьяне прибѣгаютъ для удовлетворенія этого стремленія.

А между тѣмъ, фактъ налицо: кулачество въ крестьянской средѣ распространено въ весьма значительной степени: «не тотъ жидъ, кто еврей, а тотъ жидъ, кто жидъ», говоритъ народная поговорка про деревенскихъ ростовщиковъ, кулаковъ и міроѣдовъ.

Но какъ же помирить это явленіе, на ряду съ такими, приписываемыми русскимъ крестьянамъ свойствами, какъ безпечность, лѣность и пьянство, которыя, будто бы, и оказываются главными причинами ихъ обнищанія?

Очевидно, что подобные взгляды основаны на крупныхъ недоразумѣніяхъ, и что слѣдствія въ этомъ случаѣ смѣшиваются съ причинами.

Какъ уже сказано, русскіе крестьяне обнаруживаютъ безпечность и лѣность, предаваясь пьянству, только вслѣдствіе той убійственной обстановки, въ которую они поставлены; тою же обстановкою объясняются и тѣ предосудительные способы, къ которымъ они прибѣгаютъ для удовлетворенія своего стремленія къ пріобрѣтенію земельной собственности и личнаго имущества.

Все наше сельское населеніе рѣзко дѣлится на людей сильныхъ и слабыхъ, властвующихъ и подневольныхъ, эксплоататоровъ и эксплоатируемыхъ, пауковъ и мухъ.

Мудрено ли, поэтому, что, когда не существуетъ вовсе такого средняго, нормальнаго положенія, при которомъ крестьянинъ могъ бы удовлетворять свои стремленія къ земельной собственности и личному достатку, и когда ему надоѣстъ быть мухой, то онъ хватается за первый удобный случай, чтобы превратиться въ паука?

За примѣрами въ этомъ смыслѣ дѣло не станетъ: гнется, напримѣръ, мужикъ подъ властью старосты или волостного старшины, терпитъ отъ нихъ всякія притѣсненія и гоненія, молчитъ и покоряется, такъ же, какъ и прочіе; но вотъ, онъ самъ попалъ въ старо-

сты или старшины, и уже тогда самъ, въ свою очередь, начинаетъ тѣшиться надъ своими же собратьями.

То же самое бываетъ и по отношенію къ матеріальному положенію обывателей въ деревнѣ. Живетъ, напримѣръ, работникъ у богатаго мужика; на немъ, что называется, воду возятъ; не знаетъ онъ покоя, ни днемъ, ни ночью, но, вотъ, умираетъ хозяинъ-кулакъ, а работникъ женится на его вдовѣ, которой онъ давно уже приглянулся; и что же? работникъ самъ превращается въ деспота и міроѣда; скручиваетъ «въ бараній рогъ» не только семью покойнаго хозяина, но и всѣхъ односельчанъ, такъ что всѣмъ приходится отъ него еще хуже, чѣмъ отъ прежняго кулака.

Крестьяне находятъ такое превращеніе вполнѣ естественнымъ и логичнымъ, и хотя и считаютъ поведеніе кулаковъ и міроѣдовъ предосудительнымъ, но своихъ притѣснителей не преслѣдуютъ и мстятъ имъ только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Этимъ и объясняется, почему и міроѣдъ не боится народа и не только безнаказанно эксплоатируетъ его, но пользуется еще съ его стороны уваженіемъ и почетомъ. Всякій крестьянинъ, будь онъ только не дуракъ, такъ же поступилъ бы на его мѣстѣ, такъ какъ удовлетвореніе стремленія къ земельной собственности и къ накопленію личнаго достатка въ крестьянскомъ быту считается высшимъ благополучіемъ, и было бы нелѣпо отъ него отказываться только потому, что нормальныхъ и справедливыхъ способовъ къ его достиженію не существуетъ.

«Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ», гласитъ народная поговорка; но изъ-за

подобнаго положенія вещей нельзя же ожидать отъ крестьянъ такого самоотверженія, чтобы они отказались отъ удовлетворенія своихъ стремленій, и къ земельной собственности, и къ личному достатку, да, и вообще, къ благосостоянію.

Итакъ, если признать фактъ стремленія крестьянъ къ земельной собственности и къ накопленію личнаго достатка доказаннымъ, если признать, что въ происходящихъ, изъ-за требованія земли, аграрныхъ безпорядкахъ не замѣчается народнаго стремленія къ коммунизму и коллективизму, то на какихъ же условіяхъ, спрашивается, слѣдуетъ удовлетворять требованія крестьянъ и надѣлять ихъ землею?

Если спросить объ этомъ любого крестьянина, то онъ на это отвѣтитъ, что желаетъ получить землю «въ вѣчное и потомственное владѣніе».

А вѣчное и потомственное владѣніе можетъ проявляться только двумя способами: 1) путемъ права собственности и 2) путемъ вѣчно-наслѣдственной аренды.

На этихъ двухъ формахъ крестьянскаго землевладѣнія мы и остановимся при дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованіяхъ.

Пріобрѣтеніе крестьяниномъ земельнаго участка въ собственность, очевидно, можетъ быть осуществлено только путемъ покупки, и если только въ этомъ направленіи будутъ выработаны сносныя для сельскаго населенія условія, то нѣтъ сомнѣнія, что народъ встрѣтитъ такой исходъ съ восторгомъ.

Никакой благотворительности при этомъ не должно быть мѣста: Русскій народъ за все заплатитъ, лишь бы ему была дана возможность продуктивно трудиться.

Благотворительность же, наоборотъ, какъ это и показалъ горькій опытъ, въ дѣйствительности обходится народу гораздо дороже самыхъ тяжелыхъ банковскихъ условій и, кромѣ того, дѣйствуетъ на него деморализующимъ образомъ.

Нельзя же, напримѣръ, допустить, что для прочнаго устройства благосостоянія русской крестьянской семьи достаточно было бы только подарить ей землю, и что остальное сдѣлалось бы уже само собою; результатъ въ этомъ случаѣ могъ бы оказаться какъ разъ обратный, а именно: доставшееся безъ трудовъ и усилій богатство исчезнетъ такъ же легко и быстро, какъ оно появилось, и тогда положеніе крестьянина окажется значительно хуже, чѣмъ оно было ранѣе, такъ какъ, потерявши способность разсчитывать исключительно на свои собственныя силы и энергію, онъ уже не захочетъ и пробовать ихъ для того, чтобы выбиться изъ своего бѣдственнаго состоянія, а будетъ ждать новой подачки, плакаться на свою судьбу и требовать посторонней помощи.

Поэтому, приступая къ осуществленію идеи проведенія въ жизнь принципа крестьянской земельной собственности, правительство должно прежде всего отрѣшиться отъ смѣшенія этого нововведенія съ новымъ актомъ филантропіи, или благотворительности.

Акты благотворительности могутъ осуществляться на пожертвованія, а финансы нашего казначейства такъ истощены, что оно ни на какія новыя жертвы средствъ не имѣетъ.

Да и какія же это жертвы, въ пользу народа, разъ онѣ своимъ источникомъ имѣютъ все тотъ же народный карманъ?

Разумно проведенная аграрная реформа уже сама по себѣ будетъ для народа благодѣяніемъ, такъ какъ она освободитъ его отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій, съ которыми до сего времени связано стремленіе его къ земельной собственности и къ разселенію его по землѣ Русской; а главное, она избавитъ его отъ той опеки, которая тяготѣетъ надъ нимъ четыре съ половиною десятка лѣтъ, ограничивая проявленіе воли крестьянъ въ сферѣ землевладѣнія самою удивительною, совершенно исключительною регламентаціею, связанною съ мѣрами чисто-полицейскаго характера.

Землевладѣніе, на правахъ собственности, должно быть совершенно свободно, и въ этомъ заключается главнѣйшій залогъ успѣшнаго его насажденія.

Вотъ, какъ высказались по отношенію къ крестьянскимъ нуждамъ 37 членовъ губернскихъ комитетовъ второго приглашенія (изъ труда М. П. Кошкарова: «Правовая обособленность крестьянъ»):

«Для крестьянъ нужно полное освобожденіе, нужна полнота гражданскихъ правъ, отмѣна всякаго недобровольнаго прикрѣпленія и свобода перехода; необходима личная независимость, не связанная властью міра, условіями общиннаго владѣнія и круговой отвѣтственности; потребна совершенная свобода въ избраніи образа жизни и занятій».

Нельзя не согласиться съ этими мудрыми словами, въ которыхъ и заключаются главныя основы предстоящей реформы.

Кастовый характеръ, которымъ отличается у насъ земледѣліе и крестьяне съ ихъ общиною, міромъ и прикрѣпленіемъ къ землѣ всего грядущаго отъ дореформенныхъ временъ крестьянскаго потомства, уже

*

отжилъ свое время и долѣе уже никакими силами удержаться не можетъ.

Освобожденіемъ изъ этого замкнутаго, кастоваго, закрѣпощеннаго положенія нашихъ крестьянъ только и можетъ быть аграрная реформа, съ проведеніемъ въ жизнь землеустройства на новыхъ, свободныхъ началахъ и разселенія землепашцевъ на хуторахъ.

Только тогда, когда хутора эти будутъ предоставлены крестьянамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, т. е. вполнѣ будутъ отвѣчать народнымъ представленіямъ о желательной формѣ землевладѣнія, и можно будетъ разсчитывать на возрожденіе въ области земледѣлія и на подъемъ экономическаго уровня нашего сельскаго населенія.

Если же крестьяне будутъ продолжать коснѣть при существующемъ въ настоящее время ихъ соціальномъ строѣ, то, сколько бы имъ ни давали земли, они никогда не выйдутъ изъ своего состоянія нищеты и невѣжества. Покуда будетъ существовать гнетъ міра и закрѣпощеніе большинства работоспособнаго населенія небольшой кучкѣ домохозяевъ, крестьяне не будутъ въ состояніи усиливать продуктивность почвы и вновь полученную землю такъ же скоро выпашутъ, истощатъ и разорятъ, какъ и старые надѣлы.

Крестьянину, прежде всего, надо дать возможность кормиться самому и кормить свою семью. Не вспомоществованія и подарковъ проситъ онъ для этого, а куска земли, на которомъ онъ сталъ бы хозяиномъ, и которымъ онъ могъ бы свободно распоряжаться, по своему усмотрѣнію.

Для пріобрѣтенія земли, на этихъ условіяхъ, народъ готовъ на всякія жертвы.

Дѣйствительно, какъ ни тяжело крестьянамъ выплачивать за свои надѣлы выкупные платежи, но жалобъ на то, что за землю съ нихъ взяли цѣну слишкомъ высокую, не слышно; это въ характерѣ русскаго мужика: онъ покорно выплачиваетъ слѣдуемые съ него выкупные платежи, также какъ и всякіе повинности и налоги, разъ онъ считаетъ эти обложенія законными. А за подходящую землю, которую онъ могъ бы пріобрѣсти въ собственность, онъ готовъ заплатить, сколько угодно, не жалѣя себя даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого приходится соглашаться на самыя тяжкія, непосильныя условія. Крестьянскій банкъ въ этомъ отношеніи даетъ массу примѣровъ.

Такимъ образомъ, проведеніе въ жизнь принципа частной земельной собственности совершенно отвѣчаетъ народнымъ требованіямъ и представленіямъ. Принципъ земельной собственности долженъ быть немедленно же осуществленъ, во всей его полнотѣ, и тѣмъ скорѣе, что только онъ одинъ и можетъ оказаться достаточно могущественнымъ средствомъ, чтобы остановить охватившее сельское населеніе аграрное движеніе и обновить его надежды на возможность устроить себѣ въ будущемъ прочное и обезпеченное положеніе, основанное на трудѣ и сбереженіи собираемыхъ отъ этихъ трудовъ крохъ.

Сколько возлагалось надежды на спасеніе нашего народа, путемъ введенія улучшенныхъ способовъ земледѣлія, и сколько потрачено напрасныхъ усилій и средствъ на усовершенствованіе культуры крестьян-

ского хозяйства? И ни къ чему эти затраты и усилія не привели.

Одна агрономія русскаго земледѣлія не спасетъ.

Агрономія для нашихъ крестьянъ нужна пока еще въ весьма слабой степѣни, такъ какъ уровень знаній ихъ еще настолько низокъ, что обученіе имъ придется начать прямо съ азбуки; съ другой же стороны и средства, располагаемыя ими, настолько скудны, что дорогостоящія улучшенія и опыты для нихъ оказываются совершенно не по карману.

Агрономія начнетъ оказывать свое благотворное вліяніе на нашихъ землепащцевъ только тогда, когда они окажутся въ благопріятныхъ условіяхъ для воспринятія и усванванія наставленій и поученій и для приложенія ихъ къ жизни и практикѣ; при настоящей же своей обстановкѣ, крестьяне, какъ это доказалъ опытъ, не въ состояніи перенимать предлагаемыхъ имъ усовершенствованій культуры, и вмѣсто ея улучшенія, довели землю до полнаго истощенія.

Когда же крестьянинъ выдѣлится изъ общаго стада и сдѣлается полнымъ хозяиномъ своего земельнаго участка, то онъ немедленно сосредоточитъ всѣ свои заботы на поднятіи его продуктивности и самъ начнетъ добиваться знанія и опыта въ дѣлѣ усовершенствованія культуры; тогда наука для него не пропадетъ даромъ, и польза отъ нея быстро окажется на практикѣ.

Тогда откроется широкое поприще для образованія русскихъ пахарей, и результаты окажутся весьма быстро. Одно введеніе травосѣянія, котораго напрасно добиваются теперь съ такимъ трудомъ, и которое прививается теперь только въ очень немногихъ мѣ-

стахъ, разомъ измѣнитъ общую картину хозяйства и степень продуктивности почвы.

Вѣдь, пользу травосѣянія и теперь уже понимаетъ почти каждый крестьянинъ, и если онъ не примѣняетъ его, такъ только потому, что онъ живетъ въ общинѣ, какъ въ стадѣ, и долженъ поневолѣ бродить безъ толку, вмѣстѣ съ другими.

Изъ всей площади пахотной земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, засѣянной травами въ 1900 году было всего 5%, а между тѣмъ, подъ паромъ и залежами ихъ было еще, кромѣ того, 36% (Д. П. Семеновъ. Стр. 139); много ли же приходится засѣянныхъ травъ на долю крестьянъ, когда въ указанной пропорціи заключаются и частновладѣльческія имѣнія, въ которыхъ травосѣяніе большею частью введено, а также и владѣнія крестьянъ Царства Польскаго, культура которыхъ значительно выше русскихъ?

Разселеніе крестьянъ по хуторамъ, предоставленнымъ имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ другой стороны, является единственнымъ средствомъ для избѣжанія образованія сельскаго пролетаріата.

Въ общинѣ, гдѣ достатокъ не только не увеличивается, а уменьшается, по мѣрѣ увеличенія и обѣднѣнія населенія, крестьяне идутъ къ нищенству въ полномъ своемъ составѣ; безземельные и безлошадные крестьяне, составляющіе въ иныхъ мѣстахъ 20%, и нынѣ уже могутъ быть отнесены только къ разряду пролетаріата.

Крестьянскіе же хутора явятся наилучшею гарантіею противъ такого явленія; они окажутся источникомъ семейнаго благосостоянія, трудовымъ гнѣздомъ,

питомникомъ, изъ котораго, по мѣрѣ нарожденія и воспитанія новыхъ поколѣній, будутъ выдѣляться молодые отпрыски, новые люди, которымъ семья-матка поможетъ устраиваться на сторонѣ, въ области ли земледѣлія, торговли и промышленности, или даже въ какой-либо высшей средѣ, отвѣчающей способностямъ и стремленіямъ каждаго изъ младшихъ членовъ семьи.

Вотъ почему трудовое гнѣздо это съ государственной точки зрѣнія имѣетъ громадное значеніе, и вотъ, почему крестьянскіе хутора, — при полной свободѣ ихъ отчужденія и передачи по наслѣдству,—тѣмъ не менѣе должны быть всячески ограждены отъ раздѣла, расхищенія и т. п.

Поэтому-то, по мѣрѣ добровольнаго перехода крестьянъ къ хуторному или даже подворному владѣнію, обязательно должны быть выработаны правила относительно недѣлимости подворныхъ и хуторныхъ участковъ, а порядокъ наслѣдованія долженъ быть установленъ на основаніи правилъ о маіоратахъ и миноратахъ, или же, вообще, на основаніи предоставленія хозяйства одному изъ сыновей, по выбору родителей, съ обязательствомъ для него выплачивать братьямъ извѣстную сумму и помогать имъ встать самостоятельно на ноги; во многихъ мѣстностяхъ и русскіе крестьяне имѣютъ обыкновеніе оставлять свое хозяйство одному изъ своихъ сыновей, выдѣляя остальныхъ при своей жизни, а потому, съ полнымъ вѣроятіемъ, можно разсчитывать на то, что такой порядокъ наслѣдованія привьется весьма легко.

Хутора же, въ случаѣ удачи, представятъ собою разсадникъ, который создастъ самый прочный и же-

лательный образецъ русской крестьянской семьи; изъ такихъ гнѣздъ будутъ выходить мощные сыны, привязанные къ землѣ и собственности, и притомъ съ молоду изучившіе хозяйство; при томъ достаткѣ, который долженъ окружать такія крестьянскія семьи, каждая изъ нихъ окажется въ состояніи выдѣлять отъ себя тѣхъ изъ сыновей, которымъ дома дѣла не будетъ, и, при ихъ желаніи заниматься земледѣліемъ, дать имъ для устройства хозяйства на новомъ хуторѣ скотъ и хозяйственный инвентарь; при распространеніи этой системы крестьянскаго хозяйства, дѣло можетъ развиваться успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ на это можно разсчитывать при его начинаніи, такъ какъ труденъ только первый опытъ, а благой примѣръ всегда найдетъ себѣ многочисленныхъ подражателей; въ случаѣ удачи, система эта дастъ возможность болѣе равномѣрно разселить крестьянскія семьи на необозримыхъ пространствахъ земли Русской и создать въ самой крестьянской средѣ живое доказательство того, насколько трудъ и бережливость, дѣйствительно, вознаграждаются, а праздность и безпорядочность ведутъ къ разоренію.

Другой мѣры, для созданія уваженія къ частной собственности, по отношенію къ крестьянамъ, не существуетъ и придумано быть не можетъ.

Весьма поучителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Франціи, гдѣ, благодаря насажденію мелкой земельной собственности, земледѣліе стоитъ на несравненно болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи или Америкѣ, и гдѣ земледѣльческій классъ представляетъ собою главнѣйшій оплотъ соціальнаго устройства всего государства; когда, какъ во Фран-

ціи, землепашецъ самъ потребляетъ большую часть добываемыхъ имъ отъ земли продуктовъ, земледѣліе не подвергается тому риску отъ колебанія рыночныхъ цѣнъ, которому подвержены сельско-хозяйственныя предпріятія, поставленныя на коммерческую ногу. Достаточно сказать, что во Франціи двѣ трети территоріи заняты крестьянскою собственностью, и для всякаго ясно будетъ, какая громадная народная сила обезпечиваетъ успѣхи земледѣлія этого государства въ будущемъ.

А что же мы видимъ у насъ, въ Россіи, въ странѣ, все благополучіе и счастье которой должно быть построено исключительно на земледѣліи?

Крестьянской мелкой земельной собственности почти совершенно нѣтъ; вообще же крестьянскія землевладѣнія, въ большинствѣ случаевъ на общинныхъ началахъ, занимаютъ только одну треть Русской территоріи (49 губерній Европейской Россіи). Большая же часть земель принадлежитъ государству (38,5%) и крупнымъ землевладѣльцамъ. Ненормальность такого положенія бросается въ глаза.

Крестьянское хуторное хозяйство, на правахъ полной собственности или вѣчно-наслѣдственной аренды, вотъ единственныя мѣры, могущія вызвать въ средѣ сельскаго населенія нравственный подъемъ духа и стремленіе къ улучшенію своего благосостоянія путемъ труда и сбереженій.

Что касается значенія вѣчно-наслѣдственной аренды для разселенія крестьянъ, то вопросу этому будетъ посвящена отдѣльная глава; здѣсь же скажемъ только, что вѣчно наслѣдственная аренда представляетъ собою единственную форму землевладѣнія, которая,

на ряду съ владѣніемъ на правахъ полной собственности, можетъ дать самые благотворные результаты; хлѣбопашецъ, владѣющій земельными участками на правахъ вѣчно-наслѣдственной аренды, точно также можетъ быть вполнѣ обезпеченъ въ томъ, что всѣ затрачиваемые имъ на устройство и улучшеніе хозяйства труды и средства останутся его личною собственностью. Такимъ образомъ, и эта форма землевладѣнія вполнѣ отвѣчаетъ главнымъ, основнымъ условіямъ, необходимымъ для успѣшнаго развитія культуры и для приложенія къ хозяйству всѣхъ силъ и энергіи землепашца, съ цѣлью накопленія имущественнаго достатка.

Очевидно, что Россія въ настоящее время переживаетъ острый аграрный кризисъ, изъ котораго необходимо найти немедленный и вѣрный исходъ; отъ этого исхода зависитъ вся дальнѣйшая будущность русскаго народа, такъ какъ въ связи съ разрѣшеніемъ переживаемаго аграрнаго кризиса стоятъ вопросы, не только земельные и экономическіе вообще, но и вопросъ полнаго преобразованія существующаго нынѣ соціальнаго строя крестьянъ, вопросъ о ихъ разселеніи на новыя мѣста, вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ общины, о раздѣлѣ членовъ ея между собою и т. п.

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ настоящую минуту тѣмъ болѣе трудно, что рѣшать ихъ приходится спѣшно, сейчасъ же, при приподнятомъ настроеніи умовъ и аграрныхъ волненіяхъ; трудность увеличивается еще и тѣмъ, что давать землю приходится разомъ, не только вновь нарождающемуся въ сельскихъ общинахъ крестьянскому потомству, но и всему тому,

которое уже образовалось послѣ распредѣленія земли въ 1861 году.

Теперь, какъ разъ, наступилъ моментъ, которымъ необходимо воспользоваться для удовлетворенія стремленій крестьянъ къ земельной собственности, и провести этотъ вопросъ въ жизнь.

Только этимъ и можно успокоить аграрныя волненія и прекратить производимые крестьянами насилія и грабежи.

Урезонивать волнующуюся толпу одними словами—дѣло трудное. Легче было это дѣлать ранѣе, когда крестьяне спокойно ждали обѣщаннаго исхода, не выходя еще изъ терпѣнія. Время упущено. Не помогутъ уже и мѣры строгости. Нужна немедленно радикальная реформа крестьянскаго землеустройства, такъ какъ иначе аграрныя волненія перейдутъ въ стихійное движеніе, котораго не остановить уже ничѣмъ.

Дольше откладывать рѣшеніе этого жгучаго вопроса невозможно, и онъ долженъ быть поставленъ на первую же очередь, такъ какъ отъ него всецѣло зависятъ дальнѣйшая судьба Россіи. Обнищаніе крестьянъ финансовыя затрудненія, рабочій вопросъ, народное представительство,—всѣ эти задачи останутся безъ почвы для своего разрѣшенія, если народъ опять останется безъ земли.

IV.

ПРИНЦИПЪ НАДѢЛЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ЗЕМЛЕЮ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ЧАСТНЫМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕМЪ.

Всякая аграрная реформа, съ точки зрѣнія государственной, должна имѣть въ виду совокупность интересовъ всѣхъ сельскихъ обывателей, безъ всякаго различія.

Проводя въ жизнь принципъ мелкой земельной собственности, какъ наиболѣе подходящую форму для развитія благосостоянія крестьянъ съ одной стороны, реформа эта, съ другой,—отнюдь не должна упускать изъ виду и того обстоятельства, что для правильнаго и успѣшнаго развитія сельско-хозяйственной промышленности, съ государственной точки зрѣнія, да и для пользы развитія самихъ крестьянскихъ хозяйствъ, необходимо, чтобы, на ряду съ крестьянскимъ землевладѣніемъ, на твердыхъ же основаніяхъ упрочилось также и землевладѣніе интеллигентныхъ классовъ общества; едва ли можно отрицать, что примѣры хозяйствъ интеллигентныхъ землевладѣльцевъ настоятельно необходимы для практическаго, нагляднаго просвѣщенія землепашцевъ.

Но, какъ это было сказано, мелкой крестьянской собственности въ Россіи почти совершенно не существуетъ; весьма мало развито въ ней и среднее землевладѣніе.

До сихъ поръ русское землевладѣніе состоитъ, съ одной стороны, изъ громадныхъ ненаселенныхъ и невоздѣланныхъ, въ большей ихъ части, помѣстій, границы которыхъ иной разъ едва извѣстны самимъ ихъ владѣльцамъ, а съ другой,—изъ тѣсныхъ крестьянскихъ общинныхъ надѣловъ, вытоптанныхъ и истощенныхъ скученнымъ въ немъ крестьянскимъ населеніемъ.

Обстоятельство это доказываетъ, что землевладѣніе въ Россіи до сихъ поръ еще не вполнѣ освободилось отъ того сословнаго характера, которымъ оно отличалось въ дореформенное время.

Въ сравнительно еще недавнее время всѣ земли находились въ рукахъ государства, удѣловъ и крестьянскихъ обществъ, и только одно привилегированное сословіе,—дворяне,—имѣло право владѣть населенными землями; тогда одни дворяне и сосредоточивали въ своихъ рукахъ двѣ пятыхъ Россійской территоріи, представляющей собою площадь частновладѣльческихъ земель.

Но, послѣ освобожденія крестьянъ, мобилизація крупныхъ землевладѣній начала принимать значительные размѣры, и распредѣленіе частновладѣльческихъ земель между сословіями, хотя медленно, но неуклонно идетъ по пути къ весьма важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, измѣненіямъ, главнымъ образомъ насчетъ дворянскаго землевладѣнія.

Дворянское землевладѣніе повсемѣстно и непрерывно уменьшалось, теряя ежегодно около милліона

десятинъ; этого процесса не остановилъ и Дворянскій банкъ, между тѣмъ какъ въ этомъ-то именно и состояло его назначеніе.

Въ результатѣ, мобилизація частновладѣльческихъ земель привела къ сокращенію дворянскаго землевладѣнія, но съ весьма слабымъ при этомъ развитіемъ крестьянскаго землевладѣнія и съ весьма значительнымъ расширеніемъ землевладѣнія лицъ новой категоріи, происходящихъ изъ торговыхъ классовъ, или же изъ разбогатѣвшихъ крестьянъ, ничего общаго съ коренными землепашцами уже не имѣющихъ.

Собственно говоря, крестьянскія общины пользуются уходящими изъ рукъ дворянъ землями сравнительно мало, а главными покупателями ихъ являются крестьянскія товарищества, состоящія изъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ; затѣмъ—наиболѣе крупными покупателями на уходящія изъ дворянскихъ рукъ земли являются купцы.

Всей частновладѣльческой земли по 50 губерніямъ Европейской Россіи 1900 г. насчитывалось 102.028,000 десятинъ.

Распредѣлялось же частное землевладѣніе слѣдующимъ образомъ (Д. П. Семеновъ, стр. 132):

	Пропорціи по количеству земель.	Размѣры владѣній въ среднемъ.	Число владѣльц.
1) Дворяне . . .	79,8%	630 дес.	114,716
2) Купцы . . .	10,7	720 »	12,630
3) Мѣщане . . .	2,1	32 »	58,004
4) Крестьяне . .	5,5	18 »	273,007
5) Остальныя сословія	1,9	75 »	22,934
	100		

Изъ этой таблицы видно, что послѣ дворянъ первое мѣсто по количеству частновладѣльческой земли занимаютъ купцы; что если они и уступаютъ дворянамъ въ числѣ владѣльцевъ, то по обширности своихъ владѣній, въ среднемъ, они ихъ уже превосходятъ; что такимъ образомъ лятифундіи находятся въ рукахъ далеко не однихъ дворянъ, а и купцовъ, которые въ общемъ представляютъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, чѣмъ дворяне, хотя послѣдніе, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и владѣютъ наиболѣе обширными пространствами.

Такой значительный и постоянно возрастающій процентъ купеческаго землевладѣнія, въ смыслѣ аграрномъ, представляется болѣе угрожающимъ, чѣмъ землевладѣніе дворянское; купцы, обладая значительными капиталами, скупаютъ крупныя помѣстья, отнюдь не преслѣдуя сельско-хозяйственныя цѣли, а въ большинствѣ случаевъ руководствуются цѣлями спекулятивнаго характера; въ лучшихъ случаяхъ купцы запускаютъ свои имѣнія подъ лѣсъ, или берегутъ ихъ, не заводя хозяйства, въ расчетахъ на подъемъ цѣнъ на землю, а чаще всего, прежде чѣмъ запустить имѣніе, въ немъ вырубается все наличное имѣющее цѣнность насажденіе, не исключая парковъ, садовъ и обсаженныхъ крупными деревьями дорогъ, послѣ чего деньгами, вырученными отъ продажи этихъ насажденій, покрывается уплаченная за купленное имѣніе сумма, и оно достается даромъ.

Съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства, такое явленіе оказывается совершенно нежелательнымъ.

По отношенію же къ нуждѣ крестьянъ въ землѣ, переходъ крупныхъ землевладѣній въ руки такого со-

словія, которое само не эксплуатируетъ землю и другимъ не даетъ ею пользоваться, представляется прямотаки опаснымъ; если бы скупка земель въ руки купцовъ приняла широкіе размѣры, что, въ виду разоренія дворянъ и обнищанія крестьянъ, весьма возможно, что вмѣсто выгодной покупки дворянскихъ земель, заложенныхъ въ банкахъ, пришлось бы пріобрѣтать ихъ отъ богатыхъ землевладѣльцевъ, по дорогимъ цѣнамъ, и тѣмъ непосильно обременять въ ихъ пользу крестьянъ.

Изъ юридическихъ лицъ, являющихся крупными землевладѣльцами, слѣдуетъ отмѣтить:

1) Войсковыя казачьи земли (въ губерніяхъ Астраханской, Оренбургской);

2) Земли иностранныхъ монастырей, которыхъ не мало въ Бессарабской области;

и 3) Городскія и посадскія (около двухъ милліоновъ десятинъ).

Что же касается остальныхъ владѣльцевъ, мѣщанъ, крестьянъ, духовенства (земли при сельскихъ церквахъ) и проч., то, при всей ихъ кажущейся многочисленности, всѣ они ютятся по едва замѣтнымъ уголкамъ, въ общемъ занимающимъ ничтожную площадь.

Разъ землевладѣніе не представляетъ уже исключительной монополіи дворянства, а свободно предоставляется не только русскимъ, но и иностранцамъ, безъ различья ихъ состояній (за исключеніемъ ограниченій временно-политическаго характера), то различіе категорій землевладѣнія по сословіямъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго значенія.

Дѣло не въ томъ, насколько отдѣльные крестьяне-богачи сдѣлались крупными землевладѣльцами, сѣвши

на мѣста помѣщиковъ-дворянъ, а въ томъ, насколько въ Россіи развита средняя и мелкая земельная собственность, сравнительно съ крупнымъ землевладѣніемъ.

Сословное дѣленіе землевладѣнія допустимо еще въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ почти вся территорія распредѣляется между дворянами (44%) и крестьянами (42%), и только самая незначительная часть принадлежитъ государству (6,3%) и прочимъ сословіямъ. Тамъ такое дѣленіе землевладѣнія на двѣ категоріи, дворянскую и крестьянскую, понятно.

Въ Россіи же, взамѣнъ ничего уже не выражающаго раздѣленія землевладѣній на дворянскія и крестьянскія, слѣдуетъ установить категоріи землевладѣнія крупнаго, средняго, мелкаго и крестьянскихъ хуторовъ, причемъ къ послѣднимъ должны быть отнесены хозяйственные участки, обрабатываемые самими землепашцами собственноручно.

Только такія свѣдѣнія и могутъ дать ясное понятіе объ аграрномъ устройствѣ того или другого государства.

Частное землевладѣніе въ Европейской Россіи по 49 губерніямъ (кромѣ Финляндіи, Донской Области, Царства Польскаго и Кавказа), распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1) Крупное (болѣе 1.000 десятинъ) 70,6% всей площади—3,3% всѣхъ владѣльцевъ.

2) Среднее (отъ 100 до 1.000 десятинъ) 22,6% всей площади—12,6% всѣхъ владѣльцевъ.

3) Мелкое (до 100 десятинъ) 6,8% всей площади—84,1% всѣхъ владѣльцевъ.

Такимъ образомъ 84,1% всѣхъ собственниковъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи менѣе 7% всей пло-

щади частнаго землевладѣнія, и 3,3% собственниковъ владѣютъ свыше 70% всей этой площади. Такая неравномѣрность распредѣленія частнаго землевладѣнія должна быть признана въ аграрномъ отношеніи крайне ненормальною и во всѣхъ отношеніяхъ вредной.

Насколько, вообще, частная земельная собственность въ Россіи мало развита, видно уже изъ того, что есть цѣлыя губерніи, какъ, напримѣръ, Архангельская и Вятская, гдѣ ея почти не существуетъ вовсе, а всѣ земли распредѣлены между крестьянами и государствомъ.

Необозримыя ненаселенныя пространства крупныхъ землевладѣльцевъ, на ряду съ общиннымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, при почти полномъ отсутствіи мелкой и средней земельной собственности,—вотъ какую картину представляетъ Россія въ аграрномъ отношеніи.

Крупные землевладѣльцы, не обладающіе достаточными капиталами для веденія сельско-хозяйственныхъ предпріятій въ большихъ размѣрахъ, разоряются. За невозможностью избавиться отъ части своихъ землевладѣній и за отсутствіемъ въ продажѣ небольшихъ и недорогихъ имѣній, которыя оказались бы имъ по силамъ, они не въ состояніи удержаться въ деревнѣ и исчезаютъ. Крестьяне же, не только не имѣютъ въ перспективѣ возможности, путемъ труда и сбереженій, подняться до положенія землевладѣльцевъ средняго достатка, но до сихъ поръ не имѣютъ и какой нибудь земельной собственности, въ круглой межѣ. И въ то же время купцы скупаютъ земли съ цѣлями чисто спекулятивнаго характера.

Нормаленъ ли такой порядокъ землевладѣнія съ точки зрѣнія обще-государственной, аграрной?

*

Безъ сомнѣнія, нѣтъ.

Для обще-государственнаго организма, и крупное, и среднее, и мелкое землевладѣніе—одинаково необходимы и имѣютъ право на существованіе; поддерживать каждый изъ этихъ родовъ землевладѣнія слѣдуетъ, не только съ точки зрѣнія юридической и правовой, но и съ точки зрѣнія чисто экономической, хозяйственной. На это такъ смотрятъ всѣ цивилизованныя государства, и Россія въ этомъ отношеніи представляетъ собою изумительное исключеніе.

Въ самомъ дѣлѣ: въ то время, какъ для землепашца, собственноручно воздѣлывающаго свою ниву, доступны только рутинные пріемы хозяйства, унаслѣдованные имъ отъ отцовъ и дѣдовъ, для крупнаго землевладѣльца, хозяйство котораго ведется въ образѣ промышленнаго предпріятія, доступны такіе усовершенствованные способы культуры и такіе дорогіе опыты въ области агрономіи, которые для крестьянина оказываются совершенно не по силамъ, ни въ отношеніи его образованія, ни, тѣмъ болѣе, въ отношеніи его матеріальныхъ средствъ; для успѣховъ же сельскаго хозяйства весьма важно, чтобы такіе усовершенствованные пріемы культуры и дорогіе опыты кѣмъ-нибудь да проводились въ жизнь;—иначе въ области земледѣлія наступитъ полный застой.

Пусть же богачи устраиваютъ себѣ грандіозныя, рискованныя предпріятія, примѣняя къ ихъ устройству машины и приспособленія, представляющія собою послѣднее слово науки. Имъ и книги въ руки. Бѣднякъ воспользуется немногимъ изъ такихъ примѣровъ и опытовъ, которые на дѣлѣ окажутся полезными, а въ неудачахъ и убыткахъ отъ нихъ онъ никакого

участія не приметъ. Въ этомъ отношеніи, крупный землевладѣлецъ, если только онъ не дѣйствуетъ во вредъ мелкому землевладѣнію, не давитъ и не поглощаетъ его, скупая мелкіе хозяйственные участки, разоряющіеся подъ его давленіемъ, приноситъ существенную пользу. Въ такомъ направленіи и должны быть выработаны соотвѣтственные аграрные законы.

Но на ряду съ крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ также необходимо и среднее землевладѣніе: оно должно представлять собою среднюю, переходную ступень между тѣмъ и другимъ; до нея можетъ подняться и мелкій хозяинъ; до нея можетъ спуститься и хозяинъ крупный. Разоряется, напримѣръ, крупный землевладѣлецъ и оказывается не въ состояніи справиться съ своимъ помѣстьемъ въ тысячу или болѣе десятинъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ средняго землевладѣнія, какъ у насъ въ Россіи, имѣніе его продается съ молотка, а самъ онъ исчезаетъ въ общей пучинѣ городской житейской суеты; а между тѣмъ такой человѣкъ, если онъ образованный, знающій деревню, любящій ее и съ горемъ съ нею разстающійся, для деревни очень нуженъ; при существованіи же средняго землевладѣнія, такой человѣкъ, вмѣсто того, чтобы переѣзжать въ городъ, могъ бы на остатки своихъ средствъ устроиться въ деревнѣ же, въ небольшомъ, сравнительно, имѣніи, гдѣ и прожить свой вѣкъ, если не роскошно, то, во всякомъ случаѣ, въ довольствѣ. Удержаніе образованныхъ землевладѣльцевъ въ деревнѣ принесло бы существенную пользу и окружающему ихъ сельскому населенію.

А вотъ и другой примѣръ: представимъ себѣ, что мелкій землевладѣлецъ, крестьянинъ-собственникъ, путемъ труда и сбереженій, скопилъ себѣ кое-какой до-

статокъ; затѣмъ поблагопріятствовало ему еще какое-нибудь удачное обстоятельство, въ родѣ женитьбы, напримѣръ, сына на дочери зажиточнаго сосѣда; и, вотъ, онъ желаетъ устроить сына на участкѣ бо́льшихъ размѣровъ, такъ какъ средства сына уже позволяютъ ему завести и больше хозяйственнаго инвентаря; весьма важно, конечно, чтобы такой коренной землепашецъ имѣлъ возможность осуществить свое вполнѣ законное желаніе и, вмѣсто того, чтобы бросать землю и съ деньгами переселиться въ городъ, онъ продолжалъ бы приносить пользу и себѣ и дѣлу въ деревнѣ.

Такимъ образомъ, среднее землевладѣніе должно быть спасительнымъ пристанищемъ для тѣхъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые не въ состояніи справиться съ большимъ дѣломъ, съ одной стороны; а съ другой,—оно явится тою конечною, идеальною цѣлью, къ которой будетъ стремиться всякій энергичный землепашецъ; возможность достигнуть этой цѣли и будетъ тѣмъ желательнымъ рычагомъ, для возбужденія силъ и энергіи труженика-пахаря, благодаря которому онъ впереди увидитъ открытую дверь къ своему возвышенію, а не будетъ навѣки обреченъ оставаться рабомъ земли.

Русское сельское населеніе, при замкнутости своего положенія и обособленности его по отношенію къ цивилизованнымъ классамъ общества, да, кромѣ того, при его бѣдности и полной невѣжественности, не въ состояніи однѣми собственными силами создать новыя условія для достиженія желаемаго направленія для улучшенія экономическихъ условій своей жизни.

Помочь крестьянину въ этомъ трудно́мъ дѣлѣ, указать ему своимъ примѣромъ направленіе для выхода изъ

этого тяжелаго положенія и облегчить ему возможность выполненія этой непосильной для него задачи путемъ взаимныхъ сосѣдскихъ услугъ,—вотъ великая заслуга, являющаяся истиннымъ назначеніемъ русскаго интеллигентнаго землевладѣльца средняго достатка, который, несомнѣнно, будетъ ближе стоять къ дѣлу, чѣмъ крупный.

Образованные люди средняго достатка, занявшись сельскимъ хозяйствомъ, станутъ ближе къ народу, начнутъ понимать его нужды и явятся прочнымъ звеномъ, соединяющимъ сельское населеніе съ остальными классами общества. Насколько такое общеніе крестьянъ съ другими классами общества необходимо, распространяться не приходится; обособленность и кастовое землеустройство крестьянъ привели къ тому, что они на образованныхъ людей перестали уже смотрѣть, какъ на русскихъ, и «народомъ» называютъ только себя, мужиковъ. Во многомъ виноваты въ этомъ отношеніи, конечно, и сами образованные люди, плохо знающіе наше сельское населеніе; но разъ у нихъ не было съ крестьянами общаго дѣла,—общихъ интересовъ и, вообще, общихъ точекъ соприкосновенія, то явленіе это вполнѣ понятное: иного и ждать было невозможно.

Какое же значеніе можетъ имѣть интеллигенція, если она не будетъ связана съ остальными классами общества опредѣленными, характерными, общепонятными и общепризнанными условіями? Не могутъ же образованные люди стоять отдѣльно отъ всего остальнаго народа, не представляя съ нимъ одного цѣлаго?

Нѣтъ, народъ одинъ, и единство его не можетъ и не должно нарушаться розньо сословій, потерявшихъ

цѣль своего назначенія и сохранившихъ только свое названіе, не имѣющее уже при такихъ условіяхъ смысла.

Какъ ни велика и опасна для будущаго установившаяся между крестьянами и землевладѣльцами глубокая рознь, однакоже, необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что она имѣетъ характеръ чисто экономическій и никакихъ затаенныхъ враждебныхъ чувствъ сословныхъ не останется, какъ только аграрно-экономическія затрудненія получатъ должное разрѣшеніе, и сословныя привилегіи на землевладѣніе окончательно исчезнутъ; для этого нужно только, чтобы исчезла рознь между крупными и мелкими землевладѣльцами, и чтобы и тѣ и другіе, смотря по обстоятельствамъ, одинаково могли превращаться въ землевладѣльцевъ средней руки и занять совершенно одинаковое соціальное положеніе.

Несомнѣнно, что многіе изъ крупныхъ землевладѣльцевъ желали бы имѣть возможность совершенно освободиться отъ банковскаго долга и изъ крупныхъ помѣщиковъ превратиться въ землевладѣльцевъ средней руки, но съ имѣньемъ «чистенькимъ», сохранивъ свою усадьбу, поля и часть угодій. Для этого стоитъ только продать двѣ трети или три четверти всей площади, занимаемой имѣніемъ, по нормальной оцѣнкѣ; а такъ какъ ссуды подъ имѣнія какъ разъ колеблются между этими пропорціями, то оно такъ и выйдетъ. Лучше имѣть 300 десятинъ, незаложенныхъ и приносящихъ доходъ, чѣмъ 900 десятинъ заложенныхъ, изъ которыхъ большая часть бездоходныхъ. Съ этимъ согласится всякій.

Вотъ въ чемъ и должно правительство придти на помощь крупнымъ землевладѣльцамъ, скупая такія имѣнія по частямъ.

Такая мѣра облегчитъ положеніе многихъ землевладѣльцевъ и будетъ вполнѣ отвѣчать общему направленію аграрной реформы и ея цѣлямъ: 1) полученію правительствомъ въ свое распоряженіе запаса земли, для распредѣленія ея между нуждающимися въ ней крестьянами, и 2) образованію землевладѣній средняго размѣра, съ сохраненіемъ усадебъ и устроенныхъ хозяйствъ, имѣя въ виду, что такія небольшія имѣнія будутъ болѣе доступны для интеллигентныхъ классовъ общества средняго достатка, чѣмъ существующія теперь огромныя помѣстья. Послѣднее обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ большинство образованныхъ лицъ не представляетъ собою капиталистовъ и обладаетъ скромными средствами, а между тѣмъ привлеченіе ихъ къ живой дѣятельности въ области земледѣлія въ высшей степени желательно и необходимо.

Очевидно, что для проведенія въ жизнь такого грандіознаго государственнаго проэкта, какъ реформа русскаго землеустройства, необходимо основаніе такого государственнаго кредитнаго учрежденія, которое по своимъ функціямъ могло бы разрѣшать всѣ вопросы, связанные съ условіями насажденія мелкой земельной собственности, разселенія крестьянъ на хутора, устройства хозяйственныхъ участковъ на скупаемыхъ для этой цѣли земляхъ, или на тѣхъ, которыя будутъ отданы въ пользованіе землепашцамъ на основаніи контрактовъ вѣчно-наслѣдственной аренды.

Для проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ вопросовъ нужны средства, нуженъ крупный кредитъ.

Само собою разумѣется, что кредитъ этотъ долженъ быть вещный, основанный исключительно на общемъ для всѣхъ закладномъ правѣ, безъ всякихъ спеціальныхъ для недоимщиковъ льготъ, всегда связанныхъ съ такими ограниченіями и стѣсненіями, что льготы эти обходятся населенію дороже всякихъ ростовщическихъ условій.

Положимъ, что такое учрежденіе будетъ носить названіе Обще-Имперскаго Земельнаго Банка.

Какъ создать такой банкъ, на средства ли чисто русскія, или же привлечь къ этому дѣлу и иностранные капиталы,—это вопросъ особый, и разсмотрѣніе его отвлекло бы насъ отъ нашей спеціальной задачи, выясненія необходимости проведенія въ жизнь средней и крестьянской мелкой земельной собственности, въ связи съ надѣленіемъ крестьянъ землею на основаніяхъ вѣчнаго и потомственнаго владѣнія.

Для насъ важно знать, что учрежденіе такого банка крайне необходимо, и что онъ, какъ учрежденіе обще-государственное, не долженъ ограничиваться одними крестьянскими или дворянскими интересами, а долженъ преслѣдовать общія цѣли удовлетворенія народнаго стремленія къ сельскому хозяйству и къ земельной собственности.

Прежде всего, при учрежденіи такого банка, необходимо, чтобы были выработаны правила, устраняющія всякую возможность спекуляцій землями, за счетъ крестьянъ, какъ это оказалось на дѣлѣ при развитіи дѣятельности крестьянскаго банка.

Несомнѣнно, что всякая регламентація со стороны правительства въ экономическихъ сферахъ представляетъ огромную опасность, нарушая естественныя

условія обмѣна, устанавливаемыя въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ причинъ, вызывающихъ колебанія въ спросѣ и предложеніи.

Однако же тамъ, гдѣ дѣло касается предметовъ первой необходимости, и гдѣ спекулятивное направленіе и подъемъ цѣнъ на такіе предметы принимаютъ опасный характеръ, обрекая трудящіеся классы на несеніе непосильной тяготы въ пользу небольшой, сравнительно, группы аферистовъ, тамъ вмѣшательство правительства необходимо, и игра на подъемъ цѣнъ на такіе предметы должна быть прекращена.

Къ разряду такихъ предметовъ первой необходимости должна быть отнесена, конечно, и земля, подъемъ цѣнъ на которую, за послѣдніе полтора десятка лѣтъ, едва ли можно признать за нормальный, между тѣмъ какъ онъ всею тяжестью и главнымъ образомъ ложится на нашихъ землепашцевъ, которые, благодаря этому обстоятельству, надолго обречены выплачивать непосильныя для нихъ суммы за купленныя ими по дорогимъ цѣнамъ земли.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же оправдывается такой поразительный подъемъ цѣны за послѣднее время? Цѣны на земли въ иныхъ мѣстахъ возросли вдвое и втрое, несмотря на то, что условія мѣстности остались все тѣ же: нѣтъ ни руды, которая открылась бы въ нѣдрахъ такихъ земель, ни желѣзной дороги, которая повліяла бы на оживленіе мѣстности.

А что такой подъемъ цѣнъ на земли не оправдывается ни рыночными цѣнами на земледѣльческіе продукты, ни, вообще, доходностью отъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, объ этомъ едва ли стоитъ распространяться.

*

Очевидно, что единственною почти причиною такого быстраго и несоразмѣрнаго подъема цѣнъ на земли является та горячность, съ которою крестьяне устремились покупать земли чрезъ крестьянскій банкъ, причемъ цѣны на нихъ нерѣдко набивались чрезмѣрно, лишь бы только земли остались за ними.

Продолжать дѣйствовать въ такомъ направленіи, это значило бы вызвать еще и дальнѣйшій подъемъ цѣнъ на земли, обременяя на долгіе годы вновь формирующійся классъ землепашцевъ непосильною тяготою въ отношеніи ихъ выкупа; этимъ не только была бы нарушена идея справедливости, но былъ бы подорванъ и самый расчетъ на успѣхъ насажденія крестьянскихъ хуторовъ, такъ какъ хозяйства землепашцевъ, при этихъ условіяхъ, рисковали бы погибнуть.

Поэтому Обще-Имперскій Земельный Банкъ, при скупкѣ земель, за основаніе цѣнъ долженъ принимать нормальныя ихъ расцѣнки, которыя почти повсюду уже выработаны, какъ правительственными учрежденіями и земствами, такъ и земельными банками.

Обстоятельство это въ значительной степени облегчитъ разрѣшеніе вопроса о стоимости скупаемыхъ частно-владѣльческихъ земель; если же Обще-Имперскій Земельный Банкъ будетъ не посредникомъ между землевладѣльцами и крестьянами, а покупателемъ, и въ качествѣ покупателя на земли неустроенныя онъ явится на долгое время монополистомъ, то съ большою вѣроятностью можно допустить, что спекуляціи при такихъ обстоятельствахъ уже не будетъ мѣста.

Попытки къ спекуляціямъ будутъ парализованы еще и тѣмъ, что покупка крестьянами въ собствен-

ность явится не единственною формою надѣленія ихъ землею, а что земля будетъ предоставляться имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе еще и на основаніяхъ вѣчно-наслѣдственной аренды; въ виду же того, что источникомъ для вѣчно-наслѣдственной аренды предполагаются земли государственныя, удѣльныя, монастырскія, а, можетъ быть, и земли владѣльческой аристократіи, которыя, въ общемъ, представляютъ несравненно большій запасъ, чѣмъ тѣ частно-владѣльческія земли, которыя можно бы скупать въ собственность, то и съ этой стороны, по отношенію къ спекуляціи на земли, окажется весьма сильный тормазъ; да и сами же крестьяне, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, должны будутъ предпочесть земельной собственности вѣчно-наслѣдственную аренду, разъ послѣдняя форма вполнѣ удовлетворитъ ихъ желанія относительно вѣчнаго и потомственнаго владѣнія землею, между тѣмъ какъ за нею имѣется то громадное преимущество, что не приходится затрачивать сразу значительныхъ денегъ на покупку земли; обстоятельство это, при бѣдности нашего сельскаго населенія, имѣетъ особо-важное значеніе.

Уставъ Обще-Имперскаго Земельнаго Банка долженъ быть выработанъ въ томъ смыслѣ, чтобы стремленія народа къ землевладѣнію на правахъ вѣчнаго и потомственнаго пользованія нашли себѣ полное и всестороннее удовлетвореніе.

Надѣленіе крестьянъ землею, поэтому, должно производиться съ соблюденіемъ слѣдующихъ двухъ существенно важныхъ и при томъ взаимно тѣсно связанныхъ условій: а) предоставленія отдѣльнымъ крестьянскимъ семьямъ возможности пріобрѣтать небольшіе земельные участки подъ личную ихъ отвѣтственность

и независимо отъ сельскихъ обществъ и крестьянскихъ товариществъ и б) облегченія хозяйственнаго устройства такихъ земельныхъ участковъ, путемъ предварительнаго сооруженія на нихъ дорогъ и водоемовъ, возведенія необходимыхъ построекъ, снабженія поселяющихся на нихъ крестьянскихъ семей скотомъ, сѣменами и саженцами и хозяйственнымъ инвентаремъ.

Необходимо, чтобы проведеніе въ жизнь этихъ двухъ мѣръ происходило совмѣстно, такъ какъ ни одна изъ нихъ безъ другой не достигла бы намѣченной цѣли: одно предоставленіе крестьянскимъ семьямъ возможности пріобрѣтенія отдѣльно земельныхъ участковъ, хотя бы и на самыхъ льготныхъ условіяхъ, само по себѣ,—было бы мѣрою неполною, такъ какъ заранѣе можно предвидѣть, что большинство такихъ семей едва ли окажется въ силахъ справиться съ устройствомъ хуторовъ и хозяйственнымъ ихъ оборудованіемъ, въ виду того, что всѣ скудныя средства ихъ уйдутъ на покупку земли; если бы даже немногимъ изъ такихъ семей и удалось устроить на этихъ участкахъ хутора, то устройство это оказалось бы весьма неудовлетворительнымъ и отнюдь несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ нуждамъ хозяйства: плохое же устройство и оборудованіе хозяйства неминуемо повело бы и къ плохимъ результатамъ, и разореніе такихъ семей оказалось бы явленіемъ заурядным.

Совершенно въ иномъ положеніи оказалась бы крестьянская семья, если бы она поселялась на устроенный хуторъ, гдѣ, и жилой домъ, и хозяйственныя постройки были бы готовы, и если бы, при поступленіи ея, требовалось только, чтобы въ банкъ была вне-

сена извѣстная сумма, обезпечивающая выдаваемую ссуду, въ размѣрѣ, напримѣръ, одной трети или одной четверти всѣхъ затратъ. При такихъ условіяхъ съ полною увѣренностью можно было бы разсчитывать на то, что купленный крестьяниномъ участокъ—сталъ бы сдабриваться, что урожаи на немъ оказались бы полные, и что стоимость устроенной такимъ образомъ недвижимости росла бы, не только въ зависимости отъ общихъ причинъ, вліяющихъ на поднятіе цѣнъ на земли, но и вслѣдствіе увеличенія ея доходности путемъ ея постояннаго улучшенія и непрестанно вкладываемыхъ въ нее ея владѣльцемъ трудовъ и сбереженій.

Банкъ, затративъ въ этомъ случаѣ на возведеніе построекъ извѣстныя суммы, которыя и вошли бы въ общую стоимость недвижимости, оказался бы обезпеченнымъ несравненно прочнѣе, чѣмъ въ случаяхъ перекупокъ крестьянами неустроенныхъ земельныхъ участковъ; несомнѣнно, напримѣръ, что участокъ земли, обставленный соотвѣтственными хозяйственными постройками, подымется въ своей продажной стоимости на сумму значительно выше той, во что обошлись эти постройки, такъ какъ спросъ на такіе устроенные участки чувствуется громадный, сами крестьяне на устройство ихъ средствъ не имѣютъ, а въ предложеніи ихъ не имѣется вовсе.

Съ другой стороны и положеніе крестьянской семьи, поселившейся на устроенномъ хуторѣ, окажется несравненно обезпеченнѣе того, въ которомъ она можетъ очутиться при покупкѣ земли неустроенной: въ случаяхъ несчастья или неудачъ, вызывающихъ опаздыванія въ срочныхъ платежахъ, крестьянинъ, купившій такой

участокъ самостоятельно, не будетъ имѣть причинъ бояться отобранія отъ него земли и хутора его же товарищами, когда, какъ при нынѣшнихъ условіяхъ, они ручаются за него въ банкъ, — ни того, что, въ случаѣ продажи его хутора съ аукціона, онъ пошелъ бы за безцѣнокъ, въ виду ненахожденія покупателей; имѣя дѣло непосредственно съ банкомъ, онъ сталъ бы глядѣть на будущее увѣреннѣе и не будетъ жалѣть ни трудовъ, ни средствъ на улучшеніе земли и вообще на поднятіе стоимости его хозяйства, являющагося его личной собственностью; онъ будетъ прекрасно сознавать, что умри онъ, напримѣръ, то и тогда семья его не будетъ пущена по міру, такъ какъ при продажѣ хутора, въ случаѣ неисправности во взносахъ платежей, на него на банковомъ аукціонѣ всегда найдется покупатель, по настоящей цѣнѣ, и, за погашеніемъ недоимки банку, его женѣ и дѣтямъ можетъ еще очиститься извѣстная сумма.

Безъ всякаго сомнѣнія, будетъ много неудачниковъ и при тѣхъ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, которыми можетъ обставить банкъ начинающихъ новую жизнь землепашцевъ. Но это неизбѣжно во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, гдѣ успѣхъ больше всего зависитъ отъ личныхъ способностей и особенностей каждаго отдѣльнаго индивидуума. Назначеніе государства не въ томъ, чтобы давать пріютъ лѣнтяямъ и неспособнымъ; банкъ не можетъ играть роли благотворительнаго учрежденія и употреблять народныя средства на другія цѣли, кромѣ аграрнаго землеустройства на раціональныхъ началахъ. Поэтому-то, обставивъ и устроивъ хозяйство крестьянина на его участкѣ, по возможности, наиболѣе благопріят-

ными и льготными условіями, избавивъ его, напримѣръ, въ теченіе первыхъ 2—3 лѣтъ отъ уплаты всякихъ платежей, банкъ затѣмъ долженъ неуклонно держаться установленныхъ уставомъ его правилъ о взносѣ % и погашенія; пусть процентъ этотъ будетъ доведенъ до возможнаго минимума, а погашеніе ссуды разложено на 96 лѣтъ, но землепашецъ прежде всего долженъ знать, что въ случаѣ его неисправности, послѣ установленныхъ льготъ, участокъ его со всѣмъ устройствомъ, скотомъ и инвентаремъ будетъ проданъ съ аукціоннаго торга, и на его мѣстѣ поселится другой, болѣе энергичный и заботливый, хозяинъ.

Жизнь человѣка представляетъ собою непрерывную борьбу за существованіе; если бы банкъ, въ погонѣ за филантропическими идеями, сталъ давать возможность проживать на устроенныхъ имъ участкахъ неудачникамъ и тунеядцамъ, то поступилъ бы противъ всякой справедливости и логики, такъ какъ, при существующей нынѣ конкурренціи, свободныхъ мѣстъ не хватаетъ и для труженниковъ, и на каждое освободившееся мѣсто послѣ неспособнаго землепашца найдутся десятки способныхъ, находящихся не у дѣлъ и голодающихъ. Какое же право имѣлъ бы банкъ распоряжаться мѣстами въ пользу людей неспособныхъ, между тѣмъ, какъ люди способные своей энергіей и трудомъ принесли бы пользу не только себѣ, но и обществу, да и государству?

Уживется крестьянинъ на такомъ собственномъ земельномъ участкѣ, тѣмъ лучше; если же онъ не уживется, потому ли, что окажется лѣнивымъ и неспособнымъ, или же его постигнетъ несчастье, то хуторъ со всѣмъ устройствомъ и инвентаремъ долженъ быть

проданъ съ аукціоннаго торга и перейти въ другія руки. Въ большинствѣ случаевъ до этого можетъ и не дойдетъ, такъ какъ неудачный хозяинъ и самъ можетъ найти покупателя и продать свой хуторъ за сумму, которая, быть можетъ, оказалась бы для него выгоднѣе; но вообще, этимъ обстоятельствомъ смущаться нечего: это законъ природы, на основаніи котораго способные люди всегда будутъ вытѣснять неспособныхъ; законъ этотъ жестокъ и неумолимъ, но въ немъ-то и заключается залогъ успѣшнаго хода человѣчества по пути къ совершенствованію.

Въ силу этихъ-то соображеній, уставъ Обще-Имперскаго Земельнаго Банка и долженъ быть выработанъ безъ всякой тѣни благотворительности, а на точныхъ основаніяхъ общихъ принциповъ закладного права.

А чтобы къ земельному участку можно было примѣнять закладное право, за землепашцемъ, поселившимся на немъ, должно быть признано право собственности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія; онъ купилъ земельный участокъ, заложилъ его со всѣмъ устройствомъ и инвентаремъ; слѣдовательно онъ добровольно обрекъ себя и на всѣ послѣдствія отъ такихъ своихъ добровольныхъ дѣйствій и актовъ. Всякое исключительное послабленіе со стороны банка, въ случаѣ его неисправности, дастъ поводъ и другимъ заемщикамъ разсчитывать на такія же послабленія; и тогда поселившіеся на хуторахъ крестьяне изъ обыкновенныхъ собственниковъ опять превратятся въ опекаемыхъ обывателей, принадлежащихъ къ какому-то привиллегированному, сравнительно съ другими классами, сословію, и вопросъ о землеустрой-

ствѣ Россіи вступитъ опять на ту же шаткую почву, которая и привела къ настоящему аграрному кризису.

Довольно опеки. Право собственности землепашцевъ должно быть полное, и ограничиваться только закладнымъ правомъ, по уставу Обще-Имперскаго Земельнаго Банка.

Въ отношеніи государственныхъ финансовъ, предлагаемая аграрная реформа должна также дать самые благодѣтельные результаты.

Стоитъ только обратить вниманіе на то, какое экономическое оживленіе внесла реформа 1861 года, при всѣхъ ея недочетахъ по существу и при всѣхъ искаженіяхъ въ ея примѣненіи. Вѣдь, послѣ крымской войны Россія была на краю банкротства, и Канкринъ съ своимъ серебрянымъ рублемъ не спасъ бы ея, если бы эра освобожденія не вызвала къ кипучей дѣятельности массу спавшихъ до того времени талантовъ и силъ.

Но предстоящая реформа обѣщаетъ результаты несравненно болѣе грандіозные, такъ какъ отъ нея ожидается дѣйствительное, настоящее освобожденіе человѣка, земли и труда. Много еще въ Россіи спящихъ силъ и спящихъ богатствъ, и если каждому будетъ дана возможность трудиться на свою личную пользу, то работа повсюду закипитъ ключемъ, и народное богатство начнетъ расти и умножаться въ такихъ пропорціяхъ, опредѣлить которыя заранѣе нельзя даже и приблизительно.

Земледѣлецъ, вся энергія котораго тратится исключительно на то, чтобы создавать продукты лишь для собственнаго потребленія, надолго осужденъ оставаться въ состояніи убожества и невѣжества.

*

Новая эра въ его жизни наступитъ только въ тотъ моментъ, когда онъ получитъ возможность продавать часть своихъ произведеній и на вырученныя такимъ образомъ деньги пріобрѣтать тѣ или другіе предметы, смотря по пробуждающимся и развивающимся въ немъ потребностямъ.

Только при такихъ условіяхъ и можетъ наступить новый періодъ обновленія въ жизни русскаго сельскаго населенія, такъ какъ при настоящей его обстановкѣ у него не только не имѣется возможности продавать избытокъ своихъ продуктовъ, а ихъ у него не хватаетъ и для собственнаго существованія.

Нужно, чтобы земля въ рукахъ крестьянъ превратилась въ настоящую копилку, въ которой сбереженія тружениковъ могли бы не только сохраняться, но и приносить значительный процентъ.

Эти сбереженія позволятъ родителямъ надлежащимъ образомъ воспитать дѣтей; оставивъ при себѣ того изъ сыновей, который окажется наиболѣе способнымъ къ продолженію хозяйства послѣ ихъ смерти, остальнымъ надо помочь устраиваться на сторонѣ.

Имѣющій образоваться, при такихъ условіяхъ, дѣйствительно свободный классъ землепашцевъ-собственниковъ явится самымъ надежнымъ и прочнымъ элементомъ въ дѣлѣ экономическаго развитія сельскаго населенія. Примѣры Западной Европы служатъ доказательствомъ того, что такіе владѣльцы хуторовъ отличаются обыкновенно честностью и бережливостью, бываютъ прекрасными хозяевами и отцами семействъ и ведутъ жизнь самую скромную и трудолюбивую. Грошами накапливая свои состоянія, они представляютъ для государства громадную платежную силу

и являются повсюду его главнѣйшимъ оплотомъ, какъ въ отношеніи уваженія установленнаго правопорядка, вообще, такъ и въ отношеніи уваженія къ частной собственности, въ отдѣльности.

Такимъ образомъ земельная собственность и вѣчно-наслѣдственная аренда, съ разселеніемъ крестьянъ на хуторахъ, представляются единственными формами землевладѣнія, вполнѣ отвѣчающими какъ народнымъ представленіямъ, такъ и всѣмъ условіямъ, съ которыми связано развитіе благосостоянія сельскаго населенія.

V.

СКОЛЬКО И ОТКУДА ВЗЯТЬ ЗЕМЛИ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ?

Сколько же и откуда взять земли для той массы русскихъ хлѣбопашцевъ, которые должны выбыть изъ сельскихъ общинъ въ настоящее время, да и для всего крестьянскаго населенія, имѣющаго нарождаться въ будущемъ?

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что такая нужда въ землѣ крестьянъ въ Россіи, хотя и дѣйствительно очень велика, но во всякомъ случаѣ преувеличена; вызвана она искусственно, тѣми замкнутыми, кастовыми условіями, которыми обставлено наше сельское населеніе, и между которыми имѣютъ особое значеніе: невозможность выхода изъ общины, приписка къ ней даже и такихъ лицъ, которыя къ земледѣльческому классу совершенно не принадлежатъ, и обособленность земледѣльческаго класса по отношенію къ другимъ классамъ народа, доходящая до того, что выросшій въ деревнѣ мужикъ ни о чемъ, кромѣ земли и пашни, и понятія не имѣетъ.

Прежде всего, конечно, слѣдуетъ удовлетворить требованіе крестьянъ на землю. Одновременно съ этимъ, однакоже, не менѣе необходимо устранить и всѣ эти вредныя условія землевладѣнія, во избѣжаніе повторенія въ будущемъ переживаемой неурядицы.

Если же наличное требованіе будетъ удовлетворено, а условія замкнутаго, кастоваго характера исчезнутъ, и переходъ отъ земледѣлія въ другіе классы общества будетъ свободенъ, то дальнѣйшее аграрное положеніе урегулируется само собою, и свободныя земли станутъ распредѣляться между желающими ихъ пріобрѣсти, на основаніи общихъ законовъ спроса и предложенія, устанавливающихся въ зависимости отъ совокупности экономическихъ условій извѣстнаго времени или мѣста.

Вѣдь, сущность аграрной системы вовсе не въ томъ, чтобы выработать такую систему, въ силу которой каждый человѣкъ непремѣнно имѣлъ бы свой кусокъ земли; всѣ попытки насажденія подобной системы всегда терпѣли полнѣйшую неудачу, и опытъ реформы 1861 года съ нашими крестьянами въ этомъ отношеніи не представляетъ ничего новаго: непремѣнными послѣдствіями такой постановки землевладѣнія всегда являлись постоянные передѣлы, по мѣрѣ нарожденія населенія, измельчаніе и истощеніе надѣловъ, разореніе и обнищаніе землепашцевъ, словомъ, всѣ тѣ неудобства и бѣдствія, которыя такъ ярко характеризуютъ жизнь и положеніе нашихъ крестьянъ.

Аграрная система съ точки зрѣнія государственной состоитъ лишь въ томъ, чтобы установить такой правовой порядокъ по отношенію къ землевладѣнію

и мобилизаціи земли, который облегчилъ бы для землепашцевъ возможность землепользованія на наиболѣе продуктивныхъ для нихъ условіяхъ, соблюдая при этомъ, чтобы всѣ свободныя земли въ концѣ концовъ оказались занятыми и воздѣланными; тогда отъ земли отходили бы только тѣ крестьяне, для которыхъ земли уже дѣйствительно не стало бы хватать; но тогда же въ области промышленности, развивающейся параллельно съ ростомъ земледѣлія, спросъ на рабочія руки сталъ бы увеличиваться и создалъ бы естественный отливъ избытку нарождающагося сельскаго населенія.

Очевидно, что въ Россіи до этого блаженнаго времени еще очень далеко.

Есть государства, гдѣ земля давнымъ-давно уже заселена и распредѣлена между земледѣльцами, и, однакоже, аграрныхъ вопросовъ не возбуждается. Малоземелье считается фактомъ нормальнымъ, разъ всѣ пустыя земли заняты и обработаны; никому и въ голову не приходитъ требовать того, чего нѣтъ, и тогда уже каждый землевладѣлецъ старается достигать улучшенія своего благосостоянія, не путемъ увеличенія обрабатываемой площади, такъ какъ это невозможно, а увеличеніемъ продуктивности того клочка земли, которымъ онъ владѣетъ.

Почему, напримѣръ, вопросъ о малоземельи не вызываетъ аграрнаго кризиса, ни во Франціи, ни въ Германіи ни въ Бельгіи, ни даже въ Китаѣ, гдѣ, какъ извѣстно, изъ-за недостатка земли люди живутъ уже на плотахъ?

Да потому, что въ этихъ странахъ земля вся уже обработана, и всякому понятно, что на томъ клочкѣ,

который можетъ кормить одну семью, двѣ семьи будутъ голодать; потому, что въ этихъ странахъ мобилизація земли свободна, да и крестьяне къ ней не прикрѣплены, а имѣютъ право покупать и продавать участки по своему усмотрѣнію; потому, что тамъ, въ зависимости отъ успѣшнаго развитія земледѣлія, одинаково успѣшно развивается и промышленность, а потому не считается необходимостью для каждаго непремѣнно имѣть клочекъ земли, безъ котораго, будто бы, нечѣмъ и кормиться, а тамъ и помимо земледѣлія находятся разнообразные источники для существованія; потому, что взаимодѣйствіе между земледѣліемъ и промышленностью въ такихъ странахъ установилось, по мѣрѣ нарожденія и размноженія сельскаго населенія, естественнымъ образомъ, само собою, не такъ, какъ въ Россіи, гдѣ городскіе и сельскіе обыватели искусственно сплочены въ одну общую, закрѣпощенную къ землѣ массу крестьянъ, причемъ на фабрично-заводскихъ рабочихъ взвалена обязанность кормить недоѣдающихъ, обнищавшихъ, живущихъ въ деревнѣ безъ дѣла мужиковъ.

Но положеніе фабрично-заводскихъ рабочихъ само по себѣ, вообще, повсюду далеко не обезпечено; въ Россіи же, кромѣ того, необезпеченность эта отражается на народѣ тѣмъ сильнѣе, что промышленность ея, по сравненію съ занимаемымъ ею пространствомъ и численностью ея народонаселенія, развита чрезвычайно слабо и далеко не можетъ занять наличныхъ свободныхъ рукъ; и при такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя у насъ поставлены рабочіе, сравнительно съ другими государствами, имъ приходится еще поддерживать изъ своихъ скудныхъ зара-

ботковъ сельское населеніе, которое самостоятельно, какъ показываютъ факты, существовать уже не можетъ. Такою тягостью фабричные рабочіе не обременены нигдѣ въ мірѣ.

Поэтому-то, охватившій Россію экономическій кризисъ и не можетъ быть улаженъ до тѣхъ поръ, пока искусственная зависимость между сельскимъ населеніемъ и фабрично-заводскими рабочими не будетъ уничтожена, и пока каждый человѣкъ, къ какой бы категоріи онъ ни принадлежалъ, не будетъ въ состояніи существовать самостоятельно, отъ своихъ трудовъ.

Поэтому-то, какъ было сказано въ предыдущей главѣ, въ первую же очередь въ Россіи долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о формѣ крестьянскаго землевладѣнія, которое должно быть обставлено наиболѣе благопріятными условіями для того, чтобы всѣ труды и затраты, положенные пахаремъ въ его хозяйство, оставались бы въ его пользу.

При благопріятныхъ условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія, немедленно же наступитъ періодъ быстраго возрожденія и прогресса въ области земледѣлія, а съ увеличеніемъ достатка сельскаго населенія, разовьются и умножатся и его потребности.

И вотъ, когда такимъ образомъ создадутся прочные внутренніе рынки для сбыта заводско-фабричныхъ издѣлій, тогда только вызовется усиленная дѣятельность въ области промышленности, имѣющей, въ свою очередь, потребовать легіоны рабочихъ.

При такихъ условіяхъ самъ собою будетъ созданъ естественный отливъ избытка свободныхъ рабочихъ рукъ изъ деревни; землепашцы, при благопріятныхъ

условіяхъ землевладѣнія, начнутъ добиваться увеличенія продуктивности почвы и стремиться къ улучшенію своего благосостоянія; съ увеличеніемъ же достатка сельскаго населенія, начнутъ въ немъ развиваться потребности и стремленія къ устройству болѣе удобной обстановки, а въ зависимости отъ этого обстоятельства станетъ оживляться и промышленная дѣятельность, имѣющая дать крупный заработокъ той части населенія, которая не пожелаетъ или не будетъ имѣть возможности устроиться у земли.

По этимъ-то именно причинамъ, если только переживаемый аграрный кризисъ будетъ разрѣшенъ правильно, т. е. отвѣчая всѣмъ этимъ условіямъ, то вопросъ о тѣснотѣ и малоземеліи въ Россіи перестанетъ существовать вовсе.

Принимая же во вниманіе ту массу необозримыхъ, ненаселенныхъ и невоздѣланныхъ пространствъ, которыя входятъ въ составъ Россіи, по сравненію съ западно-европейскими государствами, или съ Японіею и Китаемъ, оказывается, что такого запаса земель, для приведенія ихъ въ культурный видъ, нигдѣ нѣтъ, и что источники для обогащенія народа и страны, въ области ли земледѣлія, или въ области промышленности, обезпечены въ ней еще на много лѣтъ.

Покуда же въ Россіи далеко не всѣ земли заселены и обработаны, и покуда мужикъ будетъ знать, что есть пустыя земли, которыя никѣмъ не воздѣлываются, онъ непремѣнно будетъ стремиться занимать ихъ; это вполнѣ естественно и послѣдовательно.

Для того, чтобы хотя приблизительно опредѣлить количество земли, потребное для удовлетворенія крестьянъ въ настоящее время, приходится пользоваться

*

лишь немногими свѣдѣніями, собранными въ концѣ минувшаго столѣтія.

По исчисленію Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 82—85), въ 1900 году, по 47 губерніямъ, всей надѣльной удобной земли оказывалось 131.654,900 десятинъ, а по 50 губ. всей облагаемой надѣльной земли 112.327,000 десятинъ (стр. 64—65); *) всего же сельскаго населенія обоего пола числилось 89.660,600 душъ.

Вотъ, въ общемъ, на основаніе тѣхъ же свѣдѣній, какую картину представляетъ распредѣленіе надѣльныхъ земель между крестьянами.

Бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ числится 91,478 сельскихъ общинъ, въ которыхъ значится 10.050,200 ревизскихъ душъ, владѣющихъ 33.755,759 десятинами удобной земли, что въ среднемъ составляетъ 3,3 десятины на душу, съ колебаніями отъ 9,4 до 1,7 на душу. Наибольшіе надѣлы получили изъ владѣльческихъ крестьянъ въ губерніяхъ Астраханской, Таврической, Минской, Олонецкой, Новгородской и Вологодской (свыше 5 дес.), а наименьшіе,—ниже 2,5 дес.—въ губ. Подольской, Курской, Полтавской, Воронежской и Харьковской.

Бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ насчитывается всего 5,527 сельскихъ общинъ, съ 900,486 ревизскими душами, владѣющими 4.333,261 десятинами, что въ среднемъ составляетъ, по 4,8 дес. на душу, съ колебаніями по губерніямъ отъ 7,7 до 2,1 десятинъ на душу. Лучше надѣлены крестьяне восточныхъ и

*) Цифры эти находятся въ видимомъ противорѣчіи; послѣднюю изъ нихъ, какъ болѣе обоснованную, считаемъ ближе къ истинѣ.

сѣверныхъ окраинъ (кромѣ Архангельской губерніи); въ центрѣ и на югѣ хуже.

Бывшихъ государственныхъ крестьянъ числится 36,723 сельскихъ общинъ, съ 6.443,006 ревизскими душами, владѣющими 57.130,141 десятинъ распространяемыхъ съ колебаніями отъ 16 до 2 десятинъ на душу. Наибольшіе надѣлы (свыше 7 десятинъ) приходятся на губерніи Астраханскую, Оренбургскую, Самарскую, Саратовскую, Вологодскую, Новгородскую, Таврическую, Уфимскую и Бессарабскую; наименьшіе— на губерніи Подольскую, Кіевскую, Черниговскую и Полтавскую.

Остальные разряды крестьянъ, составляющихъ 1.800,000 ревизскихъ душъ, владѣющіе землями въ количествѣ 21.635,694 десятинъ, или, въ среднемъ, по 12 десятинъ на душу, надѣлены щедрѣе всѣхъ прочихъ: къ нимъ относятся башкиры, тептяри, евреи, колонисты, царане, резеши, прибалтійскіе крестьяне и казаки оренбургскіе и астраханскіе.

По тѣмъ же даннымъ, въ отношеніи численности сельскаго населенія, его, оказывается (стр. 2—7), что общій приростъ его по 50 губерніямъ съ 1861 г. по 1900 г. оказался въ 32.734,000 душъ, что на 53.848,000 душъ, числившихся въ 1861 году, составляло уже около 60%.

Приростъ этотъ, по губерніямъ, конечно, не одинаковый: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ оказывается свыше 100%.

Особенно значителенъ онъ былъ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя были лучше надѣлены землею; такимъ образомъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне получили по 5,5 десятинъ пахотной земли, приростъ населенія къ 1900 году оказался въ 78,8%, между

тѣмъ, какъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ пахотной земли было дано всего по 3 десятины, приростъ населенія къ этому времени оказался всего въ 34,6%.

А такъ какъ душевой надѣлъ, по 50 губерніямъ, согласно даннымъ Коммиссіи по изслѣдованію благосостоянія сельскаго населенія (стр. 79), въ 1860 году былъ для всѣхъ разрядовъ крестьянъ 4,8 десятинъ, а въ 1900 году — 2,6 десятинъ, то оказывается, что онъ уменьшился на 45%.

Но государственные и удѣльные крестьяне были въ 1861 г. надѣлены щедрѣе помѣщичьихъ, а именно, средній надѣлъ, по разрядамъ крестьянъ, въ 1861 г. былъ слѣдующій:

1) для государственныхъ крестьянъ 6,7 десятинъ.
2) » удѣльныхъ » 4,9 »
3) » помѣщичьихъ » 3,2 »

Что же касается средняго надѣла въ 1900 г., по каждому изъ разрядовъ крестьянъ, то свѣдѣній объ этомъ, къ сожалѣнію, не имѣется. Если же допустить, что пропорція уменьшенія надѣловъ, опредѣленная въ среднемъ для всѣхъ разрядовъ въ 45%, сохраняется въ отдѣльности и для каждаго изъ разрядовъ крестьянъ, то, оказывается, что средній надѣлъ въ 1900 году выражался въ слѣдующихъ цифрахъ:

1) для государственныхъ крестьянъ 3,6
2) » удѣльныхъ » 2,7
3) » помѣщичьихъ » 1,7

Всѣхъ дворовъ насчитывалось 14.010,200, а всѣхъ работниковъ 43.647,900.

Такимъ образомъ, на каждаго работника приходилось въ среднемъ по 3 десятины, а на каждый дворъ, считая по 3,1 работника, по 9,4 десятины.

По отдѣльнымъ губерніямъ убыль земли выражается еще рельефнѣе.

Такъ, напримѣръ, какъ это выяснилось въ 1905 году на Харьковскомъ чрезвычайномъ губернскомъ собраніи, на ревизскую душу, въ этой губерніи, надѣльной земли приходится, въ среднемъ, 4,1 десятины, а на наличную душу обоего пола—1 десятина, что и составляетъ уменьшеніе со времени реформы 1861 г. въ 76%; въ частности же, въ пяти уѣздахъ изъ одиннадцати, на наличную душу приходится 0,5—0,9 десятины.

Затѣмъ, опредѣливъ, что на каждаго работника, согласно его работоспособности, въ среднемъ слѣдовало бы имѣть надѣльной земли 14,5 десятинъ, а въ томъ числѣ 9,9 пахотной земли, а на каждый дворъ, слѣдовательно всей надѣльной земли, въ среднемъ, 45 десятинъ, а въ томъ числѣ пахотной 30,5, Коммиссія по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія заключаетъ, что не хватало въ 1900 году земли, по отношенію къ работоспособности каждаго двора, въ среднемъ, для 47 губерній, по 35,5 десятинъ на каждый дворъ, или по 11,5 десятинъ на каждаго работника, безъ различья пола, т. е. 79,3% имѣющейся въ рукахъ крестьянъ надѣльной земли.

Однакоже, расчеты эти, основанные на соображеніяхъ теоретическаго характера, изъ которыхъ выведена работоспособность сельскаго населенія, и на численности всего приписаннаго къ сельскимъ обществамъ населенія, по всей вѣроятности, преувеличены.

Для того, чтобы опредѣлить дѣйствительное число крестьянъ, которыхъ слѣдуетъ причислить къ классу землепашцевъ и которыхъ необходимо принять въ расчетъ при надѣленіи ихъ землею, прежде всего

нужно принять во вниманіе число крестьянъ, хотя и приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ, но до земледѣлія никакого отношенія не имѣющихъ, а живущихъ на сторонѣ и кормящихся, помимо земли, тѣмъ или другимъ промысломъ, ремесломъ или работою.

По свѣдѣніямъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 216—219), въ періодъ 1891—1900 годовъ, по 50 губерніямъ, однихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ числилось 1.637,595 человѣкъ; всего же крестьянъ, занятыхъ всякими промыслами, въ томъ числѣ кустарными и земледѣльческими, въ 1900 году насчитывалось 14.155,277 человѣкъ; на основаніи тѣхъ же свѣдѣній, оказывается, что изъ общаго числа числившихся въ 50 губерніяхъ въ 1900 году въ средѣ сельскаго населенія работниковъ обоего пола,—44.642,319 человѣкъ,—32% занимались разными промыслами, что 73% изъ этого числа занимались мѣстными промыслами, а 27% занимались отхожими промыслами.

Такимъ образомъ, около 4 милліоновъ работниковъ обоего пола, т. е. около 10% сельскаго работоспособнаго населенія, въ землѣ не нуждаются и могутъ жить на собственныя средства, если только у нихъ не будутъ отбирать заработанныхъ денегъ.

Соображеніе это подкрѣпляется еще и свѣдѣніями о количествѣ продаваемыхъ ежегодно паспортныхъ бланокъ (тамъ же стр. 222—227). Оказывается, что по 50 губерніямъ, за періодъ 1891—1900 годовъ, однѣхъ, годовыхъ бланокъ продано 37.880,100 штукъ, да на болѣе долгіе сроки—1.844,700 штукъ; въ общемъ это также выходитъ около 4 милліоновъ въ годъ, не считая паспортныхъ бланокъ на болѣе короткіе сроки,

въ числѣ которыхъ многіе непрерывно изъ года въ годъ возобновляются.

То, что значительное число крестьянъ отстали уже отъ земли, видно также изъ слѣдующаго:

Число такихъ домохозяевъ, которые уже не въ состояніи сами вести хозяйство и, распродавъ весь свой скотъ, сдаютъ свои надѣльныя земли болѣе зажиточнымъ односельчанамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще къ 1900 г. достигало 15—20 и даже болѣе % всѣхъ крестьянскихъ дворовъ (Д. П. Семеновъ. Стр. 132).

Если же принять во вниманіе, что въ среднемъ, на каждый дворъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи, приходится по 3,6 душъ обоего пола, и что почти въ каждой крестьянской семьѣ есть члены, отставшіе отъ земли и живущіе на сторонѣ, то процентъ этотъ окажется еще значительнѣе.

Обстоятельство это, конечно, должно быть принято въ соображеніе при исчисленіяхъ количества земли, необходимой для надѣленія крестьянъ. Едва ли многіе изъ такихъ отказавшихся отъ землепашества домохозяевъ или членовъ ихъ семей захотятъ вновь приниматься за соху. Если же и стали бы поступать заявленія о желаніи получить землю и отъ такихъ крестьянъ, то удовлетворять ихъ, конечно, слѣдуетъ только по мѣрѣ возможности, послѣ того какъ были бы надѣлены ею коренные землепашцы.

Принимая во вниманіе, что далеко не все работоспособное и приписанное къ сельскимъ обществамъ населеніе занимается хлѣбопашествомъ, гораздо ближе къ истинѣ будетъ допустить, что для удовлетворенія крестьянъ землею потребуется не 79,3% того количе-

ства, которымъ они надѣлены, какъ это вычислено по работоспособности ихъ (см. выше), и не 60%, какъ это вычислено по оказавшемуся въ 1900 г. приросту сельскаго населенія, а что-нибудь около 50%, какъ это и подтверждается другими исчисленіями, основанными на болѣе правильныхъ соображеніяхъ.

А такъ какъ основываясь на оффиціальныхъ данныхъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 64—65), выходитъ, что всей облагаемой крестьянской надѣльной земли, по 50 губерніямъ Европейской Россіи, было въ 1900 году, какъ это было сказано выше,—112.327,000 десятинъ, то на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, на удовлетвореніе назрѣвшихъ въ настоящее время крестьянскихъ нуждъ въ землѣ, потребуется 50% означеннаго этого общаго количества надѣльной земли, т. е. отъ 55 до 60 милліоновъ десятинъ удобной земли.

Вотъ, на этой-то цифрѣ мы и остановимся и будемъ основывать дальнѣйшіе расчеты; не выдавая ее за безспорно вѣрную, тѣмъ болѣе, что точнаго и безусловно вѣрнаго расчета и вообще по этому вопросу выведено быть не можетъ, количество это все же можетъ быть принято, какъ руководящая точка отправленія для остальныхъ выводовъ; такое процентное отношеніе тѣмъ болѣе удобно, что всѣ поправки, которыя пришлось бы сдѣлать въ этой цифрѣ, по мѣрѣ ближайшаго изученія дѣйствительнаго положенія вещей, вообще, въ Европейской Россіи, и въ каждой губерніи въ отдѣльности, будетъ весьма легко и осуществлять въ процентныхъ же отношеніяхъ.

Улучшеніе экономическаго благосостоянія сельскаго населенія стоитъ въ зависимости отъ двухъ

причинъ: 1) отъ увеличенія площади находящейся въ пользованіи его земли, и 2) отъ успѣховъ въ интенсивности ея обработки.

Относительно перваго вопроса, т. е. количества необходимой для удовлетворенія крестьянъ земли, было сказано выше; что же касается увеличенія продуктивности земли, путемъ улучшенія ея обработки, то это дѣло будущаго и въ расчеты наши входить въ настоящее время никакъ не можетъ.

При разрѣшеніи вопроса о количествѣ земли, необходимой для надѣленія крестьянъ, слѣдуетъ, наоборотъ, считаться съ тѣмъ низкимъ уровнемъ развитія ихъ въ области земледѣлія, благодаря которому они въ большинствѣ случаевъ ведутъ хозяйство, не интенсивное, а экстенсивное.

Такое направленіе разоряющаго землю хозяйства стоитъ главнымъ образомъ въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыя поставлены наши крестьяне, по отношенію къ своей землѣ, между которыми уже отмѣчены: стадное пользованіе ею, отсутствіе интересовъ для улучшенія ея, невозможность единоличнаго примѣненія къ ней улучшенной культуры и т. п.

Несомнѣнно, что, разъ крестьянинъ будетъ поставленъ въ дѣйствительно благопріятныя условія, для достиженія возможнаго совершенства въ дѣлѣ хлѣбопашества, то немедленно же начнутъ оказываться и успѣхи въ этомъ направленіи. Заранѣе однакоже учитывать ихъ отнюдь не приходится, и для опредѣленія количества потребной въ томъ или другомъ районѣ земли съ тѣмъ, чтобы крестьяне могли считать себя въ этомъ отношеніи удовлетворенными, необходимо держаться ихъ собственныхъ взглядовъ на

этотъ предметъ и производить расчеты, сообразно съ уровнемъ ихъ производительныхъ способностей; на основаніи свѣдѣній, собранныхъ Коммиссіей по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія, оказывается, напримѣръ, что на 1900 годъ (стр. 88—89), изъ 50 губерній въ 10-ти только получается отъ земли продовольственныхъ продуктовъ болѣе нормальнаго потребленія, необходимаго для сельскаго населенія, въ 40 же губерніяхъ оказывается въ нихъ недостатокъ, колеблющійся между 1% (Воронежской губ.) и 74% (Архангельск. губ).; въ общемъ же, средній недостатокъ получаемыхъ отъ земли продовольственныхъ продуктовъ по всѣмъ 50 губерніямъ выражается въ 17% необходимаго для потребленія сельскаго населенія нормальнаго ихъ количества.

Ограничиваться одними совѣтами получше обрабатывать землю и увеличивать ея продуктивность, понятно, не приходится: совѣты эти давались въ теченіе четырехъ съ половиною десятковъ лѣтъ и не привели ни къ чему. Очевидно, что единственною раціональною мѣрою, могущею удовлетворить крестьянъ и остановить аграрныя волненія, было бы объявленіе имъ, что они получатъ столько земли, сколько, при ихъ настоящемъ уровнѣ работоспособности, можетъ пополнить не хватающее для ихъ продовольствія количество продуктовъ.

Само собою разумѣется, что распредѣлить землю необходимо будетъ на новыхъ условіяхъ пользованія, какъ это и сказано въ своемъ мѣстѣ, а не на прежнихъ основаніяхъ, которыя привели къ столь плачевнымъ результатамъ. Только тогда, когда крестьяне, получивъ землю въ томъ количествѣ, которое имъ

требуется, примутся за хозяйство при вновь созданныхъ благопріятныхъ условіяхъ и будутъ въ состояніи совершенствоваться въ культурѣ и увеличивать производительность почвы, тогда только вопросъ дальнѣйшаго благосостоянія сельскаго населенія уже будетъ ставиться въ зависимость, не отъ малоземелья, а главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ средствъ, находящихся въ распоряженіи земледѣльца, и отъ степени развитія его познаній въ области земледѣлія, т. е. отъ тѣхъ двухъ условій, безъ которыхъ усовершенствованіе культуры невозможно, и которыми въ настоящее время онъ еще не обладаетъ.

Затѣмъ, спрашивается, откуда же взять такое количество земли, которою можно было бы удовлетворить въ настоящее время крестьянъ, и которое, какъ сказано, опредѣляется въ 55—60 милліоновъ десятинъ?

Вопросъ этотъ чрезвычайно сложный и плохо поддается разработкѣ, благодаря скудости изслѣдованій и статистическихъ свѣдѣній по этому предмету.

Ограничимся же заключеніемъ по этому вопросу, въ предѣлахъ возможности.

Было бы совершенно ошибочно строить расчеты надѣленія крестьянъ землею на возможности найти для нихъ удобныя, готовыя, вполнѣ устроенныя земли. Очевидно, что такой массы свободной пахотной и луговой земли не имѣется; тѣ же, которыя существуютъ, въ большинствѣ случаевъ эксплоатируются, приносятъ доходъ и стоятъ, поэтому, сравнительно дорого.

Изъ государственныхъ земель, напримѣръ одна треть всей площади покрыта лѣсами, а все остальное пространство состоитъ почти сплошь изъ земель не-

удобныхъ, каковы: болота, тундры, горы и т. п. Удобныхъ же земель насчитывается едва $2^1/_2{}^0/_0$, да и тѣ расположены на восточныхъ и южныхъ окраинахъ.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и частно-владѣльческія земли, приносящія доходъ, въ общемъ представляютъ собою, сравнительно со всею площадью каждаго отдѣльнаго владѣнія, лишь незначительную часть, и что экспропріація такихъ земель не только разорила бы ихъ владѣльцевъ, но и въ конецъ обезцѣнила бы остальную, большую часть каждаго изъ такихъ имѣній.

Такое рѣшеніе вопроса грозило бы разореніемъ всему государству, такъ какъ отъ перехода обрабатываемыхъ земель изъ рукъ болѣе культурныхъ въ руки менѣе культурныя государственное хозяйство только бы проиграло, и земледѣліе, вмѣсто успѣшнаго движенія впередъ, было бы надолго обречено на косность и полнѣйшій упадокъ.

Единственнымъ источникомъ для надѣленія крестьянъ землею, такимъ образомъ, являются ненаселенныя, неудобныя пространства, которыхъ еще весьма много, какъ въ частно-владѣльческихъ рукахъ, такъ и въ казнѣ, да и въ Удѣлахъ.

Въ подтвержденіе такого взгляда, приводятъ еще и слѣдующія соображенія:

По главнымъ видамъ угодій, земли по 50 губ. Европейской Россіи распредѣляются слѣдующимъ образомъ (Д. П. Семеновъ. Стр. 126).

1) Пахотная	26,2%
2) Луга и выгоны	15,9
3) Лѣса	38,8
4) Неудобныя земли	19,1

Такимъ образомъ, площадь, обслуживающая земледѣліе, занимаетъ всего 42,1% всей земли, а 57,9% ея заняты лѣсами и неудобными пространствами.

Изъ вышеприведенныхъ цифръ обращаютъ на себя вниманіе соотношенія между площадями, занимаемыми пахотною землею (26,2%) и лугами и выгонами (15,9%). Даже и при интенсивномъ хозяйствѣ такая пропорція пашни сравнительно съ лугами и выгонами недопустима; при нашемъ же примитивномъ хозяйствѣ, недостаточность луговъ и выгоновъ прямо доказываетъ, что посѣвы производятся безъ надлежащаго удобренія, и что, за отсутствіемъ достаточнаго корма для скота, его держится мало, и хозяйство идетъ на убыль.

Крестьянамъ, какъ извѣстно, нужна не одна пахотная земля, а страдаютъ они главнымъ образомъ отъ того, что у нихъ нѣтъ угодій, т. е. именно лѣсовъ и неудобныхъ для пашни, но годныхъ подъ выпасы мѣстъ, безъ которыхъ нѣтъ возможности держать достаточное количество скота и досыта удобрять пашню, а слѣдовательно, нѣтъ возможности и повысить продуктивность земли.

Можно ли при такихъ условіяхъ говорить, что въ Россіи нѣтъ земли для надѣленія крестьянъ?

Очевидно, нѣтъ. Не говоря уже о томъ, что большая часть неудобныхъ пространствъ можетъ и должна быть превращена въ удобныя, хотя бы путемъ только осушки болотъ, но и на лѣса пора уже перестать смотрѣть, какъ на заповѣдную старину. Съ правильнымъ веденіемъ лѣсного хозяйства, изъ громадныхъ пространствъ, занятыхъ лѣсами совершенно непроизводительно, за дальностью отъ путей сообщенія и за

отсутствіемъ выгоднаго сбыта, большая часть ихъ можетъ быть выдѣлена крестьянамъ подъ хлѣбопашество и разныя угодья; такія земли должны же наконецъ приносить пользу народу и доходы государству.

Въ древнія времена право произвольнаго занятія свободныхъ земель (заимки) было основано на томъ, что можно было присваивать себѣ вещь, никому не принадлежащую (occupatio); но такое право практиковалось и въ позднѣйшія времена, когда всѣ удобныя земли уже были заняты и распредѣлены, а оставались только земли неудобныя; тогда право владѣнія и пользованія признавалось, кромѣ того, еще и на томъ основаніи, что для приведенія такихъ заимокъ въ годное для земледѣлія состояніе нужно было потратить столько силъ и средствъ, что стоимость самой земли, въ сравненіи съ ними, оказывалась весьма незначительною.

Не въ томъ же ли положеніи находятся огромныя неудобныя пространства, которыми такъ богата Россія, при крайней нуждѣ крестьянъ въ землѣ?

Разница только въ томъ, что крестьяне, располагая громадною рабочею силою, не имѣютъ однакоже возможности и средствъ для того, чтобы привести такія неудобныя земли въ порядокъ и годный для хлѣбопашества видъ; поэтому-то и необходима помощь государства, которое обязано воспользоваться предлагаемою народомъ силою и авансировать подъ примѣненіе ее къ землѣ необходимыя для устройства ея суммы.

Государство тѣмъ болѣе заинтересовано въ томъ, чтобы раздавать земли неимущимъ крестьянамъ, что этою мѣрою оно избавится отъ самаго безпокойнаго

класса населенія,—празднаго пролетаріата, повсюду и всегда причиняющаго массу заботъ и хлопотъ.

Въ Россіи такой элементъ представляется тѣмъ болѣе опаснымъ, что для него и въ промышленности, вслѣдствіе ея слабаго развитія, нѣтъ еще достаточнаго спроса на рабочія руки.

По даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета, по 50 губерніямъ Европейской Россіи, всей земли числилось въ 1887 году, 410.222,000 десятинъ, изъ которыхъ удобныхъ 339.382,000 десятинъ.

Въ числѣ этихъ земель:

1) Государственныхъ (въ 49 губ.) около .	.	150 мил. д.
2) Удѣльныхъ » » .	.	7½ »
3) Частно-владѣльческихъ » » .	.	120 » »
4) Нераспредѣленныхъ, за неполнотою свѣдѣній, неудобныхъ и т. п. болѣе . .	.	100 » »

По тѣмъ же даннымъ въ 1900 году облагаемыхъ, т. е. удобныхъ земель числилось въ тѣхъ же губерніяхъ 317.928,000 десятинъ.

Изъ означеннаго общаго количества облагаемыхъ земель, какъ оказывается по даннымъ Коммиссіи по изслѣдованію крестьянскаго благосостоянія (стр. 64—65), надѣльной крестьянской земли въ 1900 году было 112.327,000 десятинъ, т. е. 35,9% общаго количества этихъ земель.

Въ общемъ, такимъ образомъ всѣ внѣнадѣльныя земли занимаютъ площадь земли (317.928,000 за вычетомъ 112.327,000) 205.601,000 десятинъ, т. е. 64% общаго количества облагаемыхъ земель.

Изъ нихъ земель:

Казенныхъ и Удѣльныхъ	94.313,000	десятинъ, т. е. 45,9%
Частно-владѣльческихъ	102.028,000	» » 49,6%

Остаются нераспредѣленными, за неполнотою собранныхъ свѣдѣній . . . . . 9.260,000 десятинъ, т. е. 4,5%

Но, сверхъ этого количества облагаемыхъ земель, остается еще значительное количество удобныхъ земель необложенныхъ, принадлежащихъ различнымъ учрежденіямъ, монастырямъ, церквамъ и юридическимъ лицамъ.

Земли, такимъ образомъ, и въ Европейской Россіи много, а потому вопросъ о томъ, откуда взять для крестьянъ земли, при всей своей кажущейся сложности, едва ли встрѣтитъ затрудненіе въ своемъ разрѣшеніи. Всего труднѣе въ этомъ дѣлѣ будетъ устройство этихъ земель, созданіе соотвѣтствующей этой цѣли организаціи и образованіе финансоваго фонда.

Однакоже останавливать, или даже откладывать выполненіе этой задачи изъ-за этого обстоятельства правительство не должно: на его обязанности лежитъ приведеніе въ порядокъ землевладѣнія, такъ какъ, при существующемъ положеніи вещей, дальнѣйшему существованію государственнаго строя грозитъ неминуемая опасность.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тѣмъ-то именно и поражаетъ земельный вопросъ въ Россіи, что крестьяне нуждаются въ землѣ, страдаютъ, бѣдствуютъ и массами переселяются изъ родины, между тѣмъ какъ, въ общемъ, у насъ имѣются огромныя, необозримыя пространства, остающіяся свободными, ненаселенными и невоздѣланными.

Большинство этихъ необозримыхъ пространствъ принадлежитъ Казнѣ, Удѣламъ и крупнымъ землевладѣльцамъ.

Пользы отъ того, что земли эти остаются невоздѣланными, никому нѣтъ; наоборотъ, если бы земли эти начали приносить доходъ, то польза отъ этого была бы и для землевладѣльцевъ, и для земледѣльцевъ, и для государства.

Въ особенности страдаютъ отъ бездоходности земель крупные землевладѣльцы, у которыхъ имѣнія заложены, а иногда и перезаложены, постоянно находясь подъ угрозой продажи съ молотка.

Обстоятельство это и должно быть прежде всего принято во вниманіе Обще-Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ, какъ для облегченія положенія крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и для предоставленія крестьянамъ возможности воспользоваться свободными, или, какъ ихъ называютъ крестьяне, «гуляющими напрасно» землями.

Принимая во вниманіе, что главная причина, систематически приводящая нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ къ разоренію, заключается въ томъ, что помѣстья ихъ слишкомъ обширны, и что доходъ, получаемый отъ эксплоатаціи лишь незначительной части общихъ ихъ владѣній, не покрываетъ расходовъ по содержанію всего имѣнія, въ томъ числѣ налога и % въ банкъ за бездоходныя земли, Обще-Имперскій Земельный Банкъ долженъ предложить крупнымъ землевладѣльцамъ продать ему, по существующей средней оцѣнкѣ банковъ, свободныя, невоздѣланныя угодья и тѣмъ не только освободить ихъ отъ излишней тяготы, но дать имъ возможность, при тѣхъ же средствахъ, справиться съ меньшимъ хозяйствомъ.

Несомнѣнно, что на такое предложеніе отзовется масса землевладѣльцевъ, такъ какъ оно не только

выгодно, но для многихъ изъ нихъ прямо-таки окажется якоремъ спасенія.

Этимъ и будетъ положено начало образованія государственнаго земельнаго фонда, спеціально предназначеннаго для надѣленія крестьянъ землею; самъ по себѣ, одинъ этотъ фактъ уже несомнѣнно подѣйствуетъ успокоительно на волнующіеся умы сельскаго населенія.

А затѣмъ, покуда будутъ распредѣляться между крестьянами скупленныя такимъ образомъ частно-владѣльческія земли, будетъ возможно произвести и болѣе точныя изслѣдованія другихъ источниковъ земельныхъ запасовъ; разъ эта работа, имѣющая возбудить всеобщій интересъ, не будетъ окружена канцелярскою тайною, а наоборотъ, будетъ производиться открыто, при участіи лучшихъ, наиболѣе практичныхъ и свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ людей, въ особенности же, не обходя при этомъ выборныхъ отъ самихъ крестьянъ, то напередъ можно поручиться, что русскій народъ вновь вооружится своимъ удивительнымъ долготерпѣніемъ и будетъ спокойно ждать, пока «снимутъ и перепишутъ всѣ земли».

Частно-владѣльческія земли могутъ быть пріобрѣтены съ цѣлью надѣленія ими крестьянъ, путемъ экспропріаціи, или путемъ частнаго соглашенія.

Принимая во вниманіе, что большая часть владѣльческихъ земель остается необработанною и не приносящею дохода, ни народу, ни государству, вопросъ о такихъ земляхъ непремѣнно долженъ быть поставленъ на первую очередь.

Относительно такихъ частно-владѣльческихъ земель справедливо, конечно, было бы прибѣгнуть и къ экспро-

пріаціи, такъ какъ съ государственной точки зрѣнія не можетъ быть допущено того, чтобы въ то время, когда земледѣльческій классъ бѣдствуетъ безъ земли, пустопорожнія пространства оставались монополіею незначительнаго по своему числу привилегированнаго класса.

Однакоже, по нѣкоторымъ основаніямъ, можно думать, что значительная часть такихъ ненаселенныхъ и бездоходныхъ земель перейдетъ въ руки государства, а чрезъ него и въ руки крестьянъ, и помимо этой мѣры, путемъ добровольнаго соглашенія, а именно: въ виду того, что масса дворянскихъ земель заложена, и что, при бездоходности заложенныхъ земель, онѣ ложатся на бюджетъ хозяйства весьма тяжелымъ бременемъ, съ полнымъ вѣроятіемъ можно заключить, что владѣльцы ихъ весьма охотно избавятся отъ нихъ, уступивъ ихъ государству по нормальной ихъ расцѣнкѣ.

Для того же, чтобы хотя приблизительно опредѣлить, на какое количество земель такого рода возможно разсчитывать, обратимся къ тому положенію задолженности, въ которомъ находится частное землевладѣніе въ Россіи.

По статистическимъ свѣдѣніямъ долгосрочнаго кредита (1902 г. изд. Голубева, вып. II) картина задолженности частнаго землевладѣнія на 1-е января 1900 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общее число заложенныхъ имуществъ было . .	96,987	
Пространство они занимали	44.993,744	десятины.
Оцѣнка ихъ представляла	2.615,105,880	рублей.
Выдано было подъ нихъ ссудъ	1,514,466,224	рублей.
Остатокъ долга на нихъ числится въ . .	1.442,755,565	рублей.

Такимъ образомъ средняя сумма оцѣнки на десятину выходитъ въ 58 р. 12 к., а средняя сумма ссуды—33 р. 66 к. на десятину.

Въ общемъ же, задолженность банкамъ, по залогамъ частно-владѣльческихъ земель, какъ показываетъ опытъ, не только не уменьшается, а изъ года въ годъ постоянно возрастаетъ, и если предположить, что владѣльцы заложенныхъ земель изъявятъ согласіе на уступку только одной половины, или даже одной трети всѣхъ заложенныхъ земель, то государство изъ этого источника уже можетъ разсчитывать на запасъ въ 15—20 милліоновъ десятинъ.

То, что весьма значительная часть частно-владѣльческой земли заложена въ разныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, для аграрной реформы представляется удобствомъ, облегчающимъ ея осуществленіе, а именно: во-первыхъ, правительство можетъ оставлять за собою всѣ владѣнія, которыя доводились бы до продажи за неуплаты процентовъ въ банки; а во-вторыхъ, оно можетъ вступать въ частныя соглашенія съ землевладѣльцами, желающими облегчить свою задолженность банку, путемъ передачи казнѣ части имѣній.

Участіе земельныхъ банковъ, которые приняли въ залогъ массу недвижимостей, съ учрежденіемъ Обще-Имперскаго Земельнаго Банка, въ дальнѣйшихъ его операціяхъ, можетъ и не прекращаться; вмѣсто того, чтобы выкупать изъ нихъ покупаемыя имѣнія, Обще-Имперскій Земельный Банкъ можетъ переводить на себя лежащія на нихъ долги и погашать ихъ на основаніи уставовъ существующихъ земельныхъ банковъ, когда для этого наступитъ благопріятное время.

При такихъ условіяхъ вся финансовая операція по отношенію къ пріобрѣтенію частно-владѣльческихъ земель и распредѣленію ихъ между крестьянами значительно упростится и облегчится. Обще-Имперскій

Земельный Банкъ явится посредникомъ между существующими банками и крестьянами, гарантируя первымъ исправный платежъ установленныхъ % и погашенія ссуды, а вторымъ—тѣ, сравнительно, льготныя условія, на которыхъ будетъ имъ дана земля, и выдавая имъ дополнительныя ссуды на устройство хуторовъ и обзаведеніе хозяйства.

Очевидно, что такая постановка дѣла будетъ имѣть громадное значеніе, не только по отношенію къ финансированію аграрной реформы, но и въ томъ отношеніи, что существующіе земельные банки, вмѣсто того, чтобы опасаться убыточныхъ для ихъ операцій — послѣдствій отъ предстоящаго земельнаго преобразованія, сами найдутъ въ немъ свои выгоды и окажутъ значительное содѣйствіе въ дѣлѣ его осуществленія.

Путемъ ли экспропріаціи, или путемъ частныхъ соглашеній, но частныя землевладѣнія непремѣнно должны быть урѣзаны въ пользу крестьянъ; съ этимъ частные землевладѣльцы должны согласиться, и если они сами не пойдутъ навстрѣчу такому разрѣшенію переживаемаго аграрнаго кризиса, то этимъ они только ускорятъ неминуемую катастрофу: ожесточенныхъ ихъ упорствомъ крестьянъ невозможно будетъ сдержать, и крупные землевладѣльцы, очутившись въ безвыходно-опасномъ положеніи, сами принуждены будутъ бѣжать изъ своихъ имѣній, бросая ихъ на произволъ судьбы.

Крупные землевладѣльцы должны же въ концѣ концовъ придти къ убѣжденію, что при настоящихъ аграрныхъ волненіяхъ имъ гораздо пріятнѣе и выгоднѣй ликвидировать часть своихъ имѣній и заниматься въ нихъ хозяйствомъ совершенно покойно, чѣмъ си-

дѣть въ нихъ въ заключеніи, какъ въ осажденной со всѣхъ сторонъ крѣпости.

Въ самомъ дѣлѣ, что же ожидаетъ въ будущемъ нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, если они будутъ продолжать игнорировать нужды крестьянъ и, оставаясь на почвѣ антагонизма, не пойдутъ навстрѣчу необходимости удовлетворенія крестьянской нужды въ землѣ?

Судя по истекшимъ уже послѣ крестьянской реформы годамъ, борьба за власть надъ землею идетъ далеко не въ пользу помѣщиковъ, и народъ становится все болѣе твердъ въ своемъ исконномъ убѣжденіи, что побѣда въ концѣ концовъ останется за нимъ, и земля перейдетъ въ его руки.

Да оно иначе и быть не можетъ: помѣщики вымираютъ, а народъ крѣпнетъ и растетъ, несмотря, ни на голодъ, ни на нищету.

Возможно ли разсчитывать, на то, чтобы на такой почвѣ антагонизма крупныя хозяйства стали процвѣтать и, предоставляя сельскому населенію вдоволь земли и работы, подняли бы его благосостояніе?

Очевидно, невозможно.

Большинство изъ нихъ дышатъ на ладанъ; продукты они выпускаютъ однородные и низкаго качества; цѣны на нихъ неустойчивыя, вслѣдствіе тѣхъ случайностей, которыя создаются наводненіемъ ими рынковъ; рабочій трудъ они оплачиваютъ скудно, не обезпечивая существованія окружающаго сельскаго населенія; обложенія и проценты по залогамъ платятъ неисправно; словомъ, влачатъ свое существованіе, воздѣлывая лишь незначительную часть общаго владѣнія, безъ пользы для себя, для окружающаго населенія и для государства.

Единственную надежду на возрожденіе русскаго земледѣлія, слѣдовательно, можно возлагать только на народъ, на нашихъ пахарей, земледѣльцевъ по природѣ, тяготѣющихъ еще къ землѣ.

Земля въ настоящее время не можетъ давать крупныхъ барышей; она едва въ состояніи оплачивать трудъ; поэтому и слѣдуетъ предоставить ее самимъ труженикамъ, надѣляя ихъ, сообразно ихъ работоспособности.

Требуя земли для удовлетворенія своей насущной нужды, народъ исполняетъ свое историческое назначеніе, и всѣ, кто пойдетъ наперекоръ этому требованію, непремѣнно, рано или поздно, должны погибнуть, такъ какъ остановить русскій народъ въ его естественномъ развитіи не можетъ никто.

Не устоятъ и крупные землевладѣльцы въ этомъ народномъ движеніи, если сами они не пойдутъ ему навстрѣчу; оно разростается изъ года въ годъ и грозитъ превратиться въ бурный потокъ, который, какъ стихійная сила, смететъ и поглотитъ всѣ стоящія на его пути преграды.

Скупая свободныя пространства, находящіяся въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, Обще-Имперскій Земельный Банкъ разрѣшитъ разомъ два самыхъ жгучихъ вопроса въ нашемъ сельско-хозяйственномъ кризисѣ,—безземелье крестьянъ и безвыходную задолженность крупныхъ землевладѣльцевъ; созданіе мелкой земельной собственности, обезпечивающей положеніе землепашцевъ и крестьянскаго хозяйства вообще, и на ряду съ этимъ, созданіе средней земельной собственности, болѣе доступной для интеллигентныхъ слоевъ общества, оторванныхъ нынѣ отъ земли, положатъ начало

новой эры въ дѣлѣ экономическаго развитія нашего сельскаго населенія.

Этимъ будетъ положенъ конецъ той розни между земледѣльческимъ классомъ и помѣщиками, которая въ основаніи своемъ имѣетъ аграрныя недоразумѣнія, и благодаря которой въ отношеніяхъ между крестьянами и интеллигентными землевладѣльцами образовалась цѣлая пропасть, а ненависть мужиковъ дошла до буйства и грабежей.

Разъ земледѣльческій классъ будетъ обезпеченъ, онъ, несомнѣнно, успокоится и весь отдастся труду и заботамъ объ устройствѣ собственнаго земельнаго участка. Землевладѣльцы же изъ интеллигентныхъ классовъ общества, избавившись отъ гнетущей ихъ задолженности, примутся за хозяйство на новыхъ началахъ, памятуя, что каждый клочекъ принадлежащей имъ земли долженъ отвѣчать своему назначенію, и что, въ противномъ случаѣ, невоздѣланная, не приносящая дохода земля ляжетъ тяжелымъ бременемъ на ихъ хозяйство и, въ концѣ концовъ, уйдетъ изъ ихъ рукъ. Не даромъ же во времена древняго Рима всякая, невоздѣланная въ теченіе года, земля считалась свободною, кому бы она ни принадлежала; мѣра эта была установлена именно противъ безгранично разросшихся на огромныя пространства латифундій патриціевъ, не имѣвшихъ возможности обработывать ихъ, между тѣмъ, какъ плебеи, крайне нуждаясь въ землѣ, бѣдствовали и, не находя исхода, дошли до открытаго бунта.

Скупленныя, такимъ образомъ, Имперскимъ Банкомъ частно-владѣльческія земли должны продаваться въ соб-

ственность тѣмъ изъ крестьянъ, у которыхъ на это найдутся средства.

Для тѣхъ же изъ крестьянъ, у которыхъ средствъ на покупку земли въ собственность не окажется, выгоднѣе будетъ предоставлять хозяйственные участки въ вѣчное и потомственное владѣніе, на правахъ вѣчно-наслѣдственной аренды.

Къ этой категоріи, по всей вѣроятности, будетъ принадлежать большинство крестьянъ, и источникомъ ихъ удовлетворенія должны служить земли государственныя, удѣльныя, монастырскія и лятифундіи нашей крупной земельной аристократіи, которая никакого желанія разставаться съ своими землями покуда еще не проявляетъ.

Количество частно-владѣльческихъ земель, крѣпко сидящихъ въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, весьма значительно, что и видно изъ слѣдующаго расчета: какъ выше было сказано. всѣхъ частно-владѣльческихъ земель по 50 губерніямъ Европейской Россіи числится 102.028,000 десятинъ; такимъ образомъ оказывается, что бо́льшая ихъ часть, а именно (за вычетомъ 44.993.744 дес.) 57.034.256 десятинъ, т. е. около 55%, не заложена; сюда-то, большею частью, и относятся имѣнія нашей владѣтельной аристократіи, значительная часть которыхъ, весьма вѣроятно, можетъ перейти въ пользованіе крестьянъ на правахъ вѣчно-наслѣдственной аренды.

Кромѣ того, есть еще много земель монастырскихъ составляющихъ около $8^1/_2$ милліоновъ десятинъ (по 49 губерніямъ): и въ числѣ этихъ земель, конечно, найдется масса пустыхъ ненаселенныхъ пространствъ,

на которыхъ окажется выгоднымъ разселять крестьянъ на основаніяхъ вѣчно-наслѣдственной аренды.

Сколько будетъ такихъ земель, предвидѣть, конечно, невозможно; судя же по общимъ отношеніямъ пахотной земли къ остальнымъ, можно допустить, что одна треть, или одна четверть ихъ, съ выгодою можетъ быть эксплоатирована такимъ образомъ, а это составитъ 20—30 милліоновъ десятинъ.

То же самое можно сказать и про государственныя земли.

Едва ли, напримѣръ, можно спорить съ тѣмъ, что государственныя земли должны представлять собою главнѣйшій запасный фондъ, для надѣленія нуждающихся крестьянъ землею и лѣсомъ, что эти-то именно цѣли и составляютъ ихъ важнѣйшее назначеніе.

Даже съ точки зрѣнія доходности казны, назначеніе это никоимъ образомъ не можетъ быть измѣнено; наоборотъ, чѣмъ скорѣе государственныя земли будутъ распредѣлены между нуждающимися хлѣбопашцами и станутъ эксплоатироваться раціональнымъ образомъ, тѣмъ скорѣе и больше онѣ будутъ приносить и дохода государству.

Государственныя земли только въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи занимаютъ пространство около 150 милліоновъ десятинъ; это уже само по себѣ представляетъ собою громадный запасъ для разселенія крестьянъ.

Только въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской губерніяхъ казнѣ принадлежитъ болѣе 100 милліоновъ десятинъ лѣса.

Но, какъ это уже было сказано, государственными землями считаются всѣ земли, не принадлежащія дру-

гимъ владѣльцамъ; поэтому въ составъ ихъ входятъ и такія неудобныя земли, какъ, напримѣръ, тундры (въ Архангельской губ.) и солончаки (въ Астраханской губ).

Оказывается, въ общемъ, что одна треть всей площади, занимаемой государственными землями, покрыта лѣсами, а двѣ трети ея составляютъ неудобныя земли; на это обстоятельство обыкновенно и ссылаются, говоря, что изъ государственныхъ земель надѣлить крестьянъ невозможно; но съ нашей-то точки зрѣнія, признавая, что надѣлять крестьянъ приходится не удобными, но предварительно устроенными землями, обстоятельство это доказываетъ, что государственныя земли, какъ это и слѣдовало ожидать, должны быть главнѣйшимъ и первѣйшимъ источникомъ для надѣленія крестьянъ землею.

Съ этой точки зрѣнія, развѣ только одна треть общаго количества государственныхъ земель, а именно та, которая покрыта лѣсами,—да и то въ томъ только случаѣ, если существованіе ихъ будетъ признано необходимымъ,—не должна приниматься въ расчетъ для надѣленія крестьянъ землею.

Конечно, въ общемъ найдутся и совершенно неудобныя земли, а потому и нельзя считать, что большая часть государственныхъ земель можетъ служить источникомъ для крестьянскихъ поселеній; однакоже, въ виду того, что въ приведенномъ выше расчетѣ опредѣлено количество государственныхъ земель облагаемыхъ, т. е. удобныхъ, то съ большою вѣроятностью можно было бы допустить, что половина этихъ земель, т. е. около 75 милліоновъ десятинъ, могли бы быть предназначены для устройства крестьянскихъ поселеній.

Когда же придетъ время, что государственныхъ земель Европейской Россіи для надѣленія крестьянъ станетъ оказываться недостаточно, то какой же запасъ ихъ еще имѣется въ азіатскихъ нашихъ владѣніяхъ и на Кавказѣ?

Наконецъ остаются еще земли удѣльныя

Удѣльное вѣдомство владѣетъ землями въ 29 губерніяхъ Европейской Россіи; изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить губерніи Архангельскую, Вологодскую и Симбирскую, въ каждой изъ которыхъ имѣется около 1 милліона десятинъ.

Общая же площадь, занимаемая этими землями, составляетъ, какъ это было сказано, около семи съ половиною милліоновъ десятинъ.

Если, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній признать, что подъ вѣчно-наслѣдственную аренду крестьянамъ отойдетъ со временемъ только одна треть удѣльныхъ, земель, то это уже составитъ $2^1/_2$ милліона десятинъ.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что въ общемъ земли для разселенія крестьянъ много, но мало земель устроенныхъ, и придется много поработать надъ неудобными для населенія крестьянъ пространствами для того, чтобы сдѣлать ихъ пригодными для этой цѣли. Но другого выбора нѣтъ, и соображеніе это остановить аграрной реформы не можетъ.

А разъ земли придется устраивать вновь, то одно государство можетъ уже выдѣлить изъ своихъ владѣній требуемое для надѣленія крестьянъ количество земли, составляющее, какъ это было сказано, около 60 милліоновъ десятинъ.

Затѣмъ, около того же количества можно разсчитывать получить изъ земель частно-владѣльческихъ, удѣльныхъ и монастырскихъ.

Слѣдовательно, дѣло разселенія крестьянъ можетъ задержаться, никакъ уже не вслѣдствіе недостатка земель, а вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ причинъ— всего вѣроятнѣе, отъ затрудненій въ отношеніи финансовъ и отъ трудностей, съ которыми сопряжено будетъ созданіе необходимой для его успѣха новой организаціи, состоящей изъ людей, преданныхъ идеѣ устройства народнаго благосостоянія и чуждыхъ предвзятыхъ взглядовъ, основанныхъ на рутинѣ, крѣпостничествѣ и всей бюрократической закваскѣ.

VI.

РАСЧЕТЪ КРЕСТЬЯНЪ МЕЖДУ СОБОЮ И УСТРОЙСТВО ИХЪ НА НОВЫХЪ НАЧАЛАХЪ.

Прежде всего, въ цѣляхъ единообразія проводимой аграрной системы, окажется необходимымъ упорядочить землевладѣнія крестьянъ на мірскихъ надѣлахъ; для этого Обще-Имперскій Банкъ долженъ будетъ оцѣнить эти надѣлы съ усадьбами и строеніями, принять ихъ въ залогъ и изъ причитающейся за нихъ ссуды погасить облигаціями банка остающійся на нихъ долгъ по выкупной операціи.

Остающіеся на надѣльныхъ земляхъ домохозяева, примѣрно, въ числѣ, опредѣленномъ уставною грамотою, согласно постановленію мірского схода, превратятся тогда въ настоящихъ крестьянъ-собственниковъ; имъ должно быть предоставлено, по желанію, или продолжать владѣть землею сообща, на правахъ товарищей, или же раздѣлить ее на соотвѣтствующее число участковъ и владѣть ими каждому въ отдѣльности, на правахъ сосѣдей-собственниковъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, имъ должно быть дано право,

на основаніи общихъ для всѣхъ классовъ общества законовъ, закладывать, дарить и продавать свои земли, или свой пай, а также передавать ихъ въ наслѣдіе, по завѣщанію.

Само собою разумѣется, что при этомъ разъ навсегда, для всѣхъ крестьянскихъ надѣльныхъ участковъ, должно быть установлено общее правило, въ силу котораго никто не можетъ владѣть на правахъ собственности болѣе, чѣмъ однимъ участкомъ, или паемъ, при чемъ, съ другой стороны, ни участокъ, ни пай никогда не могутъ подлежать раздѣлу, а должны находиться во владѣніи одного лица; по наслѣдству, преемственно надѣлъ долженъ переходить отъ отца къ тому изъ сыновей, котораго онъ выберетъ, а остальные сыновья должны, съ помощью родителей, устраиваться на сторонѣ,—кормясь отъ какого-нибудь промысла или ремесла, или же устраивая свое самостоятельное хозяйство на новомъ мѣстѣ.

Будетъ, конечно, да и не мало, такихъ случаевъ, когда крестьяне той или другой общины окажутся въ невозможности удовольствоваться тѣми размѣрами надѣловъ, которые были опредѣлены въ 1861 г.; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что во многихъ мѣстахъ максимумъ размѣра надѣловъ въ 1861 году былъ установленъ ниже того количества земли, которымъ крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ. А съ тѣхъ поръ, кромѣ того, продуктивная способность надѣльной земли значительно понизилась. Во всѣхъ такихъ случаяхъ остающіеся на сельской землѣ домохозяева должны уже сами рѣшать между собою, на какихъ условіяхъ они могли бы уменьшить число остающихся совладѣльцевъ и тѣмъ увеличить для

каждаго изъ нихъ соотвѣтствующую долю соучастія въ землевладѣніи. Имъ можетъ быть, напримѣръ, предоставлено, въ случаяхъ тѣсноты, давать выходныя тѣмъ изъ домохозяевъ, которые сами пожелали бы выйти изъ селенія, или же на которыхъ обязанность эта падетъ по жребію. Обобщать такія условія для всѣхъ, конечно, очень трудно, и подробности ихъ могутъ быть опредѣлены только на мѣстѣ, особо, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

За уплатою долга, остающагося на надѣлахъ по выкупной операціи, отъ ссуды Обще-Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ подъ крестьянскіе надѣлы останется, конечно, извѣстная сумма, въ виду того, что ссуду банкъ долженъ выдавать полную, земля съ 1861 года въ цѣнѣ значительно поднялась, и слѣдуемые за нее выкупные платежи въ большей своей части уже погашены.

Суммы, представляющія собою такой наличный остатокъ, и должны имѣть своимъ назначеніемъ устройство на новыхъ мѣстахъ выбывающихъ изъ сельской общины ея лишнихъ членовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли было бы выгонять лишнихъ крестьянъ изъ-подъ родительскаго крова, нищими, безъ всякаго вознагражденія за землю, въ выкупѣ которой они принимали участіе?

Безъ сомнѣнія, нѣтъ.

Оставшіеся въ деревнѣ домохозяева, конечно, и сами получатъ землю не даромъ, а всю ее должны будутъ выкупать изъ Обще-Имперскаго Земельнаго Банка; но зато они получатъ ее въ количествѣ значительно большемъ, чѣмъ то, на которое они имѣли право разсчитывать, и при томъ по удешевленной

цѣнѣ, а именно, только за банковскій долгъ, обыкновенно представляющій собою двѣ трети, или три четверти оцѣнки ея.

Ссуда, выдаваемая Обще-Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ подъ крестьянскіе надѣлы, въ руки крестьянъ ни въ какомъ случаѣ попадать не должна; поэтому, если, по отношенію къ остающимся на старыхъ мѣстахъ домохозяевамъ, часть ссуды поступитъ въ погашеніе остающагося на надѣлахъ долга по выкупной операціи, то, по отношенію къ выбывающимъ изъ общины крестьянамъ, другая часть ея должна зачислиться въ видѣ задатковъ за пріобрѣтаемые и устраиваемые ими чрезъ тотъ же банкъ новые земельные участки.

Однакоже, такъ какъ далеко не всѣ выбывающіе изъ сельской общины члены ея захотятъ заниматься земледѣліемъ, а многіе изъ нихъ и въ настоящее время живутъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ и кормятся отъ другого дѣла, то спрашивается, слѣдуетъ ли и такимъ крестьянамъ выдавать изъ получаемой ссуды вознагражденіе за лишеніе ихъ права на надѣльную землю?

На первый взглядъ казалось бы, что члены сельской общины, какъ дѣти одной семьи, всѣ равны, а потому всѣ и имѣютъ равныя права въ доляхъ вознагражденія за мірскую землю.

Однакоже, съ точки зрѣнія государственнаго землеустройства и въ виду того спеціальнаго назначенія, для котораго будетъ основанъ Обще-Имперскій Земельный Банкъ, выдѣленіе какихъ бы то ни было долей изъ суммъ, выдаваемыхъ имъ въ ссуду подъ крестьянскіе надѣлы, такимъ лицамъ, которые не занимаются земледѣліемъ, крестьянами называются только

по имени и съ сельскою общиною сохраняютъ связь чисто искусственную, основанную лишь на паспортной системѣ и на распоряженіяхъ чисто-полицейскаго порядка, было бы крайне непослѣдовательно и несправедливо.

По отношенію къ лицамъ, кормящимся на сторонѣ отъ какого-нибудь ремесла или промысла, поэтому, прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ, представляютъ ли они сами изъ себя домохозяевъ, или же они являются отпущенными на заработки младшими членами той или другой семьи? Въ первомъ случаѣ, если живущій на сторонѣ домохозяинъ пожелаетъ продолжать владѣть старою землею, самъ, или для сына, или же переселиться на новое мѣсто, смотря по тому, какъ рѣшитъ мірской сходъ, то ему конечно, въ этомъ отказать нельзя. Но если онъ не домохозяинъ, то права на вознагражденіе за мірскую землю за нимъ не слѣдуетъ признавать никакого, а всѣ тѣ деньги, которыя онъ посылалъ въ деревню, хотя бы и на уплату недоимокъ по выкупу земли, слѣдуетъ признать только за вспомоществованія, оказываемыя роднымъ. Пусть родные между собою, какъ хотятъ, такъ и считаются; банкъ въ эти расчеты, конечно, входить не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отношенія крестьянъ къ сельской общинѣ, къ которой они приписаны, въ тѣхъ случаяхъ, когда они земледѣліемъ не занимаются, да и не имѣютъ никакого желанія заниматься, а живутъ вдалекѣ отъ родины, кормясь отъ постороннихъ заработковъ, не только номинальныя, но и зачастую прямо насильственныя, основанныя на вымоганіи денегъ, подъ угрозою невыдачи паспорта и возвращенія въ де-

ревню, по этапу. Такая зависимость и обязанность посылать деньги особенно тягостна, и единственно, что хоть сколько-нибудь миритъ крестьянъ, живущихъ вдали отъ родины, съ ихъ положеніемъ, это жалость ихъ къ семьямъ, къ женамъ и дѣтямъ, которыя нерѣдко остаются въ деревняхъ, или къ самимъ родителямъ, нуждающимся въ помощи отъ выращенныхъ ими дѣтей.

Правда, что разъ крестьянинъ поставленъ уже на ноги настолько, что онъ можетъ самостоятельно кормиться отъ какого-нибудь ремесла, или иного занятія, независимо отъ родителей, то одно уже это обстоятельство вполнѣ оправдываетъ право родителей на полученіе помощи со стороны взрослыхъ дѣтей. Само собою, поэтому, разумѣется, что семейныхъ отношеній, основанныхъ на чувствѣ родственности и признательности, никто касаться и не долженъ; такія родственныя отношенія, устанавливаемыя добровольно сами собою, помимо всякой регламентаціи и принужденія, заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія. Но избавленіе отъ обязанности высылать въ деревню деньги, подъ угрозою невысылки паспорта и возвращенія «на родину» по этапу, въ общемъ, не только облегчитъ положеніе большинства трудящагося люда, числящагося крестьянами только по названію, но будетъ принято ими прямо-таки, какъ второе освобожденіе.

Поэтому, если, смотря по семейнымъ обстоятельствамъ, между домохозяевами, остающимися на надѣлахъ, или переселяющимися на новыя мѣста, съ одной стороны, и живущими на сторонніхъ заработкахъ младшими членами семьи, съ другой, добровольно установятся какія-нибудь взаимныя обязательныя пла-

тежныя отношенія, тѣмъ лучше. Въ этомъ направленіи должна быть предоставлена полнѣйшая свобода, такъ какъ такой исходъ для семейныхъ расчетовъ между расходящимися въ разныя стороны крестьянами представляется вполнѣ желательнымъ, какъ единственно основательный и справедливый.

Важнѣе всего то, чтобы вполнѣ отдѣлился классъ свободныхъ землепашцевъ отъ другихъ классовъ общества, принадлежащихъ къ сферамъ промышленности, ремесленниковъ и разныхъ профессій. Важно то, чтобы и тѣ, и другіе могли трудиться самостоятельно, на пользу свою личную и своихъ семей; это будетъ наилучшей гарантіей въ томъ, что каждый субъектъ, къ какому бы онъ классу ни принадлежалъ, будетъ разсчитывать только на свои силы, а потому, для достиженія благосостоянія, будетъ напрягать всѣ свои способности. Домохозяева, лежа на печахъ, не будутъ уже выжимать денегъ отъ посланныхъ на заработки членовъ ихъ семьи, а находящіеся на сторонніхъ заработкахъ младшіе члены семьи не будутъ разсчитывать на то, что, въ случаѣ ихъ обнищанія, ихъ даромъ будетъ кормить община.

Очевидно, что основаніемъ въ раздѣлѣ между членами семьи должно служить ихъ семейное имущество, которое въ крестьянскомъ быту строго отдѣляется отъ имущества личнаго, принадлежащаго каждому члену семьи въ отдѣльности, а тѣмъ болѣе ничего общаго не имѣетъ съ мірскою землею.

Семейное имущество крестьянъ, главнымъ образомъ, состоитъ изъ двора, построекъ, скота, хлѣба и хозяйственнаго инвентаря.

Если крестьянская семья зажиточная, то, съ ея помощью, нетрудно будетъ ея членамъ устраиваться и на сторонѣ, помимо земледѣлія, или же поселяясь на новомъ земельномъ участкѣ; если же семья бѣдная, то бѣдствовать, конечно, придется и ея членамъ, какое бы занятіе они себѣ ни выбрали; это въ порядкѣ вещей.

Смотря по достатку семьи, можетъ оказаться, что выбывающіе изъ нея члены могутъ разсчитывать отъ нея на подмогу, или же принуждены будутъ, покоряясь обстоятельствамъ, обходиться собственными силами и средствами; могутъ встрѣчаться и такіе случаи, что бѣдная крестьянская семья сама при раздѣлѣ получитъ вспомоществованіе отъ удачно устроившихся на сторонѣ ея членовъ. Такіе семейные расчеты, какъ сказано, слѣдуетъ, конечно, предоставить на усмотрѣніе самихъ крестьянъ, такъ какъ всякое вмѣшательство въ семейныя отношенія могло бы только осложнить эти отношенія и дать поводъ къ такимъ претензіямъ и требованіямъ со стороны выбывающихъ членовъ семьи, съ которыми невозможно будетъ и справиться.

Здѣсь будетъ умѣстно сказать и о томъ, насколько важно, чтобы Обще-Имперскій Земельный Банкъ выдавалъ ссуды, не только подъ надѣльныя земли, но и за дворы и, вообще, за постройки, такъ какъ безъ этого, при бѣдности нашего сельскаго населенія, рѣшительно невозможно разсчитывать на развитіе благосостоянія крестьянъ, а главное, на успѣшное ихъ разселеніе.

Нужно ли доказывать, насколько постройки въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не только жилыя, но и хо-

зяйственныя, играютъ важную роль и требуютъ весьма значительныхъ затратъ? А между тѣмъ Крестьянскій банкъ не входилъ въ нужды сельскаго населенія по этой важной статьѣ хозяйства и не выдавалъ подъ нихъ ссуды.

Обстоятельство это является одною изъ самыхъ главныхъ причинъ, обусловившихъ неуспѣшность дѣйствій Крестьянскаго банка въ дѣлѣ разселенія крестьянъ на купленныхъ ими земляхъ.

Въ самомъ дѣлѣ: если бы возведеніе построекъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ поощрялось выдачами подъ нихъ ссудъ, то разселеніе лишнихъ крестьянскихъ семей изъ общинъ установилось бы уже давно, само собою, такъ какъ самымъ главнымъ препятствіемъ, задерживающимъ такое разселеніе, является полный недостатокъ средствъ на возведеніе построекъ, въ то время, какъ значительныя средства нужны при этомъ еще и на обзаведеніе скотомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ.

Поэтому-то и оказывается, что даже и тѣ изъ домохозяевъ, которые купили чрезъ крестьянскій банкъ земли, и которые могли бы переселять на нихъ своихъ женатыхъ сыновей, въ дѣйствительности, продолжаютъ жить вмѣстѣ, въ страшной тѣснотѣ и грязи, въ полуразвалившейся, холодной избѣ. А земля, на покупку которой съ великимъ напряженіемъ затрачиваются послѣднія средства, остается безъ ухода и удобренія, вдали отъ дома, какъ чужая.

Критическое положеніе нашихъ крестьянъ въ отношеніи ихъ жилищъ и построекъ сдѣлалось уже для многихъ изъ нихъ безвыходнымъ и отчаяннымъ; прежнія теплыя избы давно уже сгнили и замѣнены

кое-какими избенками изъ тонкаго, плохонькаго лѣса; но и тѣ уже покосились и валятся. А лѣса становятся все рѣже и дороже, и для кармана крестьянъ, поэтому, все недоступнѣе.

Исходъ изъ такого положенія необходимъ и долженъ быть обязательно найденъ вмѣстѣ съ рѣшеніемъ вопроса о земельномъ устройствѣ крестьянъ; ограничиваться при этомъ одними обсужденіями улучшеній крестьянскихъ построекъ въ отношеніяхъ удобства, прочности и пожаровъ долѣе уже не приходится: прежде всего необходимо изыскивать и дать крестьянамъ средства для возведенія своихъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ; а средства потребуются весьма значительныя, такъ какъ разорены постройки, за рѣдкими исключеніями, у всѣхъ крестьянъ, и перестраивать нужно, чуть ли, не всю Россію.

Очевидно, что самый естественный и прямой выходъ изъ этого положенія и есть именно тотъ, на который указывается, а именно, чтобы Обще-Имперскій Земельный Банкъ щедро выдавалъ ссуды подъ постройки и тѣмъ далъ бы крестьянамъ средства устраивать для себя прочное, теплое и уютное жилье и порядочныя хозяйственныя постройки.

Щедро слѣдуетъ выдавать ссуды подъ крестьянскія постройки и обзаведеніе, не только въ видѣ помощи при устройствѣ теплаго дома и удобнаго хозяйства, но и съ цѣлью привязать поселяющіяся на новыхъ мѣстахъ крестьянскія семьи къ своимъ недвижимостямъ и пріохотить ихъ къ воздѣлыванію новыхъ участковъ.

Кстати сказать, вопросъ о крестьянскомъ жильѣ былъ совершенно упущенъ изъ виду при всѣхъ по-

чти предлагавшихся проэктахъ по крестьянскому благоустройству, а между тѣмъ вопросъ этотъ не уступаетъ, по своему значенію въ крестьянской жизни, вопросу о землѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы хороша ни была земля, и сколько бы ея ни было, но если семьѣ крестьянина и его скоту негдѣ пріютиться, то у него не будетъ возможности и вести хозяйство. Съ другой же стороны, если и для семьи и для скота будетъ удобное и теплое помѣщеніе, то онъ непремѣнно будетъ дорожить своимъ домомъ и устройствомъ, такъ какъ одно это обстоятельство уже облегчитъ его положеніе и поможетъ ему переносить съ большею стойкостью всевозможныя невзгоды и лишенія.

Привязать человѣка къ своему дому и къ своей землѣ только тогда и можно, когда дома ему будетъ лучше жить, чѣмъ на чужой сторонѣ: а когда мужику даже и въ тюрьмѣ кажется теплѣе и сытѣе, чѣмъ дома, то не мудрено, что онъ изъ дома и бѣжитъ, куда глаза глядятъ.

Если человѣку дома живется не только хорошо, а только сносно, то онъ своимъ насиженнымъ гнѣздомъ дорожитъ, и никакихъ искусственныхъ мѣръ для того, чтобы онъ не бросилъ его, принимать не приходится; распространяться объ этомъ было бы излишне, настолько это общеизвѣстно; одно только можно вывести изъ этого, по отношенію къ положенію нашихъ крестьянъ, это то, что бѣгутъ они не отъ земли, а отъ того, что дома имъ жить невозможно: и тѣсно и грязно, да и ѣсть нечего.

Многіе изъ самыхъ видныхъ и почтенныхъ дѣятелей временъ освобожденія крестьянъ проповѣдуютъ

необходимость принципа неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, въ виду, будто бы, огромной опасности, въ случаѣ свободнаго ихъ отчужденія, угрожающей со стороны кулаковъ и міроѣдовъ, которые стали бы скупать крестьянскіе надѣлы въ однѣ руки, пуская землепашцевъ съ ихъ семьями, безъ земли, по міру.

Но человѣкъ не растеніе, которое можно сажать и пересаживать по личному произволу: онъ самъ выбираетъ мѣста и занятія, какія ему нравятся, и уходитъ туда, гдѣ лучше. Истекшіе послѣ освобожденія крестьянъ почти четыре съ половиною десятка лѣтъ доказали, что искусственное закрѣпощеніе крестьянъ къ землѣ привело къ самымъ плачевнымъ результатамъ, и что мѣра эта послѣ разоренія крестьянъ привела къ аграрнымъ волненіямъ.

Устройство теплыхъ жилищъ для крестьянскихъ семей и удобныхъ помѣщеній для скота, вотъ чѣмъ только и можно привязать крестьянъ къ землѣ и чѣмъ можно въ значительной степени парализовать возможность скупки крестьянскихъ надѣловъ въ однѣ руки.

Въ самомъ дѣлѣ: кулаки и спекуляторы, пожалуй, и готовы были бы скупать пустыя земли и тѣмъ увеличивать собственныя владѣнія; но скупать застроенныя земли, хутора съ хозяйственными устройствами, подъ которые выданы щедрыя ссуды,—для нихъ оказалось бы дѣломъ совершенно неподходящимъ; строенія и устройство, при покупкѣ земли, ими не цѣнятся, и берутъ они ихъ обыкновенно даромъ, на сломъ. Такой устроенный хуторъ имѣетъ значеніе только для землепашца, который одинъ и найдетъ расчетъ щедро заплатить за жилыя и нежилыя постройки, безъ которыхъ ему и обойтись невозможно; а для кулака они

*

явились бы непроизводительною затратою денегъ и невыгодною аферою.

Землепашецъ, при покупкѣ хутора чрезъ банкъ на легкихъ условіяхъ, всегда дастъ цѣну дороже, чѣмъ кулакъ, въ особенности же, когда при этомъ землепашцу будутъ предоставлены разныя льготы по обзаведенію скотомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ. Конкурировать съ землепашцами при покупкѣ земли, въ цѣнѣ, покуда невозможно, и положеніе это продолжится еще много лѣтъ, пока сельское населеніе въ этомъ отношеніи окажется насыщеннымъ, чего еще далеко не видно.

До положенія же, подобнаго тому, которое пережила въ средніе вѣка Англія, когда вслѣдствіе выгодности овцеводства промышленники начали скупать крестьянскіе хутора, сносить прочь и замѣнять ихъ пастбищами, Россія едва ли когда-нибудь доживетъ: Англія—страна торгово-промышленная, а Россія—земледѣльческая; какъ бы въ ней ни развивались успѣшно торговля и промышленность, но земледѣліе всегда будетъ главнѣйшимъ источникомъ ея производительныхъ силъ, а идеаломъ русскаго крестьянина всегда будетъ, не жизнь фабричнаго или заводскаго работника, а маленькое хозяйство, на своемъ земельномъ участкѣ, по примѣру, не англійскаго работника, а французскаго поселянина.

Для Россіи покуда совершенно достаточно воспрещенія закономъ скупки въ однѣ руки крестьянскихъ земельныхъ участковъ, съ одной стороны, и раздѣла ихъ на части, съ другой. Остальное нужно предоставить времени и опыту.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно значенія для крестьянъ скотоводства и относительно необходимости, со стороны Обще-Имперскаго Земельнаго Банка, всячески помогать и содѣйствовать имъ въ дѣлѣ обзаведенія скотомъ, такъ какъ отъ этого обстоятельства стоитъ въ прямой зависимости вся судьба крестьянскаго хозяйства и, слѣдовательно, и обезпеченіе Банка, по отношенію къ выданной подъ хозяйственный участокъ ссудѣ.

Безъ скота крестьянинъ и на хуторѣ не можетъ скопить себѣ надлежащаго достатка; благосостояніе въ крестьянскомъ быту всегда измѣряется количествомъ лошадей и скота: деньги же водятся, сравнительно, только у немногихъ крестьянъ, а потому и играютъ роль второстепенную.

Если есть у крестьянина скотъ, то всегда могутъ быть и деньги: стоитъ только въ случаѣ надобности продать ту или другую скотинку.

Въ случаѣ, напримѣръ, выдачи замужъ дочери, или выдѣла женатаго сына, скотъ всегда выручитъ: его даютъ въ приданое, его могутъ дать и сыну, при заведеніи имъ отдѣльнаго хозяйства на новомъ мѣстѣ.

У кого есть скотъ, есть и деньги, а у кого нѣтъ скота, не можетъ быть и денегъ; въ такіе моменты семейныхъ выдѣловъ и раздѣловъ крестьяне, не имѣющіе скота и лошадей, испытываютъ особыя затрудненія и нерѣдко становятся въ безвыходное положеніе, доводящее ихъ до разоренія и нищеты.

Такимъ крестьянамъ, у которыхъ нѣтъ лошадей и скота, если не дать имъ возможности обзавестись ими, нечего давать и землю: все равно изъ этого не можетъ выйти ничего хорошаго, такъ какъ они сами

не въ состояніи будутъ обрабатывать ее, а если бы и удалось имъ принанять лошадь въ рабочее время, то они землю живо выпашутъ и истощатъ, такъ какъ земля безъ скота и удобренія долго кормить людей не можетъ.

Самый климатъ Россіи поставилъ земледѣліе въ такія условія, что лѣтомъ оно требуетъ огромной рабочей силы, а зимою крестьянину приходится сидѣть безъ дѣла. Зимняя работа нужна крестьянину, и найти ее ему необходимо дома, не отрываясь отъ хозяйства и семьи; мѣстныхъ промысловъ и заработковъ, въ общемъ, очень немного, а создаваемыя искусственно кустарныя мастерства, хотя и достигаютъ въ иныхъ мѣстахъ нѣкотораго улучшенія крестьянскаго благосостоянія, но, въ общемъ, постоянной зимней работы всему сельскому населенію дать не въ состояніи.

Сельское населеніе въ Россіи располагаетъ, какъ уже сказано, громаднымъ запасомъ рабочей силы, пропадающей непроизводительно въ наибольшей своей части: находя себѣ примѣненіе почти исключительно въ полевыхъ работахъ, силы эти заняты едва ли болѣе ста дней въ году, причемъ въ остальное время онѣ не только остаются безъ работы, но еще поглощаютъ всѣ запасы, скопленные лѣтнимъ трудомъ; такимъ образомъ зимою разрушается то, что создается лѣтомъ, и въ этомъ заколдованномъ кругѣ проходитъ вся жизнь крестьянина, безотрадная и безнадежная; въ этомъ обстоятельствѣ заключается одна изъ главныхъ причинъ безъисходной бѣдности русскаго крестьянина, который не можетъ увеличивать свое благосостояніе путемъ сбереженій и лишеній, а обреченъ, не заглядывая далеко въ будущее, забо-

титься только о томъ, какъ бы прокормиться зиму и пережить до слѣдующаго лѣта, когда онъ снова получитъ возможность приняться за тотъ же трудъ и за тѣ же заботы.

Въ этомъ-то именно явленіи и заключается существенная разница въ экономическомъ положеніи русскихъ крестьянъ въ сравненіи съ сельскимъ населеніемъ западно-европейскихъ государствъ, гдѣ, благодаря болѣе мягкому климату, полевыя работы продолжаются почти непрерывно въ теченіе круглаго года.

Развитіе скотоводства, коневодства, овцеводства, свиноводства, птицеводства, и т. п. уже въ значительной степени займетъ крестьянское семейство въ зимнее время; а если, кромѣ того, крестьянинъ, благодаря значительнымъ запасамъ удобренія, будетъ имѣть возможность производить посѣвы промышленныхъ растеній, то это разовьетъ самыя разнообразныя отрасли домашняго производства.

Поэтому помощь, оказываемая Банкомъ землепашцу, покупающему хуторъ, — не должна ограничиваться только ссудами подъ землю и скотъ.

Банкъ долженъ помогать ему еще и въ полученіи саженцевъ и сѣмянъ, для сада, огорода и полей, а также и въ покупкѣ орудій и, вообще, сельско-хозяйственнаго инвентаря, указывая ему фирмы, отъ которыхъ онъ, съ разрѣшенія его и за его поручительствомъ, можетъ получить въ кредитъ, на резонныхъ условіяхъ, то или иное количество необходимыхъ предметовъ.

Всѣ эти обстоятельства должны быть обязательно приняты во вниманіе при составленіи устава Обще-Имперскаго Земельнаго Банка, задача и назначеніе

котораго заключаются въ томъ, чтобы во всемъ оказывать крестьянину полное содѣйствіе, по возможности стараясь удовлетворять всѣ его требованія.

Приведенныя соображенія относительно необходимости оказывать поддержку и вспомоществованія крестьянамъ при обзаведеніи ихъ скотомъ, постройками, хозяйственнымъ инвентаремъ и прочими полезными предметами, касаются не только устройства хозяйствъ на мірскихъ земляхъ, но и устройства хуторовъ на новыхъ участкахъ, покупаемыхъ ли въ вѣчное владѣніе, или же снимаемыхъ на правахъ вѣчно-наслѣдственной аренды.

На новыхъ мѣстахъ однакоже дѣятельность Обще-Имперскаго Земельнаго Банка, по устройству крестьянскихъ хозяйствъ, должна быть еще шире.

Скупая ненаселенныя и невоздѣланныя, бездоходныя земли, входящія въ составъ частно-владѣльческихъ дачъ, или снимая ихъ на правахъ вѣчно-наслѣдственной аренды, Обще-Имперскій Земельный Банкъ въ скоромъ времени будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи значительный запасъ земель для распредѣленія ихъ между тѣми крестьянскими семьями, которыя, выбывая изъ сельскихъ общинъ, пожелаютъ устроиться своимъ хозяйствомъ на собственныхъ участкахъ.

Не слѣдуетъ конечно закрывать глаза предъ тѣмъ обстоятельствомъ, что переселеніе крестьянъ на неустроенныя и неудобныя земли представитъ собою громадныйшія затрудненія. Но другого исхода нѣтъ, а потому поневолѣ приходится справляться съ этими трудностями и создавать сложную организацію, которой оказалось бы по силамъ разрѣшеніе столь трудной задачи.

Кто же виноватъ въ томъ, что разселеніе крестьянъ по пустопорожнимъ мѣстамъ не было допущено ранѣе? Если бы крестьяне не были замкнуты въ своихъ общинахъ, то такое разселеніе совершалось бы естественно, незамѣтно, по мѣрѣ прироста населенія.

Но прошлаго не вернуть, и теперь приходится сдѣлать чрезвычайное усиліе для того, чтобы разомъ удовлетворить по возможности всю массу нуждающихся въ землѣ крестьянъ.

Нечего и говорить также, что разселеніе крестьянъ по ненаселеннымъ и неудобнымъ мѣстамъ потребуетъ громадныхъ средствъ, которыхъ у крестьянъ нѣтъ. Поэтому мѣра эта въ глазахъ народа покуда и не вызываетъ сочувствія, и онъ всѣ свои надежды возлагаетъ на возможность пользованія сосѣдними частно-владѣльческими, воздѣланными землями.

Но, если тѣ же неудобныя земли будутъ приведены въ культурный видъ на средства Обще-Имперскаго Земельнаго Банка, то очевидно, что взглядъ на нихъ крестьянъ совершенно измѣнится, и они прекрасно поймутъ, какими средствами и путями должно достигаться ихъ разселеніе и осуществляться правильная эксплоатація земель.

Прежде чѣмъ нарѣзать такіе земельные участки и передавать ихъ въ пользованіе крестьянъ, Обще-Имперскій Земельный Банкъ долженъ привести купленныя имъ земли въ порядокъ, такъ какъ иначе онъ не только поставилъ бы переселяющихся на нихъ землепашцевъ въ самое затруднительное положеніе, но во многихъ случаяхъ и вовсе не нашелъ бы охотниковъ на нихъ селиться.

Роль Обще-Имперскаго Земельнаго Банка не можетъ ограничиваться однимъ тѣмъ, что онъ явится посредникомъ или коммиссіонеромъ между крестьянами и продавцами земли; этимъ назначеніе его существовенно отличается отъ дѣятельности Крестьянскаго банка, не принимавшаго никакого участія въ землеустройствѣ крестьянъ.

Обще-Имперскій Земельный Банкъ долженъ быть прежде всего организаторомъ, имѣющимъ въ виду насажденіе средней и мелкой земельной собственности; поэтому онъ не можетъ довольствоваться, подобно Крестьянскому банку, простою передачею земельныхъ участковъ въ руки крестьянскихъ обществъ или товариществъ, нерѣдко обрекая эти земли, какъ это показалъ опытъ, на разореніе.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ не сознать, что скупленныя Обще-Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ земли, состоящія изъ пустошей, болотъ, пустопорожнихъ мѣстъ съ пнями изъ-подъ вырубленныхъ лѣсовъ, или же кочковатыхъ, вытоптанныхъ скотомъ, покрытыхъ негодною порослью пространствъ, для распредѣленія на крестьянскіе хутора мало пригодны, и что, поселяясь на нихъ, крестьянинъ сразу надорветъ свои силы и средства на ихъ устройство и пропадетъ?

Несомнѣнно, что большинство такихъ земель для ихъ устройства потребуютъ весьма сложныхъ предварительныхъ работъ, совершенно недоступныхъ для крестьянина, какъ — по ихъ дороговизнѣ, такъ и потому еще, что произвести ихъ придется разомъ на значительныхъ пространствахъ, а не отдѣльно на каждомъ ограниченномъ по своимъ размѣрамъ участкѣ, предназначаемомъ для хутора.

Прежде всего, напримѣръ, въ видахъ водоснабженія устраиваемыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, придется озаботиться объ устройствѣ колодцевъ и водоемовъ, для чего и сооружать запруды, прочищать рѣчки, рыть колодцы и т. п.

Затѣмъ нужно будетъ осушать болота, образовывать водостоки, корчевать пни и негодную поросль, проводить дороги, словомъ—производить массу такихъ работъ, которыя для одинокихъ крестьянъ вовсе не по средствамъ, но безъ которыхъ между тѣмъ устроить сколько-нибудь удобное хозяйство не представляется возможности.

Для выполненія такихъ предварительныхъ работъ, при Обще-Имперскомъ Земельномъ Банкѣ долженъ быть образованъ техническій комитетъ, состоящій изъ инженеровъ, техниковъ, агрономовъ и другихъ спеціалистовъ.

Расходы по исполненію такихъ работъ отнесутся на счетъ образуемыхъ для продажи крестьянамъ участковъ, цѣнность которыхъ такимъ образомъ и возрастетъ сообразно стоимости произведенныхъ сооруженій и улучшеній.

Съ точки зрѣнія обезпеченія банковской ссуды, бояться расходовъ на полезныя сооруженія рѣшительно нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ обстроенный и раціонально устроенный хозяйственный участокъ подниметъ продажную его стоимость значительно выше той суммы, которая будетъ израсходована на эти сооруженія и улучшенія. За примѣрами въ этомъ отношеніи ходить не далеко; цѣны на устроенныя земли за послѣдніе года почти повсюду удвоились, и мѣста, гдѣ бы можно было ку-

пить ихъ дешевле ста рублей за десятину, стали очень рѣдки; неустроенную же землю, какъ, напримѣръ, такую, которая осталась съ пнями послѣ вырубленнаго лѣса, въ тѣхъ же мѣстахъ можно пріобрѣтать рублей по 30 за десятину; мѣста же болотистыя и поросшія кочками и негодною порослью, можно покупать еще дешевле; такихъ мѣстъ въ общемъ весьма много, такъ какъ крупные землевладѣльцы при своемъ многоземельи и недостаткѣ средствъ на нихъ въ большинствѣ случаевъ не обращаютъ никакого вниманія.

Такія предварительныя работы, также какъ и возведеніе построекъ за счетъ банка, явились бы для крестьянъ истиннымъ благодѣяніемъ; это дало бы имъ кромѣ того возможность, не теряя времени на строительныя работы, немедленно же приняться за обработку полей и насажденіе сада и огорода и, вообще, за земледѣліе.

Но и интересы самого банка требуютъ, конечно, того, чтобы землепашецъ, купившій хуторъ, по возможности скорѣе началъ бы платить за ссуды установленные % и погашенія.

Очевидно, что размѣръ оказываемаго во всѣхъ этихъ случаяхъ кредита долженъ быть строго ограниченъ извѣстными предѣлами.

По отношенію къ крестьянамъ, выдѣляющимся изъ общины, размѣры эти, прежде всего, зависятъ отъ той суммы, которая послѣ залога общественной надѣльной земли поступитъ въ банкъ въ видѣ задатка. Если, по своимъ правиламъ, банкъ будетъ разрѣшать ссуды въ размѣрѣ, напримѣръ, 75% оцѣнки, то этимъ самымъ уже опредѣлится сумма, которую можно

будетъ израсходовать на устройство крестьянскаго участка.

Представимъ себѣ, также для примѣра, что на долю выходящаго изъ общины землепашца, послѣ залога надѣльной земли, пришлось 200 рублей, которые и поступили въ видѣ задатка въ банкъ; въ этомъ случаѣ, кредитъ землепашцу открывается въ 600 рублей, а весь расходъ на устройство его участка опредѣляется въ 800 рублей. Очевидно, что на эту сумму трудно купить и вполнѣ устроить крестьянскій хозяйственный участокъ; однакоже, нельзя отрицать и того, что такая помощь крестьянину со стороны банка окажется для него весьма существенною. Если же у крестьянина, помимо этого, въ запасѣ окажутся еще кое-какія свои средства, то положеніе его будетъ болѣе, чѣмъ обезпечено, такъ какъ онъ можетъ дополнить задаточную сумму своими личными деньгами, и тогда соотвѣтственно увеличатся и размѣры открываемаго ему кредита.

Такіе же дополнительные взносы, въ размѣрѣ 25% стоимости необходимыхъ предметовъ, крестьянину должно быть предоставлено дѣлать и при покупкѣ сѣмянъ и саженцевъ, а также и при обзаведеніи скотомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ.

Главная задача, которая должна имѣться въ виду при насажденіи мелкой собственности и устройствѣ хуторовъ на началахъ вѣчнаго и потомственнаго владѣнія, заключается въ томъ, чтобы поставить русскихъ землепашцевъ въ наиболѣе благопріятныя условія, соотвѣтствующія ихъ настоящему уровню развитія, для успѣшнаго хозяйства и для постепеннаго перехода отъ трехпо-

лія къ многополію, травосѣянію и, вообще, интенсивной культурѣ.

Когда крестьянинъ, на своемъ хуторѣ, окажется обставленнымъ, какъ слѣдуетъ, для того чтобы успѣшно вести хозяйство, то онъ безъ всякаго сомнѣнія примется за дѣло самымъ энергичнымъ образомъ; положеніе его при этомъ будетъ настолько независимо и покойно, что онъ его ни на какое другое и не промѣняетъ: вѣдь, жить своимъ домомъ, на своемъ собственномъ участкѣ, это мечта каждаго земледѣльца, и при томъ мечта, до сихъ поръ еще кажущаяся ему недостижимою. Въ этомъ обстоятельствѣ и слѣдуетъ видѣть наилучшее обезпеченіе произведенныхъ банкомъ затратъ на устройство крестьянскаго участка. Пусть участокъ этотъ будетъ меньшихъ размѣровъ, но удобенъ, какъ въ отношеніи жилья, такъ и въ отношеніи помѣщенія для скота, а также и въ отношеніи расположенія полей, луговъ и выпаса. На хорошо устроенномъ хуторѣ крестьянинъ, при небольшомъ количествѣ земли, можетъ быстро перейти къ интенсивному хозяйству; на большомъ же, но неустроенномъ пространствѣ, онъ только надорветъ свои силы, землю выпашетъ, а послѣ ея истощенія, и самъ изнеможетъ и впадетъ въ нищенство.

Обстоятельство это весьма важно, и принять его во вниманіе необходимо теперь же, такъ какъ, при той бѣдности и нищетѣ, въ которую впало наше сельское населеніе, едва ли многіе изъ крестьянъ окажутся въ состояніи сами устроить хозяйственные участки даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы имъ землю предоставили совершенно даромъ. Поэтому даровая раздача земли и не принесла бы ожидаемой отъ этой мѣры пользы,

между тѣмъ какъ кредитъ, открываемый крестьянамъ на разумныхъ основаніяхъ, несомнѣнно дастъ возможность сельскому населенію постепенно улучшать свое благосостояніе.

Русскій крестьянинъ въ состояніи за все заплатить своимъ трудомъ, а потому о подаркахъ не можетъ быть и рѣчи. Ему нужна земля, а когда будетъ земля, будетъ нужна возможность производительно трудиться. Поэтому, если Обще-Имперскій Земельный Банкъ поставитъ русскаго землепашца въ такія условія, что за землю, за строенія, за скотъ, за инвентарь и прочее придется платить 25% ихъ стоимости, а остальную сумму можно будетъ выплатить трудомъ, то Банкъ окажется вполнѣ на высотѣ выполненія своего назначенія.

Понятно, съ другой стороны, что нѣкоторыя работы, по устройству своихъ хуторовъ, крестьяне могутъ произвести собственными силами, что они признаютъ для себя выгоднѣе и сами; къ такимъ работамъ относятся, напримѣръ, слѣдующія:

1) окопать границы своихъ владѣній канавою;

2) устроить подъѣздную дорогу до хутора отъ дороги общаго пользованія;

3) устроить изгородь вокругъ усадьбы, огорода и выгона;

4) произвести посадку деревьевъ и саженцевъ;

5) произвести планировку мѣстности послѣ окончанія строительныхъ работъ, убравъ лишнюю землю и мусоръ;

6) подвозить строительные матеріалы на мѣсто работъ.

Многія изъ этихъ работъ можно въ иныхъ случаяхъ признать даже обязательными, причемъ производиться

онѣ должны по указаніямъ и подъ наблюденіемъ лицъ, завѣдующихъ устройствомъ хуторовъ. Исполненіе этихъ работъ будетъ служить существенною гарантіею въ томъ, что поступающій на хуторъ землепашецъ, дѣйствительно, намѣренъ серьезно приняться за хозяйство; Обще-Имперскій Земельный Банкъ могъ бы даже установить опредѣленную расцѣнку этихъ работъ съ тѣмъ, чтобы принять ихъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, въ зачетъ получаемыхъ имъ задаточныхъ платежей, подъ хуторъ, скотъ и хозяйственный инвентарь; это въ значительной степени поощряло бы крестьянъ производить собственными силами тѣ работы по устройству хутора, которыя были бы имъ по плечу.

При такой постановкѣ дѣла, каждый крестьянинъ, желающій поселиться на хуторѣ, будетъ имѣть возможность требовать его устройства, сообразно съ его денежными средствами и съ тѣми силами, которыми располагаетъ его семья.

Принимая же во вниманіе, что устройство хозяйства на новомъ мѣстѣ потребуетъ отъ землепашца значительную затрату времени, средствъ и силъ, желательно было бы, конечно, чтобы Обще-Имперскій Земельный Банкъ, въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ, освободилъ его отъ всякихъ платежей и такимъ образомъ далъ бы ему возможность довести доходность отъ занимаемаго имъ участка до нормальнаго уровня.

Подобныя условія совершенно естественны и ничего чрезвычайнаго сами по себѣ не представляютъ; въ западно-европейскихъ государствахъ полное избавленіе отъ всякихъ платежей на весьма длинные сроки, при пользованіи неустроенными землями практикуется

постоянно; въ департаментахъ Па-де-Калэ и Нордъ, напримѣръ, во Франціи, на основаніи королевскихъ эдиктовъ отъ 27 марта 1777 года и отъ 25 февраля 1779 г., было предписано сельскимъ общинамъ, въ цѣляхъ прекращенія постоянныхъ ссоръ между односельчанами изъ-за земли, раздавать болота и неудобныя земли, участками, въ личное пользованіе съ правомъ завѣщанія наслѣдникамъ по прямой линіи, причемъ никакой аренды за пользованіе не платилось, но соблюдалось, чтобы земля, дѣйствительно, обрабатывалась, чтобы общія спускныя канавы содержались въ порядкѣ и т. п. Въ случаѣ отказа отъ пользованія, или смерти хозяина и его прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго и женскаго пола, участокъ возвращался въ общину; но при переходѣ его къ новому владѣльцу, онъ долженъ былъ уплатить прежнему хозяину, по производимой экспертами оцѣнкѣ, стоимость произведенныхъ имъ затратъ на улучшеніе, сѣмена, кормовые запасы и инвентарь. Такіе участки называются «Portions ménagères»; система раздачи такихъ участковъ дала блестящіе результаты: нѣсколько тысячъ гектаровъ болота было такимъ образомъ распредѣлено и съ теченіемъ времени превращено въ великолѣпные доходные участки; мѣстные жители очень дорожатъ ими и записываются на нихъ, подолгу выжидая очереди, когда какой-нибудь изъ нихъ освободится, за смертью обоихъ бездѣтныхъ супруговъ.

Что-нибудь въ этомъ же родѣ возможно было бы выработать и у насъ, по отношенію къ государственнымъ землямъ; раздавая земли даже безплатно, если онѣ въ настоящее время никакой цѣнности не имѣютъ,

правительство, со временемъ, получило бы значительныя выгоды отъ однихъ налоговъ, послѣ превращенія заброшенныхъ пространствъ въ культурныя мѣста.

Что касается размѣровъ земельнаго участка, который будетъ отводиться на каждую крестьянскую семью, то опредѣлять его придется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сообразно съ условіями той или другой мѣстности и съ тою степенью его воздѣланности и устройства, какъ его будетъ получать крестьянинъ.

Если дать человѣку земли ровно столько, сколько нужно, чтобы хватало только для его пропитанія, то положеніе это равносильно тому, какое бываетъ, когда скотина кормится на огороженномъ пастбищѣ, оно ничѣмъ не отличается отъ рабства. Этимъ погрѣшила реформа 19 февраля 1861 года, давъ крестьянамъ слишкомъ малые надѣлы и заперевъ ихъ съ грядущимъ потомствомъ въ общину.

Земледѣльцу слѣдуетъ дать земли столько, сколько онъ въ состояніи обработать самъ съ помощью своей семьи. Тогда онъ окажется въ состояніи не только прокормиться, но и оплатить ежегодныя обложенія, да еще удовлетворять и другія свои потребности, откладывая, путемъ лишеній и сбереженій, копѣйку на черный день, или на капитальное улучшеніе своего благосостоянія.

Современнаго землепашца невозможно сравнивать, по его потребностямъ, съ землепашцемъ дореформеннаго періода, когда онъ не имѣлъ никакого желанія выйти изъ своего состоянія бѣдности и косности и ограничивался удовлетвореніемъ лишь потребностей животнаго характера.

Современныя потребности крестьянъ совершенно иныя; они уже не довольствуются только тѣмъ, что потребляютъ лишь продукты собственнаго производства, а желаютъ занять соотвѣтственное мѣсто въ общемъ движеніи экономическаго развитія Имперіи; не говоря о тѣхъ, которые бросаютъ земледѣліе и кормятся отъ разныхъ ремеслъ, промысловъ и городской работы, но и крестьяне, занимающіеся землепашествомъ, стремятся принимать самое дѣятельное участіе въ оживленіи торгово-промышленной дѣятельности Россіи, снабжая городское и фабрично-заводское населеніе своими продуктами и покупая всѣ тѣ предметы для собственнаго обихода, которыхъ сами они произвести не въ состояніи.

Остановить этого народнаго движенія впередъ нельзя уже ничѣмъ: кумачи, ситцы, чай, сахаръ, керосинъ, табакъ и многіе предметы торговли «крестьянскимъ товаромъ» уже завоевали свое мѣсто въ средѣ нашего сельскаго населенія; съ другой же стороны, для всѣхъ стало ясно, что наша промышленность тогда только поднимется на надлежащую высоту, когда покупательныя способности нашихъ земледѣльцевъ будутъ соотвѣтствовать развивающимся въ нихъ потребностямъ.

Установить этотъ правильный обмѣнъ продуктовъ между трудящимся населеніемъ той и другой области народнаго производства, земледѣлія и промышленности, — вотъ въ чемъ заключается главная задача правительства, при обсужденіи переустройства состоянія крестьянъ; чѣмъ больше и дороже крестьянинъ продастъ своихъ продуктовъ городскому населенію и потребителямъ, трудящимся въ области промышлен-

ности, тѣмъ больше и скорѣе будетъ увеличиваться его довольство и тѣмъ больше и скорѣе будутъ расти его покупательныя способности.

Только при такомъ положеніи своемъ русскій землепашецъ и будетъ въ состояніи сдѣлаться участникомъ въ общемъ ростѣ государственнаго благосостоянія; если же и теперь ему дадутъ земли ровно столько, сколько, едва можетъ его прокормить, а не сколько онъ можетъ воздѣлать, то онъ онять останется жить и коснѣть особнякомъ, какъ и ранѣе.

Надѣлить крестьянъ землею, какъ можно щедрѣе, слѣдуетъ также и въ виду обезпеченія будущности русскаго земледѣлія, представляющаго главнѣйшую отрасль нашего производства.

Въ самомъ дѣлѣ: нельзя же разсчитывать на то, чтобы наше сельское хозяйство поднялось, благодаря приливу въ эту область производства крупныхъ капиталовъ?

Наоборотъ, жалобы на невыгодность сельско-хозяйственныхъ предпріятій, по сравненію съ предпріятіями торгово-промышленнаго характера, какъ извѣстно, раздаются уже давно.

Упадокъ урожайности нашихъ земель, главнымъ образомъ, тѣмъ именно и объясняется, что наши сельскіе хозяева, въ погонѣ за наживой, усиливали свои посѣвы, безъ всякаго соотвѣтствія съ удобреніемъ почвы, а потому и брали отъ нея болѣе, чѣмъ давали. Для того же, чтобы теперь вновь наполнить этотъ опустѣвшій сосудъ, уже прежнихъ способовъ удобренія, поддерживавшихъ силу земли, оказывается недостаточно; плодородныя почвы приходится создавать вновь, затрачивая на это капиталъ.

А капиталовъ нѣтъ, такъ какъ они бѣгутъ отъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, находя для себя болѣе выгодное помѣщеніе въ торгово-промышленныхъ сферахъ.

При существующихъ же условіяхъ, земля не выноситъ налоговъ и обложеній, и не потому, чтобы такіе налоги и обложенія были чрезмѣрно велики, а потому, что земля ослабѣла и опустѣла; не выноситъ она уже и наемнаго труда; сѣютъ на ней рожь, да овесъ; никакихъ посѣвовъ болѣе выгодныхъ, но требующихъ значительныхъ затратъ на удобреніе, почти не встрѣчается.

Опредѣляя максимумъ и минимумъ размѣровъ крестьянскихъ надѣльныхъ участковъ, нельзя установить для этого общаго правила, въ силу котораго земля отводилась бы тѣмъ менѣе, чѣмъ она плодороднѣе, и тѣмъ болѣе, чѣмъ она безплоднѣе. Если бы допустить такое обобщеніе этого правила, то оно привело бы, вмѣсто уравненія положеній землепашцевъ на хуторахъ съ землею различнаго качества, къ полнѣйшему ихъ неравенству.

Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ хуже земля, тѣмъ больше она требуетъ обработки и удобренія; поэтому и оказалось бы, что землепашецъ, поселившійся въ черноземной полосѣ, благодушествовалъ бы себѣ, легко воздѣлывая свой плодородный, маленькій участокъ, между тѣмъ какъ землепашецъ, поселившійся на хуторѣ съ скудною почвою, съ трудомъ оказался бы въ состояніи собирать необходимое количество продуктовъ для своего прокормленія, воздѣлывая для этого пространство въ нѣсколько разъ обширнѣе, чѣмъ землепашецъ на черноземномъ участкѣ, причемъ онъ

будетъ испытывать особыя затрудненія и относительно его удобренія.

Поэтому при опредѣленіи размѣровъ крестьянскаго надѣльнаго участка должно принимать во вниманіе не то, можетъ или нѣтъ прокормиться на немъ семья землепашца, а то, великъ ли будетъ избытокъ продуктовъ, остающихся, сверхъ прокорма, въ вознагражденіе его за его труды. Въ черноземной полосѣ избытокъ этотъ долженъ быть допущенъ весьма незначительный, сравнительно съ мѣстами глинистыми и песчаными, такъ какъ затрата труда и удобренія на плодородныхъ участкахъ малаго размѣра будетъ несравненно меньше, чѣмъ на большихъ участкахъ съ тощею почвою.

Во Франціи, напримѣръ, средній размѣръ крестьянской земельной собственности опредѣляется въ 12—13 гектаровъ (11 — 12 десятинъ); какъ ни велико можетъ показаться это количество, сравнительно съ нашими крестьянскими надѣлами, но и оно можетъ оказаться недостаточнымъ, если отведенный землепашцу участокъ будетъ состоять изъ невоздѣланной, неудобной земли, если ему, напримѣръ, придется осушать болота, корчевать пни и т. п.

Другое дѣло, если землепашцу будетъ предоставленъ земельный участокъ устроенный, съ расчищенными полями и готовыми покосами; тогда ему, при его, сравнительно съ французскимъ крестьяниномъ, скромныхъ требованіяхъ, такой размѣръ участка можетъ оказаться и достаточнымъ.

Въ общемъ, конечно, вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго земельнаго участка требуетъ тщательнаго и ближайшаго изученія; по опросамъ самихъ кре-

стьянъ, по этому поводу, оказывается, что они желаютъ имѣть участки въ 10—15 десятинъ; сравнительно съ размѣрами надѣловъ, находящихся въ ихъ пользованіи въ настоящее время, такое желаніе можетъ показаться чрезмѣрнымъ и объяснить его можно, пожалуй, тою жадностью къ землѣ, которая вообще свойственна крестьянамъ.

Кромѣ того, чрезмѣрность требованій крестьянъ объясняется еще и тѣмъ, что они, не отдавая себѣ точнаго отчета въ томъ положеніи, въ которомъ они окажутся на собственномъ участкѣ, боятся, дѣйствительно, ошибиться въ опредѣленіи его размѣровъ. Особенно плохо поддается ихъ учету опредѣленіе площади, необходимой для покосовъ и выпаса: они привыкли, что скотъ у нихъ бродитъ «на волѣ», травосѣяніемъ не занимались и о раціональной утилизаціи земли понятія не имѣютъ.

Самое большое, чего отъ крестьянъ можно ожидать, это то, что они могутъ разсчитать количество потребной для каждой семьи полевой земли, смотря по ея работоспособности и наличнымъ силамъ; этотъ расчетъ легко поддается провѣркѣ и можетъ служить основаніемъ для опредѣленія и всего размѣра участка.

Предположимъ, напримѣръ, что на первое время хлѣбопашецъ, сообразно съ его силами и съ количествомъ имѣющагося у него скота, окажется въ состояніи удобрять и обрабатывать три десятины полевой земли; тогда остальной земли ему слѣдуетъ дать, положимъ, шесть десятинъ, такъ что весь участокъ будетъ въ 9 десятинъ.

Такая пропорція пахотной земли, по отношенію ко угодіямъ, обыкновенно принимается въ расчетъ

при распредѣленіи классическаго трехъ-польнаго хозяйства, которое само по себѣ не можетъ быть убыточно, если оно поставлено правильно, а не такъ, какъ это происходитъ у нашихъ крестьянъ, хозяйство которыхъ, безъ корма, безъ скота и безъ удобренія, привело ихъ къ разоренію.

Само собою разумѣется, что крестьянинъ, не имѣющій понятія о другой системѣ хозяйства, съ этой точки зрѣнія и будетъ дѣлать свои расчеты относительно своего хутора.

Впослѣдствіи же, когда онъ введетъ въ свое хозяйство травосѣяніе и увеличитъ для этого пахотную площадь, то, хотя площадь угодій соотвѣтственно и уменьшится, но кормовыя средства его отъ этого нисколько не ослабнутъ, а, напротивъ того, усилятся и позволятъ держать ему больше скота.

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго хозяйственнаго участка въ зависимости отъ того, хватитъ ли запасовъ земли въ Россіи, если станутъ надѣлять крестьянъ такъ щедро?

Въ особенности велико это количество земли можетъ показаться, въ сравненіи съ настоящимъ положеніемъ крестьянъ, при которомъ на одну душу мужского пола, по 50 губерніямъ Европейской Россіи, приходится всего около двухъ съ половиною десятинъ.

Но такъ какъ размѣры предоставляемаго хозяйственнаго участка будутъ стоять въ тѣсной зависимости отъ покупной способности ихъ, то этимъ обстоятельствомъ главнымъ образомъ и придется руководствоваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Очевидно, что при той слабой покупной способности крестьянъ, которая уже извѣстна, пріобрѣсти

земли слишкомъ много они не будутъ въ состояніи, наоборотъ, на практикѣ непремѣнно окажется, что они не будутъ имѣть столько денегъ, чтобы внести 25% стоимости земельнаго участка, построекъ, скота, хозяйственнаго инвентаря и сѣмянъ.

Поэтому, по отношенію къ пріобрѣтенію земельныхъ участковъ, открываемый Банкомъ кредитъ въ 75% можетъ оказаться недостаточнымъ и его, по всей вѣроятности, придется довести до 90%.

Такимъ образомъ, размѣры крестьянскаго хозяйственнаго участка, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлятся соразмѣрно съ платежною способностью покупателя, причемъ на такіе участки могутъ быть опредѣлены крайніе предѣлы максимума и минимума.

Заранѣе можно предвидѣть, что покупателей изъ крестьянской среды, при ея бѣдности, окажется немного; гораздо болѣе будетъ такихъ, которые пожелаютъ получить земельный участокъ въ пользованіе на правахъ вѣчно-наслѣдственной аренды, такъ какъ въ этомъ случаѣ крестьянину не нужно будетъ убивать свои послѣднія деньги на покупку земли, и всѣ свои средства съ помощью Банка онъ можетъ гораздо пропзводительнѣе затратить на постройки и на обзаведеніе скотомъ и инвентаремъ.

А такъ какъ въ собственность крестьянамъ придется пріобрѣтать участки только изъ частно-владѣльческихъ земель, да и то кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ нашей земельной аристократіи, а владѣнія этихъ послѣднихъ, также какъ и земли государственныя, удѣльныя и монастырскія, т. е. громадное большинство земель, могутъ перейти въ пользованіе крестьянъ только на основаніяхъ вѣчно-наслѣдственной

аренды, то и въ этомъ отношеніи обстоятельство это, для разселенія крестьянъ на хутора, можно считать благопріятнымъ.

Мало того, если бы на практикѣ оказалось, что крестьяне, вслѣдствіе своей слабой покупной способности, не были бы въ состояніи пріобрѣсти въ собственность всѣхъ предлагаемыхъ частно-владѣльческихъ земель, то Банкъ, оставивши такія земли за собою, могъ бы отдавать ихъ въ пользованіе по договору вѣчно-наслѣдственной аренды и притомъ съ предоставленіемъ арендаторамъ права выкупа этихъ земель въ собственность, за цѣну и на условіяхъ, опредѣленныхъ сразу, при заключеніи договора.

Если бы земель въ Россіи не хватило, то, какъ сказано, въ запасѣ еще остается Сибирь, Кавказъ и Туркестанъ.

Но до тѣхъ поръ, пока очередь дойдетъ и до этихъ окраинъ, еще много работы предстоитъ и внутри Россіи, и если бы только Россія покрылась работающими продуктивно крестьянскими хуторами, то одно это обстоятельство дало бы такой толчокъ промышленности, что число имѣющихъ потребоваться въ этой области рабочихъ рукъ возрастетъ въ громадной пропорціи и вызоветъ весьма значительный процентъ незанятаго, работоспособнаго населенія изъ деревни.

Въ самомъ дѣлѣ,—разъ хозяйство землепашца начало бы процвѣтать, онъ превратился бы въ зажиточнаго хозяина и сталъ бы позволять себѣ и болѣе удобствъ въ жизни, то потребности его, какъ въ отношеніи одежды, такъ и въ отношеніи обстановки, сдѣлались бы разнообразнѣе, и на удовлетвореніе ихъ онъ сталъ бы тратить больше средствъ.

Обстоятельство это не замедлитъ отразиться на промышленности, которая, сама получивши толчокъ. дастъ работу и крестьянамъ; тогда многіе изъ тѣхъ, которые теперь, не находя дѣла, сидятъ дома и требуютъ земли, окажутся занятыми на фабрикахъ и заводахъ и о хлѣбопашествѣ перестануть и думать.

Такимъ образомъ, если бы предположить даже, что, при щедрой системѣ надѣленія крестьянъ землею, ея потребовалось бы на каждую семью двойное количество противъ того, которое разсчитано было, принимая во вниманіе одну возможность пропитанія крестьянской семьи, то и тогда общее количество потребной для надѣленія крестьянъ земли едва ли бы увеличилось, такъ какъ возрожденіе земледѣлія вызвало бы возрожденіе промышленности, которая, въ свою очередь, дала бы работу тѣмъ крестьянамъ, которые остались бы безъ земли.

На основаніи этихъ соображеній, слѣдуетъ конечно отдать предпочтеніе щедрому надѣленію крестьянъ предъ скуднымъ. Однакоже всякая регламентація въ этомъ направленіи должна допускаться весьма осторожно, чтобы не стѣснять свободнаго проявленія каждымъ крестьяниномъ своихъ стремленій и желаній.

Достаточно того, что будетъ опредѣленъ максимумъ и минимумъ размѣровъ крестьянскаго земельнаго участка, а остальное должно быть предоставлено естественному теченію дѣла.

Явятся крестьяне, желающіе пріобрѣтать участки въ вѣчное и потомственное владѣніе, зажиточные, небогатые и вовсе бѣдные; каждый изъ нихъ заявитъ, сообразно съ своими средствами, чего онъ именно желаетъ, на основаніи допускаемыхъ, по уставу Обще-

Имперскаго Земельнаго Банка, льготныхъ условій. А затѣмъ, само время покажетъ, что изъ этого выйдетъ: каждый о себѣ будетъ заботиться самъ.

Единаго, общаго, нормальнаго расчета устройства и доходности крестьянскаго хутора, понятно, выработано быть не можетъ, настолько расчетъ этотъ будетъ измѣняться, въ зависимости отъ разныхъ причинъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: состава семьи крестьянина, его средствъ, условій мѣстности и т. д.

Если только обратить вниманіе на одни свойства климата и почвы, то и тѣ оказываются разными, не только по губерніямъ, но нерѣдко и въ одной и той же губерніи, и даже въ одномъ и томъ же уѣздѣ.

Огромное значеніе при этомъ имѣютъ также и личныя средства, способности и степени развитія каждаго изъ крестьянъ, желающаго устроиться на отдѣльномъ земельномъ участкѣ; хотя и нельзя допускать того, что наши крестьяне поголовно не понимаютъ пользы отъ интенсивнаго хозяйства, но и тѣ изъ нихъ, которые стали бы къ нему стремиться, едва ли могли бы сразу за него приняться, разъ у нихъ для этого еще нѣтъ необходимыхъ средствъ и опыта; навязывать интенсивную культуру, при такихъ условіяхъ, урѣзывая въ этихъ видахъ размѣры участковъ, было бы крайне рискованно, и дѣло можно было бы этимъ погубить въ самомъ его зародышѣ, такъ какъ неразвитыхъ, неподготовленныхъ и бѣдныхъ крестьянъ у насъ большинство, и задача эта оказалась бы имъ не по плечу.

VII.

ВѢЧНО-НАСЛѢДСТВЕННАЯ АРЕНДА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ДРУГИХЪ ЗЕМЕЛЬ [1].

Предлагая насажденіе мелкой земельной собственности въ русской крестьянской средѣ, имѣлось въ виду, что это лучшая и излюбленная сельскимъ населеніемъ форма землепользованія, наиболѣе, по мнѣнію крестьянъ, обезпечивающая землепашца въ томъ, что онъ, дѣйствительно, самъ воспользуется плодами своихъ трудовъ, и что принадлежащій ему земельный участокъ, дѣйствительно, будетъ самою надежною и вѣрною копилкою, въ которую онъ, безъ всякихъ опасеній, можетъ вкладывать собираемыя сбереженія.

Въ виду облегченія условій покупки земельныхъ участковъ крестьянами, какъ уже сказано, должно быть создано государственное кредитное учрежденіе,

[1]) Желающіе ближе познакомиться съ подробностями этой интересной формы землевладѣнія, могутъ обратиться къ почтенному труду покойнаго профессора Карышева: «Вѣчно-наслѣдственный наемъ земли».

которое мы назвали Обще-Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ. На ряду съ этою цѣлью, учрежденіе это должно также имѣть своею задачею облегченіе положенія крупныхъ землевладѣльцевъ, путемъ скупки у нихъ отягощающихъ ихъ бездоходныхъ угодій и передачи ихъ въ руки крестьянъ.

Очевидно, что, преслѣдуя эту двойную цѣль, Имперскій Банкъ удовлетворилъ бы самыя существенныя аграрныя требованія, какъ крестьянъ, такъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Но разъ вопросъ распредѣленія свободныхъ помѣщичьихъ угодій будетъ исчерпанъ, придется обратиться къ другимъ формамъ крестьянскаго землепользованія, которыя могли бы отвѣчать условіямъ, наиболѣе обезпечивающимъ достиженіе землепашцами желательнаго благосостоянія; вмѣстѣ съ тѣмъ, должно имѣть въ виду, чтобы проведеніе въ жизнь такихъ формъ крестьянскаго землепользованія оказалось не безвыгоднымъ для казны и Удѣловъ, такъ какъ въ рукахъ этихъ вѣдомствъ и сосредоточено наиболѣе крупное землевладѣніе, въ составъ котораго входитъ масса бездоходныхъ пространствъ.

Такою наиболѣе желательною формою безспорно является вѣчно-наслѣдственная аренда. Если покупка земельныхъ участковъ, на облегченныхъ Обще-Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ условіяхъ, достигнетъ возможнаго минимума напряженія платежныхъ способностей нашихъ крестьянъ, то вѣчно-наслѣдственная аренда, въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, окажется еще болѣе благодѣтельною.

Дѣйствительно, обезпечивая крестьянину возможность воспользоваться всѣми плодами проявленной имъ энергіи и приложеннаго имъ труда, вѣчно-на-

слѣдственная аренда вовсе не потребуетъ напряженія покупательныхъ силъ крестьянина. Обстоятельство это представляетъ особое значеніе для нашихъ крестьянъ, покупательныя способности которыхъ крайне слабы, такъ какъ, устраиваясь на новыхъ мѣстахъ, они будутъ имѣть возможность употреблять всѣ свои небольшія средства на обзаведеніе скотомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ.

Вѣчно-наслѣдственное пользованіе землею, какъ это давно признано западно-европейскими экономистами, представляетъ собою наилучшій способъ для успѣшнаго насажденія мелкихъ хозяйствъ и для разселенія бѣдныхъ и безземельныхъ землепашцевъ на свободныя земли.

На него обращено особое вниманіе въ Германіи, государственные люди которой поняли, что срочные арендные контракты, заключаемые хотя бы и на продолжительное время, тѣмъ не менѣе, всегда стѣсняютъ съемщиковъ и отзываются невыгодно, какъ на хлѣбопашцахъ, такъ и на самихъ землевладѣльцахъ, да и на всемъ государственномъ хозяйствѣ.

Что же касается Россіи, то вѣчно-наслѣдственная аренда въ ней почти неизвѣстна и встрѣчается лишь въ польскихъ губерніяхъ (чиншевики) и въ Грузіи (хизанъ).

Договоръ вѣчно-наслѣдственной аренды заключается безсрочно, или хотя и на срокъ, но съ такими правами на возобновленіе, которыя не измѣняютъ его безсрочнаго характера.

Заключившій договоръ арендаторъ получаетъ вѣчное право пользованія и распоряженія снятымъ имъ земельнымъ участкомъ и становится собственникомъ

всѣхъ строеній и имущества, находящихся на его поверхности.

Поэтому, заключая договоръ вѣчно-наслѣдственной аренды, съемщикъ покупаетъ все, что находится въ наличности на арендуемомъ участкѣ: строенія, лѣсъ, хозяйственное устройство и т. п.

За снятую землю арендаторъ ежегодно, въ опредѣленные сроки, вноситъ арендную плату, которая остается безъ измѣненія до тѣхъ поръ, пока договоръ сохраняетъ свою силу.

Правами своими арендаторъ можетъ распоряжаться, какъ своею собственностью. Онъ можетъ ихъ продавать, закладывать, дарить, давать въ приданое и завѣщать; продавать свои права онъ можетъ, однакоже, только съ согласія землевладѣльца, или же при условіи уплаты ему за каждый переходъ этихъ правъ въ другія руки разъ навсегда установленной суммы.

Снимаемый на основаніи вѣчно-наслѣдственной аренды хозяйственный участокъ не подлежитъ раздѣлу и всегда долженъ находиться въ пользованіи одного лица.

Передача въ аренду снимаемаго участка третьимъ лицамъ въ нѣкоторыхъ государствахъ допускается, но, въ большинствѣ случаевъ, воспрещается, такъ какъ она нерѣдко ведетъ къ злоупотребленіямъ.

Прекращается договоръ вѣчно-наслѣдственной аренды только въ двухъ случаяхъ: 1) какъ выморочный, если съемщикъ умретъ, не оставивъ законныхъ наслѣдниковъ и безъ завѣщанія, и 2) въ случаѣ сліянія правъ арендатора и собственника, т.-е. если, по взаимному согласію сторонъ, землевладѣлецъ

выкупитъ у съемщика его права, или же съемщикъ купитъ арендуемый участокъ въ собственность.

Въ случаѣ же неисправнаго взноса арендной платы, договоръ не прекращается; но при накопленіи трехлѣтней недоимки, права арендатора на участокъ, со всѣмъ его устройствомъ, продаются съ публичныхъ торговъ, со всѣми послѣдствіями, обыкновенно установленными для неисправныхъ должниковъ, причемъ остатокъ вырученной отъ такой продажи суммы, за уплатою долга, поступаетъ въ пользу арендатора.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, основанія договора вѣчно-наслѣдственной аренды, отъ примѣненія которой въ Россіи можно ожидать самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ.

При пользованіи землею на основаніи этого договора вполнѣ устраняются главные недостатки, съ которыми связана обыкновенная, срочная отдача въ аренду земли крестьянамъ, а именно: 1) постоянное стремленіе къ надбавкѣ арендной платы со стороны землевладѣльца, безъ всякаго участія его въ улучшеніяхъ сдаваемаго участка; и 2) постепенное истощеніе почвы и разореніе арендаторами снимаемыхъ ими участковъ, въ виду необезпеченнаго ихъ положенія, при наступленіи сроковъ договоровъ.

Помимо экономическаго значенія устраненія этихъ недостатковъ, обстоятельство это получаетъ особую важность еще и съ точки зрѣнія соціальной; въ самомъ дѣлѣ, недостатки эти, какъ показываетъ опытъ, ведутъ сельское населеніе къ разоренію, а земли къ истощенію; такимъ образомъ, они приводятъ къ систематическому увеличенію контингента безземель-

ныхъ крестьянъ, судьбу которыхъ затѣмъ устраивать оказывается очень трудно.

Вѣчно-наслѣдственное же пользованіе землею тѣмъ-то именно и удобно, что оно ставитъ съемщика въ положеніе, весьма близкое къ собственнику, и обставляетъ его такими благопріятными со всѣхъ сторонъ условіями, что ему оказывается выгоднымъ и беречь, и улучшать снимаемый имъ участокъ, не жалѣя на это ни своихъ трудовъ, ни накопляемыхъ сбереженій.

На условіяхъ вѣчно-наслѣдственнаго пользованія, многіе крестьяне не задумаются арендовать и совершенно неустроенные, находящіеся въ дикомъ, запущенномъ видѣ участки. Для многихъ изъ нихъ аренда такого участка покажется даже выгоднѣе, чѣмъ покупка, и не только потому только, что за него сразу не придется платить денегъ, но, главнымъ образомъ, еще и по той причинѣ, что первоначальная аренда за невоздѣланный неудобный участокъ можетъ быть только очень незначительна, а такъ какъ она устанавливается разъ навсегда, безъ измѣненія, то, когда онъ будетъ устроенъ и воздѣланъ, платить за него окажется такъ легко, что владѣніе имъ почти ничѣмъ не будетъ отличаться отъ собственности.

Представимъ себѣ, для примѣра, что такіе неустроенные участки сдавались бы на вѣчныя времена по 3 рубля за десятину въ годъ, что, при настоящихъ низкихъ цѣнахъ на земли въ отдаленныхъ отъ желѣзныхъ дорогъ мѣстностяхъ, весьма возможно; если съемщикъ будетъ старателенъ, то, при развитіи путей сообщенія, съ теченіемъ времени, цѣнность такого устроеннаго участка, вмѣсто 15—20 рублей за десятину, возрастетъ до 100—150 рублей за деся-

тину; тогда съемщику придется платить всего 2—3% за стоимость участка, которымъ онъ пользуется; а при продажѣ своихъ правъ въ третьи руки, онъ прямо можетъ обогатиться. Такіе виды на будущее, обыкновенно, болѣе всего заманиваютъ и соблазняютъ энергичныхъ людей въ ихъ начинаніяхъ, и этимъ обстоятельствомъ у насъ можно воспользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; мотивы, побуждающіе человѣка работать, гораздо сильнѣе дѣйствуютъ тамъ, гдѣ онъ трудится для себя, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ трудится на другихъ,

Крестьянинъ привыкъ заботиться только о себѣ и о своемъ потомствѣ, а потому для него важнѣе всего въ жизни знать, что всѣ его затраты трудомъ и сбереженіями, а также и всѣ произведенныя имъ улучшенія для прибавленія доходности, составляютъ его личную собственность, и что одинъ онъ и можетъ ими распоряжаться по своему усмотрѣнію. Такое положеніе, помимо землевладѣльца-собственника, только и доступно съемщику при вѣчно-наслѣдственномъ пользованіи.

Многіе изъ наиболѣе почтенныхъ западно европейскихъ экономистовъ такъ высоко ставятъ вѣчно-наслѣдственное пользованіе землею, что предпочитаютъ его землевладѣнію на правахъ собственности, которое, по ихъ мнѣнію, далеко не всегда ведетъ крестьянъ къ благосостоянію, такъ какъ оно прежде всего истощаетъ ихъ средства на расходы по покупкѣ земельнаго участка.

Конечно, земледѣліе на правахъ собственности въ глазахъ народа всегда было и останется идеальною формою землепользованія, и съ этимъ обстоятель-

ствомъ необходимо считаться при проведеніи въ жизнь всякой аграрной реформы; у насъ же слѣдуетъ быть тѣмъ болѣе осторожнымъ, что форма вѣчно-наслѣдственнаго землепользованія, за исключеніемъ западныхъ губерній, крестьянамъ незнакома.

Но законодателю при всемъ этомъ нельзя же не принять во вниманіе и той дѣйствительной пользы, которую можно ожидать отъ проведенія въ жизнь вѣчнаго землепользованія, разъ оно вполнѣ можетъ замѣнять землевладѣніе на правахъ собственности. Безспорно, напримѣръ, что положеніе залѣзшаго по уши въ долги земельнаго собственника будетъ тяжелѣе землепашца, пользующагося землею на основаніяхъ вѣчно-наслѣдственнаго договора; но даже и при нормальныхъ условіяхъ задолженности земельнаго участка, весьма вѣроятно, что положеніе вѣчно-наслѣдственнаго арендатора со временемъ будетъ благопріятнѣе положенія собственника, такъ какъ ежегодные платежи собственника въ банкъ могутъ оказаться выше той незначительной арендной платы, которая разъ навсегда установится при поселеніи крестьянина на запущенныя, дикія мѣста.

Но все это войдетъ въ сознаніе народа не сразу, а путемъ опыта; покуда же онъ съ понятіями о вѣчной арендѣ не освоится, нужно давать возможность самимъ крестьянамъ выбирать ту или другую форму землепользованія, тѣмъ болѣе, что выборъ ихъ въ большинствѣ случаевъ будетъ въ зависимости, настолько же отъ ихъ личныхъ взглядовъ, насколько и отъ тѣхъ средствъ, которыми они будутъ располагать, а также и отъ качества тѣхъ земельныхъ участковъ, между которыми придется выбирать.

Такимъ образомъ, если признать, что происходящіе въ Россіи въ настоящее время аграрные безпорядки являются результатомъ неудовлетвореннаго стремленія нашихъ крестьянъ къ земельной собственности, то единственнымъ средствомъ для разрѣшенія земельнаго кризиса, помимо насажденія землевладѣнія на правахъ собственности, является проведеніе въ жизнь вѣчно-наслѣдственной аренды, оказывающейся формою землевладѣнія наиболѣе близко подходящей къ собственности.

Договоръ вѣчно-наслѣдственной аренды представляется весьма выгоднымъ, не для однихъ съемщиковъ, но и для крупныхъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, хотя на первый взглядъ и можетъ показаться, что интересы ихъ страдаютъ отъ того, что они лишены возможности періодически произвольно поднимать арендную плату.

Для такихъ вѣдомствъ, какъ Казна и Удѣлы, обстоятельство это не имѣетъ большого значенія, такъ какъ они въ состояніи были бы принести и нѣкоторыя жертвы съ точки зрѣнія выгодности, ради той высокой цѣли, которая имѣется въ виду при проведеніи въ жизнь вѣчно-наслѣдственной аренды.

Но въ томъ-то и дѣло, что никакихъ жертвъ съ ихъ стороны при этомъ и не потребуется.

Въ самомъ дѣлѣ, Казна и Удѣлы, имѣя въ своемъ распоряженіи необозримыя пространства, ненаселенныя, невоздѣланныя и не приносящія дохода, въ этой формѣ землепользованія найдутъ весьма выгодный способъ для правильной эксплоатаціи этихъ земель и разомъ начнутъ извлекать изъ нихъ такіе значительные доходы, на которые до сего времени они и не

разсчитывали. И это уже само по себѣ очень выгодно.

Далѣе. Земли этихъ вѣдомствъ окажутся въ рукахъ такихъ землепашцевъ, которые сами прежде всего будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы онѣ не расхищались и не истощались, а улучшались и увеличивали свою производительность. Обстоятельство это настолько важно, что вопросъ о возможности произвольнаго періодическаго возвышенія арендной платы, въ глазахъ всякаго дальновиднаго хозяина, теряетъ всякое значеніе; не очень-то, въ самомъ дѣлѣ, возможно разсчитывать на постоянное возвышеніе аренды, когда земля срочными съемщиками все болѣе болѣе разоряется; наоборотъ, въ дѣйствительности приходится часто бывать свидѣтелемъ такихъ случаевъ, когда аренда разоряемыхъ земель падаетъ, а въ концѣ концовъ отъ нихъ и вовсе отказываются. Такихъ заброшенныхъ земель уже и теперь не мало.

Весьма понятно, что на основаніи этихъ соображеній сдавать свои земли въ вѣчно-наслѣдственное пользованіе выгодно не только такимъ вѣдомствамъ, какъ казна и Удѣлы, но и вообще всѣмъ очень крупнымъ землевладѣльцамъ, каковыми представляются, напримѣръ, монастыри и наша земельная аристократія.

Многіе ихъ нихъ, обладая десятками и сотнями тысячъ десятинъ, изъ принципа ни за что не продадутъ и клочка своей земли, доставшейся имъ отъ предковъ, по жалованнымъ грамотамъ. Но если бы законодательство озаботилось о томъ, чтобы выработать юридическія нормы для проведенія въ жизнь договора вѣчно-наслѣдственной аренды, то мѣра эта дала бы самые благодѣтельные результаты, такъ какъ,

оставляя за нашею крупною земельною аристократіею и монастырями право собственности на ихъ обширныя владѣнія, мѣра эта открыла бы къ нимъ доступъ для крестьянскаго пользованія на самыхъ раціональныхъ основаніяхъ.

Такой способъ эксплоатаціи крупныхъ помѣстій будетъ въ высшей степени удобенъ для привлеченія къ правильной обработкѣ земли даже и такихъ землепашцевъ, которые не въ состояніи, не только купить себѣ участокъ, но даже не имѣютъ денегъ и на выдачу подъ него задатка.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, съ увѣренностью можно сказать, что, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, проведеніе въ жизнь договора вѣчно-наслѣдственной аренды окажетъ самые благодѣтельные результаты; они выразятся, какъ въ быстромъ развитіи благосостоянія въ народной массѣ и въ усиленіи сельско-хозяйственной производительности, такъ равно и въ созданіи прочнаго, обезпеченнаго и устойчиваго во всѣхъ отношеніяхъ положенія земледѣльческаго класса.

Положеніе землепашца, заключившаго договоръ вѣчно-наслѣдственной аренды, въ этихъ случаяхъ можно сравнить съ положеніемъ собственника, у котораго участокъ заложенъ въ банкѣ на весьма длинный срокъ; разница между ними будетъ только въ томъ, что у съемщика по такому договору земля какъ бы оказывается заложенною не на срокъ, а навѣки, но зато изъ ничтожныхъ процентовъ.

Разница между положеніями землепашца-собственника, съ заложеннымъ въ банкѣ участкомъ, и вѣчно-наслѣдственнаго съемщика оказывается еще болѣе

незначительною, если принять во вниманіе, что ссуды подъ участки, покупаемые крестьянами въ собственность, должны выдаваться банкомъ на весьма длинные сроки, а погашенія будутъ представлять собою, сравнительно, весьма ничтожную долю ежегоднаго платежа, не превышающую одной девятой или одной десятой годового взноса; кромѣ того, такъ какъ выкупы недвижимостей изъ банковъ представляютъ собою явленія, сравнительно рѣдкія,—чаще же всего накопившееся погашеніе заемщиками, всегда нуждающимися въ деньгахъ, періодически забирается обратно, то такое положеніе вещей дѣлаетъ почти совершенно незамѣтною и послѣднюю разницу между крестьяниномъ-собственникомъ и вѣчно-наслѣдственнымъ съемщикомъ.

Такимъ образомъ, вѣчно-наслѣдственный арендаторъ можетъ обзаводиться постройками, устраивать и обсаживать свою землю, улучшать ее, производить сооруженія въ видѣ плотинъ, дренажа и т. п., и ни одна изъ его затратъ для него не пропадетъ, т. к. отказать ему, пока онъ платитъ исправно аренду, никто не можетъ; но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ почему-либо оказывается неисправнымъ, отказать ему можно не сразу, а нужно, чтобы онъ три года не платилъ аренды, безъ чего нельзя лишить его права на дальнѣйшее пользованіе арендуемымъ участкомъ; но и этого мало: если за нимъ накопилась недоимка въ размѣрѣ трехлѣтняго неплатежа, то его не выгоняютъ, какъ это дѣлается съ другими арендаторами, а право его аренды продается съ публичныхъ торговъ, подобно тому, какъ это дѣлается съ заложенными недвижимостями, въ случаѣ неплатежа %; само собою

разумѣется, что торгующіеся покупатели при оцѣнкѣ этого права принимаютъ въ расчетъ стоимость устройства участка и произведенныхъ арендаторомъ на немъ построекъ и улучшеній, а соотвѣтственно съ этимъ и его доходности; очевидно, что при такихъ условіяхъ, за покрытіемъ долга по арендѣ изъ вырученной отъ продажи права на аренду суммы, можетъ остаться сумма, которая поступаетъ въ пользу арендатора совершенно такъ же, какъ и при продажѣ заложеннаго недвижимаго имущества.

А такъ какъ вѣчно-наслѣдственное право аренды можетъ быть и закладываемо, то и въ этомъ отношеніи сходство съ собственностью полное.

Въ западно-европейскихъ государствахъ такая форма вѣчно-наслѣдственной аренды встрѣчается въ Голландіи (Beklem Reght), въ Португаліи (aforamento) и во Франціи (droit du marché); заключается эта аренда на частно-владѣльческія земли.

Примѣненіе вѣчно-наслѣдственной аренды къ государственнымъ землямъ будетъ вполнѣ цѣлесообразно и уподобится искони установленнымъ въ нѣкоторыхъ государствахъ понятіямъ о томъ, что вся земля принадлежитъ государству, а граждане его пользуются ею только до тѣхъ поръ, пока они исправно платятъ установленные имъ налоги, повинности и разныя обложенія; при неуплатѣ же таковыхъ въ продолженіе извѣстнаго срока, она отбирается въ пользу государства; такой порядокъ и до сихъ поръ существуетъ въ большинствѣ мусульманскихъ государствъ и въ Китаѣ.

У насъ такъ-называемыхъ казенныхъ земель—масса. Приносятъ они государству доходы совершенно ничтожные, т. к. большинство ихъ не эксплоатируется.

Поэтому превращеніе ихъ въ населенныя мѣста путемъ раздачи крестьянамъ подъ хутора не только оказало бы громадную пользу сельскому населенію, но и дало бы государственному казначейству весьма значительный доходъ.

Необходимыя работы по предварительному улучшенію и устройству казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель можно было бы точно также производить при помощи Обще-Имперскаго Земельнаго Банка. При заключеніи контракта вѣчно-наслѣдственной аренды, слѣдуемое арендатору отъ его общины вспомоществованіе могло бы зачитываться банкомъ, какъ въ уплату за находящійся на поверхности участка лѣсъ и другія цѣнности, такъ равно и за тѣ работы по устройству его, которыя окажется необходимымъ произвести. Обезпеченіе банка и въ этомъ случаѣ будетъ совершенно полное, такъ какъ все устройство участка является личнымъ достояніемъ арендатора, и онъ будетъ имѣть право его завѣщать, закладывать и отчуждать, кому ему заблагоразсудится.

Безошибочно можно сказать, что проведеніе въ жизнь вѣчно-наслѣдственной аренды можетъ привести къ вполнѣ правильному и основанному на строго-экономическихъ основаніяхъ распредѣленію земельной собственности въ Россіи, и что оно можетъ послужить къ весьма успѣшному подъему благосостоянія сельскаго населенія.

Мѣру эту можно было бы поставить даже впереди насажденія мелкой земельной собственности, такъ какъ она болѣе доступна для бѣдныхъ крестьянъ; не сдѣлали мы этого по двумъ причинамъ: 1) въ виду народнаго тяготѣнія къ земельной собственности, кото-

рая, въ его представленіи, является идеальной формой землевладѣнія; и 2) въ виду той аграрной неурядицы, въ которой приходится немедленно же разобраться, опредѣливъ прежде всего условія, на которыхъ могутъ между собою разсчитаться и разойтись члены сельской общины, съ цѣлью выселенія изъ нея лишнихъ ѣдоковъ съ одной стороны, и использованія ненаселенныхъ и бездоходныхъ окружающихъ эти общины частно-владѣльческихъ земель, съ другой.

Такимъ образомъ, единственнымъ правильнымъ выводомъ изъ сказаннаго можетъ быть тотъ, что не слѣдуетъ проводить въ жизнь только одинъ изъ этихъ двухъ родовъ полезнаго во всѣхъ отношеніяхъ крестьянскаго землепользованія, а нужно примѣнять, смотря по обстоятельствамъ, и то, и другое, предоставляя самой жизни и народу опредѣлить, которая изъ этихъ формъ окажется благотворнѣе,—земельная собственность, или же вѣчно-наслѣдственная аренда.

VIII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Разрѣшеніе аграрныхъ вопросовъ имѣетъ съ точки зрѣнія соціальной столь же огромное значеніе, какъ съ точки зрѣнія чисто экономической.

Дѣло не въ томъ только, чтобы отдать предпочтеніе одной формѣ землевладѣнія передъ другою, а необходимо, чтобы проведеніе въ жизнь тѣхъ формъ землевладѣнія, которымъ отдается предпочтеніе, соотвѣтствовало народнымъ представленіямъ о благосостояніи и отвѣчало бы его вкусамъ и стремленіямъ. Обстоятельство это непремѣнно должно быть принято во вниманіе, безъ чего невозможно и разсчитывать на успѣхъ проводимой реформы.

Для того, чтобы законы были незыблемы и служили устоями, на которыхъ покоилось бы все устройство государства, они должны прежде всего пользоваться народнымъ уваженіемъ и быть популярными. Таковы законы Конфуція, Будды и Магомета, таковы же законы древнихъ римлянъ.

Однимъ страхомъ уважать законъ народъ не заставишь. Страхъ нуженъ для наказанія нарушителей уважаемаго народомъ закона,—тогда и наказаніе преступника, какъ бы строго оно ни было, будетъ признано заслуженнымъ и назидательнымъ для другихъ примѣромъ.

Когда же законъ не отвѣчаетъ народнымъ представленіямъ и требованіямъ, то заставить такой законъ уважать, хотя бы самыми строгими карательными мѣрами, рѣшительно невозможно. Наоборотъ: чѣмъ строже будутъ принимаемыя мѣры, тѣмъ съ большимъ отвращеніемъ будутъ относиться къ навязываемымъ насильственно порядкамъ; мало того: добиваясь закона, соотвѣтствующаго своимъ представленіямъ о справедливости, народъ на свои страданія будетъ смотрѣть, какъ на вопіющій произволъ властей, и окажется въ положеніи мученика, гонимаго за свои убѣжденія, но съ тою разницею, что мученику въ концѣ концовъ отрубали голову, а у народа, сколько ни руби головъ, на мѣсто одной выростаютъ сотни и тысячи.

Въ самомъ дѣлѣ: что же это за законъ, если онъ не отвѣчаетъ народнымъ представленіямъ и требованіямъ? Это будетъ не законъ, а репрессивная мѣра, исходящая отъ временнаго диктатора; такая вызванная обстоятельствами мѣра будетъ носить чисто случайный характеръ, являясь лишь палліативомъ, или же мѣткимъ полицейскимъ ударомъ, съ маху направленнымъ къ намѣченной цѣли; рано или поздно, законъ, являющійся результатомъ творчества народнаго генія, восторжествуетъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и только такой законъ будетъ

популярнымъ и будетъ признанъ народомъ достойнымъ уваженія, общеобязательнымъ и священнымъ.

Создавать популярные законы могли только великіе народные геніи, воплощавшіе въ себѣ народный духъ и пользовавшіеся со стороны народа безграничною вѣрою.

Въ настоящее же время народный геній уже не воплощается въ одномъ человѣкѣ, а живетъ въ самомъ народѣ. Поэтому и создавать законы теперь уже не приходится: законы нужно искать въ народѣ, гдѣ они живутъ, измѣняются и совершенствуются, подъ вліяніемъ назрѣвающихъ требованій его соціальнаго и экономическаго развитія.

Законъ живетъ въ народѣ ранѣе, чѣмъ онъ формулируется и санкціонируется офиціальнымъ образомъ.

Канцелярскимъ путемъ поэтому нельзя создавать законовъ, а можно только основываться на работахъ по изслѣдованію народной жизни, черпать изъ нихъ указанія на народныя нужды, вызывающія измѣненіе въ законодательствѣ, и искать тѣ формы, въ которыя выливаются тѣ или другіе законы, живущіе уже въ народныхъ убѣжденіяхъ и обычаяхъ. На это требуется спокойный, толковый трудъ изслѣдователя и масса времени, такъ какъ дѣйствовать спѣшно и наугадъ въ этомъ случаѣ было бы слишкомъ опасно.

Изслѣдованіе причинъ, вызывающихъ необходимость измѣненія землеустройства и созданія цѣлаго новаго отдѣла законодательства, по этому вопросу, — дѣло весьма сложное и требуетъ участія въ этомъ трудѣ людей, спеціально изучавшихъ экономическія и политическія условія развитія жизни народной.

Предлагаемое преобразованіе крестьянскаго землеустройства имѣетъ несомнѣнныя достоинства, не только потому, что оно полезно и выгодно съ точки зрѣнія государственной, что оно похоже на лучшіе образцы землеустройства другихъ государствъ, и что оно, болѣе или менѣе, удобовыполнимо на практикѣ; этихъ соображеній, для проведенія въ жизнь такого преобразованія, было бы совершенно недостаточно.

По нашему глубокому убѣжденію, преобразованіе это, имѣющее въ своемъ основаніи насажденіе крестьянской земельной собственности и индивидуальнаго хозяйства на хуторахъ, вполнѣ отвѣчаетъ народнымъ воззрѣніямъ и требованіямъ,—и въ этомъ-то и заключается его главное достоинство.

Стремленію крестьянъ къ индивидуальному развитію и къ накопленію личной собственности, земельной и имущественной, до сихъ поръ были поставлены непреодолимыя преграды; преграды эти уже начали подаваться, подъ напоромъ народнаго натиска, и онѣ, конечно, не устоятъ, если такое положеніе будетъ тянуться. И что же тогда?—Хаосъ и общее разрушеніе.

Но если преграды эти уберутся добровольно, и за ними откроется широкій просторъ для проявленія иниціативы, труда и энергіи каждому желающему трудиться, не на другихъ, а на свою личную пользу, то преобразованіе, которое явится осуществленіемъ народныхъ вожделѣній, будетъ встрѣчено съ восторгомъ и принесетъ несомнѣнно самые благотворные результаты.

Другимъ, не менѣе важнымъ условіемъ для того, чтобы аграрная реформа быстро привилась и была

усвоена сельскимъ населеніемъ, является соблюденіе строжайшей послѣдовательности въ ломкѣ старыхъ порядковъ и въ насажденіи замѣняющихъ ихъ новыхъ.

Послѣдовательность эта должна состоять въ томъ, чтобы всякому крестьянину, недовольному своимъ прежнимъ положеніемъ, была предоставлена возможность перейти на новое положеніе, безъ особыхъ потерь отъ такого перехода.

Почему, напримѣръ, крестьяне, при всемъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ они находятся, смотрятъ на переселеніе, какъ на средство крайнее, граничащее съ полнымъ разореніемъ и даже погибелью? Именно потому, что условія переселенія были въ высшей степени тяжелыя; сопряженныя же съ нимъ формальности до того затрудняли и изводили тѣхъ, кто рѣшался тѣмъ не менѣе на переселеніе, что многіе, не доведя этихъ формальностей до конца, отказались отъ своего рѣшенія.

Всего этого, при проведеніи въ жизнь радикальной аграрной реформы, необходимо избѣжать.

Предлагаемыя мѣры упорядоченія русскаго сельскаго землеустройства сводятся къ слѣдующимъ:

1) Ликвидація выкупной операціи и переводъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ Обще-Имперскій Земельный Банкъ.

2) Предоставленіе общинныхъ надѣльныхъ земель такому числу совладѣльцевъ, которое приблизительно соотвѣтствовало бы числу надѣленныхъ душъ по уставнымъ грамотамъ.

3) Предоставить такимъ совладѣльцамъ пользованіе этими землями, на правахъ собственности, опредѣленныхъ по общимъ законамъ, съ правомъ, по же-

ланію, продолженія совмѣстнаго пользованія общественною землею, или раздѣла ея между домохозяевами отдѣльными участками.

4) Установить по отношенію къ этимъ землямъ и находящимся на нихъ усадьбамъ, на общихъ основаніяхъ, право залога, продажи, даренія и завѣщанія, но съ тѣмъ, чтобы онѣ не подлежали раздѣлу и всегда находились во владѣніи одного лица.

5) Имѣющая реализоваться при залогѣ въ Обще-Имперскомъ Земельномъ Банкѣ этихъ земель сумма должна распредѣлиться слѣдующимъ образомъ: а)—одна часть ея должна пойти на погашеніе оставшагося долга, по выкупной операціи, и б)—остальная сумма остается въ распоряженіи банка, и имѣетъ своимъ назначеніемъ устройство на новыхъ мѣстахъ крестьянъ, выбывающихъ изъ общинъ.

6) Обще-Имперскій Земельный Банкъ предлагаетъ крупнымъ землевладѣльцамъ продать ему всѣ бездоходныя, ненаселенныя земли; заложенныя земли скупаются по оцѣнкѣ тѣхъ банковъ, въ которыхъ имѣнія такихъ землевладѣльцевъ заложены, освобождая ихъ такимъ образомъ отъ непроизводительныхъ, обременяющихъ ихъ хозяйства статей.

7) Скупленныя такимъ образомъ земли приводятся въ порядокъ и благоустройство, для чего при банкѣ долженъ быть созданъ спеціальный техническій комитетъ, состоящій изъ инженеровъ, агрономовъ и гидротехниковъ.

8) Разбитыя на участки земли, послѣ устройства дорогъ, осушенія болотъ, сооруженія плотинъ и выкорчевки пней, съ прибавленіемъ къ цѣнѣ ихъ затратъ на эти работы, продаются крестьянамъ, выбы-

вающимъ изъ сельскихъ общинъ, по себѣ стоимости и съ зачисленіемъ въ видѣ задатка тѣхъ суммъ, которыя очистятся въ пользу каждаго изъ нихъ отъ залога надѣльныхъ земель, послѣ погашенія долга по выкупной операціи.

9) Обще-Имперскій Земельный Банкъ выдаетъ ссуды, не только подъ землю, но и подъ жилыя и хозяйственныя постройки, а также подъ скотъ и всѣ хозяйственныя улучшенія.

10) Дѣятельность Обще-Имперскаго Земельнаго Банка опредѣляется его уставомъ, преслѣдуя цѣли общегосударственнаго, аграрнаго характера, въ основаніи которыхъ должны стоять общія положенія закладного права и вещнаго кредита, безъ всякой связи съ идеями благотворительности. Участокъ и имущество неисправнаго должника подлежатъ продажѣ съ публичныхъ торговъ, съ соблюденіемъ лишь условій о недѣлимости участка и о переходѣ его во владѣніе одного лица.

11) На ряду съ проведеніемъ въ жизнь мелкой земельной собственности должны быть выработаны узаконенія относительно договора вѣчно-наслѣдственной аренды, на основаніи котораго поселяющійся на чужой землѣ хлѣбопашецъ могъ бы заводить хозяйство и вкладывать въ него свои сбереженія, не опасаясь быть изгнаннымъ и лишеннымъ плодовъ своихъ трудовъ. Необходимость такого пополненія законодательства вызывается тѣмъ, что вѣчно-наслѣдственная аренда оказывается наиболѣе удобною формою для извлеченія доходовъ изъ ненаселенныхъ пространствъ, входящихъ въ составъ земель, принадлежащихъ Казнѣ, Удѣламъ и крупной земельной аристократіи; съ дру-

гой стороны она не только сохраняетъ по отношенію къ землепашцамъ всѣ выгоды, связанныя съ земельною собственностью, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ предъ нею и преимущества.

12) Дѣятельность Обще-Имперскаго Земельнаго Банка, въ отношеніи ссудъ подъ строенія, хозяйственныя улучшенія и скотъ, распространяется и на случаи вѣчно-наслѣдственнаго землепользованія.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, въ чемъ и заключается вся суть вышеописанной аграрной реформы, которая должна отвѣчать на требованія земли, предъявляемыя сельскимъ населеніемъ, не нарушая ничьихъ правъ.

Созданіе такого государственнаго кредитнаго учрежденія, которое могло бы оказаться на должной высотѣ, по отношенію къ такой грандіозной задачѣ, уже само по себѣ представляетъ вопросъ весьма серьезный.

Но до какого бы совершенства ни былъ доведенъ сложный механизмъ такого учрежденія, невозможно ручаться за то, что онъ окажется въ состояніи всесторонне удовлетворять тѣ разнообразныя и нерѣдко совершенно выходящія изъ рамокъ кредитнаго учрежденія требованія, которыя будутъ къ нему предъявляться со стороны многихъ милліоновъ съ нетерпѣніемъ ожидающихъ выхода изъ своего несчастнаго положенія крестьянъ.

Такому учрежденію, какъ Обще-Имперскій Земельный Банкъ, довольно уже и того, чтобы быть строгимъ исполнителемъ той сложной программы, которая войдетъ въ основаніе аграрной реформы; входить же въ непосредственныя отношенія съ сельскимъ насе-

леніемъ, вести предварительные переговоры съ каждымъ крестьяниномъ, обсуждая его положеніе и связанныя съ нимъ условія его земельнаго устройства, разъяснять ему въ подробностяхъ значеніе реформы и способы, которыми онъ можетъ воспользоваться для устройства его будущности,—все это не можетъ входить въ обязанности банка и не будетъ по плечу его чиновникамъ.

Для этого надо знать народъ, надо къ нему близко стоять, надо самому понимать его и умѣть такъ говорить съ нимъ, чтобы и ему все было понятно,—словомъ, для этого нужны люди, изучившіе деревню, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знакомые съ общими основами права и вещнаго кредита. Только такіе люди и могутъ знакомить мужика съ его правами и обязанностями, дѣйствовать на него словомъ и убѣжденіями и подготовить его къ тому, чтобы онъ оказался въ состояніи придти къ какому-нибудь правильному рѣшенію, относительно выбора той или другой формы землевладѣнія и того или другого земельнаго участка; безъ такой предварительной подготовки едва ли можно ожидать отъ крестьянъ, чтобы они оказались въ состояніи правильно и ясно формулировать свои желанія по отношенію къ Обще-Имперскому Земельному Банку.

Такими толкователями закона и новаго положенія о землеустройствѣ могли бы быть лица, въ родѣ тѣхъ мировыхъ посредниковъ, непродолжительная дѣятельность которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, и до сихъ поръ сохранила о себѣ добрую память въ лѣтописяхъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

На обязанности такихъ лицъ, которыхъ назовемъ хотя бы «земельными посредниками», лежало бы вмѣстѣ

съ тѣмъ и осуществленіе всѣхъ тѣхъ предварительныхъ работъ и изслѣдованій, съ которыми связано проведеніе въ жизнь новой реформы,—насажденіе мелкой и средней земельной собственности и вѣчно-наслѣдственной аренды.

А такихъ работъ и изслѣдованій будетъ масса и между ними есть такія, которыя къ банковской дѣятельности совершенно не подходятъ: провѣрка наличности душъ въ каждой сельской общинѣ; опредѣленіе на сходахъ числа крестьянъ, желающихъ заниматься землепашествомъ; провѣрка числа душъ и надѣловъ, по уставной грамотѣ, сравнительно съ наличнымъ населеніемъ; руководительство сходами, при раздѣлѣ и отдѣленіи тѣхъ изъ крестьянъ, которые пожелаютъ оставаться на мѣстѣ, отъ тѣхъ, которые захотятъ селиться на новыхъ мѣстахъ; руководительство остающимися на своихъ мѣстахъ совладѣльцами, въ отношеніи дальнѣйшаго пользованія землею, сообща, или же раздѣлившись между собою на отдѣльные хутора; приглашеніе, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, землемѣровъ и наблюденіе за ихъ работами; наблюденіе за принятіемъ банкомъ въ залогъ старыхъ надѣловъ и усадьбъ и погашеніемъ остающагося долга по выкупной операціи; распредѣленіе оставшейся въ банкѣ отъ этой ссуды суммы между переселяющимися на новыя мѣста землепашцами, съ зачисленіемъ ея въ видѣ задатковъ за покупаемые ими участки; выборъ совмѣстно съ каждымъ желающимъ этихъ участковъ; покупка ихъ, выполненіе формальностей, устройство ихъ, все это должно производиться съ совѣта и подъ руководствомъ опытнаго, интеллигентнаго человѣка, заслуживающаго въ глазахъ крестьянина полнѣйшаго

довѣрія и не пугающаго его своими чинами и формальнымъ обращеніемъ.

Но не меньше дѣла такому посреднику будетъ и съ крупными землевладѣльцами, въ отношеніи отходящихъ отъ нихъ, по ихъ желанію, пустошей и обрѣзныхъ земель. Даже въ томъ простѣйшемъ случаѣ, когда имѣніе, по обстоятельствамъ, будетъ продаваться все въ полномъ составѣ, посреднику придется поработать надъ тѣмъ, какъ изъ него выдѣлить усадьбу съ пашнями и угодьями, для продажи въ видѣ небольшого имѣнія, не нарушая удобства расположенія остальныхъ земель, отходящихъ банку.

Придется изучать подробности каждаго имѣнія въ отдѣльности, опредѣляя относительную расцѣнку отходящихъ земель сравнительно съ остающимися за владѣльцами, составлять объ этомъ рапортъ банку и приводить обѣ стороны къ соглашенію.

Могутъ встрѣтиться и такіе исключительные случаи, когда и экспропріація окажется неизбѣжною. Представимъ себѣ, напримѣръ, что крестьяне оказываются совершенно отрѣзанными отъ водопоевъ, или же что они не могутъ выгнать своего стада на свои же земли иначе, какъ съ дозволенія сосѣда-землевладѣльца, словомъ, что они явно стѣснены въ томъ или другомъ отношеніи и поставлены въ полную зависимость отъ него; во всѣхъ этихъ случаяхъ, конечно, прямою обязанностью посредника будетъ представлять, куда слѣдуетъ, планъ для нормальнаго исхода изъ этого положенія, путемъ экспропріаціи или же установленія необходимыхъ сервитутовъ.

Но дѣятельность такого посредника далеко не исчерпывается даже и такими подготовительными ра-

ботами и изслѣдованіями, которыя привели бы крестьянъ или крупныхъ землевладѣльцевъ къ опредѣленнымъ сдѣлкамъ съ Обще-Имперскимъ Земельнымъ Банкомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, оставляя въ вѣдѣніи банка финансовое и техническое осуществленіе преобразованія купленныхъ имъ земельныхъ участковъ для устройства на нихъ крестьянскихъ хуторовъ, нужно же, чтобы преобразованія эти согласовались съ дѣйствительными крестьянскими нуждами, о которыхъ техники банка, при всѣхъ ихъ высокихъ качествахъ, могутъ имѣть весьма слабое, или даже извращенное представленіе; кромѣ того, весьма часто будутъ представляться и такіе случаи, когда участки будутъ заранѣе предназначены извѣстнымъ уже крестьянамъ; очевидно, что такіе покупатели болѣе всѣхъ будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы однѣ изъ предположенныхъ работъ по улучшеніямъ купленныхъ банкомъ земель были непремѣнно сдѣланы, именно согласно ихъ взглядамъ и желаніямъ, между тѣмъ какъ безъ другихъ они сочли бы возможнымъ и обойтись, или же они захотѣли бы произвести ихъ собственными средствами.

То же самое слѣдуетъ сказать и въ отношеніи стоимости такихъ улучшеній. Смѣты на подготовительныя работы конечно, должны быть составляемы банковскими техниками, но обсуждать ихъ, принимать, или отвергать, должно быть предоставлено заинтересованнымъ крестьянамъ, разъ участки распредѣлены заранѣе; во всѣхъ этихъ случаяхъ земельный посредникъ долженъ входить въ ихъ положеніе и отстаивать ихъ интересы, ведя переговоры съ бан-

комъ отъ ихъ имени. Заключеніе такого знатока крестьянской жизни, очевидно, необходимо для банка даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда къ устройству подъ хутора имѣются въ виду земли еще никому не предназначенныя, а поступающія въ запасъ общаго земельнаго фонда, для разселенія крестьянъ.

Точно также, и при дальнѣйшемъ устройствѣ своемъ на хуторѣ, крестьянинъ постоянно будетъ нуждаться въ совѣтѣ и помощи посредника, т. к. самъ онъ, можетъ быть, окажется не только мало опытнымъ, но и неграмотнымъ. Онъ не сумѣетъ написать прошенія, не знаетъ, куда его подать, а если узнаетъ, то это можетъ оказаться и хлопотливо, и далеко, а потому сопряжено съ большими расходами и потерею времени; а тутъ онъ будетъ себѣ знать одного посредника, чрезъ котораго и добьется всего, чего ему нужно.

Въ лицѣ такого посредника крестьяне найдутъ для себя именно такого совѣтника, какого имъ давно недостаетъ, и имъ не будетъ надобности обращаться за совѣтами къ такимъ проходимцамъ, которые не только вводятъ ихъ въ заблужденіе, но еще и обираютъ.

Для крестьянина, вступающаго въ новую жизнь, важно будетъ имѣть возможность всегда получить весьма вѣрное указаніе, объясненіе, или направленіе отъ человѣка, который будетъ стоять къ нему близко, который самъ будетъ наѣзжать къ нему въ деревню, и съ которымъ онъ будетъ въ постоянномъ общеніи, по вопросамъ, представляющимъ для него наибольшій, жизненный интересъ. Поэтому, отъ выбора этихъ посредниковъ, отъ ихъ способностей обращаться съ народомъ и внушать къ себѣ довѣріе, болѣе всего и

будетъ зависѣть успѣхъ всего дѣла. Такіе посредники явятся первымъ звеномъ, соединяющимъ крестьянское населеніе съ интеллигентными классами общества, на которыя до сихъ поръ оно смотритъ не только съ недовѣріемъ, но и враждебно; этимъ и будетъ положенъ первый камень къ объединенію всѣхъ сословій въ одинъ нераздѣльный Русскій народъ.

Въ заключеніе, признавая предлагаемое преобразованіе лишь за конспектъ основныхъ идей той аграрной реформы, которая могла бы отвѣчать назрѣвшимъ требованіямъ русскаго землеустройства, и не закрывая глазъ предъ размѣрами того громаднаго труда, который предстоитъ въ отношеніи разработки его подробностей и проведенія его въ жизнь, смѣло можемъ сказать, что только насажденіе мелкой земельной собственности и вѣчно-наслѣдственнаго землепользованія и могутъ спасти Россію отъ дальнѣйшихъ неурядицъ и безпорядка, угрожающихъ уж и самымъ основамъ общества и государства.

Этими мѣрами достигнется болѣе правильное распредѣленіе землевладѣнія въ Россіи, безъ котораго нѣтъ возможности устранить охватившаго сельское населеніе движенія и связанныхъ съ нимъ аграрныхъ волненій и безпорядковъ, имѣющихъ въ своемъ основаніи самую опасную въ такихъ движеніяхъ причину,—неудовлетворенное стремленіе сельскаго населенія къ собственности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	III
I. Причины крестьянскихъ волненій и безпорядковъ . .	1
II. Недочеты реформы 1861 г. и послѣдующихъ мѣръ, по отношенію къ благосостоянію крестьянъ.	42
III. Желательныя формы надѣленія крестьянъ землею. .	59
IV. Принципъ надѣленія крестьянъ землэю, въ связи съ частнымъ землевладѣніемъ	77
V. Сколько и откуда взять земли для удовлетворенія крестьянъ?	102
VI. Расчеты крестьянъ между собою и устройство крестьянскихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ.	136
VII. Вѣчно-наслѣдственная аренда государственныхъ и другихъ земель.	173
VIII. Заключеніе	188

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413

WIDENER
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED